A 267/194

А 267
194

ПРЕЛЬЩЕНІЕ ЛИТОВСКОЕ.

ЦЕРКОВНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ

Вл. П. Лебедева.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Изданіе П. П. Сойкина
КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ:
Отрѣшенная, № 12, собств. домъ.
КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ:
Невскій пр., 98, уг. Надеждинск.

Дешевая Библіотека Русскаго Паломника.

СВ. АДРІАНЪ И НАТАЛІЯ. Церковно-ист. пов. *Д. Алексича.* Изд. 2-е 139 стр., ц. 25 к.

АЛѲЕЙ ИЗЪ НАЗАРЕТА. Виды и нравы галилейскіе во время земной жизни Христа Спасителя. 40 стран., ц. 10 к.

АПОЛОГІЯ СВ. КІЕВСКИХЪ МОЩЕЙ. Соч. Арх. *Ѳеофана* (Прокоповича). 36 стр., ц. 10 к.

АѲОНСКІЙ ПОДВИЖНИКЪ. Разсказъ въ 2-хъ частяхъ изъ жизни на Аѳонѣ. *Е. М. Багреевой-Сперанской.* 300 стран., ц. 75 к.

БИБЛІЯ И НАУКА. Историческія разъясненія къ Ветхому Зав. Проф. *З. Раулинсона.* стран., ц. 25 к.

Учен. Ком. М. Нар. Пр. **ДОПУЩЕНО** въ библ. средн. уч. зав.

БОГОМЪ ОТМѢЧЕННЫЙ. Изъ жизни одного старца подвижника. *Г. Съверцева,* 164 стр., ц. 50 к.

БЫТОВЫЕ ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОЙ ПАЛЕСТИНЫ. Соч. *С. Кончиловича.* 170 стр., ц. 25 к.

Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. **ДОПУЩЕНО** въ учен. библ. средн. учебн. зав. и въ безпл. народн. библ. и чит.

Уч. Ком. при Св. Синодѣ **ДОПУЩЕНО** въ уч. библ. ср. учебн. завед.

ВѢРНЫМЪ ПУТЕМЪ. Повѣсть изъ современной жизни въ 2 част. *А. Красницкаго.* 228 стр., ц. 50 к.

Его Импер. Выс. Гл. Нач. военно-учебн. зав. **РЕКОМЕНДОВАНО** для пріобрѣтен. въ библіотеки кадетск. корпус.

Учен. Комит. Мин. Нар. Пр. **ДОПУЩЕНО** въ учен., старш. возраста, библ. средн. учебн. завед. мин., въ библ. учит. семин. и въ безпл. нар. чит. и библ.

„ГОСПОДЬ ВОЦАРИТСЯ". Десять картинъ славы Господа Іисуса Христа. *В. Моно.* Перев. *С. Моложаваго.* 176 стр., ц. 25 к.

ГРИГОРІЙ БОГОСЛОВЪ (Святый). Избран. творен. и его жизнеоп. Сост. подъ ред. преосв. *Никанора,* еп. Смоленск. 262 стр., ц. 75 к.

Учен. Ком. М. Н. Пр. **ОДОБРЕНО** для учен. старш. возр., библ. всѣхъ средн. учебн. зав.

ДВѢ РѢЧИ. *Е. Дидона.* Переводъ съ франц. *А. П. Озерова.* 34 стран., ц. 50 к.

ДНЕВНИКЪ Протоіерея *Іоанна Сергіева* (*Кронштадтскаго*). 118 стран., ц. 25 к.

ДУША. Изъ твореній еписк. *Юлія Мигнатія.* цѣна 5 к.

ЖЕСТОКОЕ ИСПЫТАНІЕ. Бытовая пов. въ 2-хъ ч. *А. И. Красницкаго.* 192 стр., цѣна 50 к.

Учен. Ком. Мин. Нар. Пр. **ДОПУЩЕНО** въ ученич., младш. и средн. возр., библіот. средн. и низш. уч. зав. и безпл. народн. читальни и библ.

ЖИЗНЕННЫЕ ВОПРОСЫ (по сочиненію Ѳомы Франка). *Н. Двигубскаго.* Изъ содержанія: Есть ли у насъ душа? Существуетъ ли загробная жизнь? Что такое Богъ? 182 стран., ц. 50 к.

ЗА БРАТЬЕВЪ СЛАВЯНЪ. По поводу 25-лѣтія войны 1877—78 г. *И. Преображенскаго.* 188 стр., цѣна 50 к.

ЗАДУШЕВНОЕ СЛОВО. Сборникъ духовн. стихотвореній изъ соч.: *К. Р., Хомякова, Тютчева, Майкова, Языкова, Полонскаго, Глинки* и др. 128 стр., ц. 25 к.

ЗАЩИТНИКИ ХРИСТІАНСТВА. (Апологеты). Проф. Каз. дух. акад. *И. И. Ревсрсова.* 224 стр., ц. 50 к.

Учен. Ком. М. Н. Пр. **ДОПУЩЕНО** въ учен. стар. возр., библ. всѣхъ средн. учебн. зав.

ИЗБРАННЫЯ ТВОРЕНІЯ. Изъ душеспасительныхъ поученій *Платона,* митр. моск. Бол. томъ, болѣе 500 стр., ц. 75 к.

СВ. ІОАННЪ ЗЛАТОУСТЪ. Его жизнь и дѣятельн. Сост. іеромон. *Ѳеодосій* подъ ред. преосв. *Никанора,* еп. Орл. 120 стр., ц. 25 к.

СВ. ІОАННЪ ЗЛАТОУСТЪ. Его избранныя творенія. 228 стран., ц. 25 к.

ІОАННЪ ИЛЬИЧЪ СЕРГІЕВЪ (Кронштадтскій), протоіерей. Его жизнь и дѣятельность. Біографическій очеркъ *С. А. Голованова,* ц. 20 к.

КАЛЛИСТА. Повѣсть изъ жизни карѳагенскихъ христіанъ. 195 стран., ц. 25 к.

КНИГА БЫТІЯ МОЕГО. (Изъ воспомин. о Востокѣ). Еп. *Порфирія* (Успенск.) 194 стр., ц. 25 к.

КОНЕЦЪ ІУДЫ. Древне-историческая пов. *С. Кончиловича.* 168 стран., ц. 25 к.

КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОЕ МОНАШЕСТВО отъ основанія города до кончины Патріарха Фотія (330—898). Сочиненіе *Аб. Марена.* 305 стр., ц. 50 к.

Учен. Ком. М. Н. Пр. **ДОПУЩЕНО** въ учен. старш. возр., библ. ср. учебн. зав. и въ учит. библ., низш. учил.

КУРСКАЯ СВЯТЫНЯ. Маг. богосл. *О. Четыркина.* 16 стран., ц. 5 к.

МИЛОСТИ БОЖІЯ къ народу русскому и его правителямъ. Отъ крещенія Руси до татарскаго нашествія 988—1237 г. *Мягкова.* 200 стр., ц. 25 к.

МИЛОСТИ БОЖІЯ отъ татарскаго нашествія до нашихъ дней. 200 стр., ц. 25 к.

МИНУВШІЯ СУДЬБЫ ПЕТЕРБУРГСКАГО КРАЯ (по поводу 200-лѣтія С.-Петербурга). Церковно-истор. оч. *Ѳ. Четыркина.* 167 стр., ц. 50 к.

ПРЕЛЬЩЕНІЕ ЛИТОВСКОЕ.

ЦЕРКОВНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ

Вл. П. Лебедева.

РУМЯНЦ... БИБЛІО-ТЕКА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Изданіе П. П. Сойкина
КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ: Стремянная, № 12, собств. домъ.
КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ: Невскій пр. 96, уг. Надеждинск.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 15 апрѣля 1904 г.

2007058230

Типографія П. П. Сойкина. Спб., Стремянная, 12.

I. Грубство новогородское.

Тысяча четыреста семидесятый годъ много худого принесъ землѣ Новогородской. И знаменія разныя являлись, отъ которыхъ трепетало сердце у людей старыхъ, опытныхъ, любившихъ свой городъ родной. Сильная буря сломала средь бѣлаго дня золотой крестъ на храмѣ святой Софіи; древніе херсонскіе колокола въ Хутынскомъ монастырѣ сами собою звонили, да такъ печально, жалостно, что и мужей слеза прошибала, а жены новогородскія прямо ручьями разливались.

Въ одинъ теплый весенній денекъ шумъ и гулъ стоялъ по всему Нову-городу. Не звонилъ вѣчевой колоколъ, а толпы народныя чернымъ лѣсомъ стояли на площадяхъ да улицахъ.

— Что это всполошились наши мужики-вѣчники?— говорила степенная вдова Анфиса Марковна, выйдя за ворота своихъ изрядныхъ хоромъ, что стояли въ Торговомъ концѣ.

Спрашивала степенная вдова свою знакомку Θеклу Потапьевну, что спѣшила куда-то мимо воротъ. Да видно особаго дѣла не было у дородной Θеклы, потому что тотчасъ-же остановилась она и долгую бесѣду повела съ Анфисою.

— И сама не знаю, матушка Анфиса Марковна,— заговорила она частехонько. — Валомъ валитъ народъ, крикомъ кричитъ. А съ чего такъ всполошился — невѣдомо.

— Ахти, матушка Ѳекла Потапьевна, слыхала-ли ты, каковы чудеса объявились? Даже и молвить жутко... Была-ль ты въ Евфимьевскомъ монастырѣ, прикладывалась-ли къ иконѣ Богоматери?

Дородная Ѳекла вся такъ и насторожилась: кажись знала она всѣ новости новогородскія и сама первая обо всемъ благовѣстила, а тутъ знакомка про что-то говоритъ, что ей невѣдомо, про что она слыхомъ не слыхала.

— Говори-же, мать моя, говори скорѣича.

— Мнѣ вчера блаженненькій Игнатушка сказывалъ,— заторопилась Анфиса Марковна.—Шла обѣдня въ монастырѣ, церква полнымъ полнехонька была... какъ пошли православные ко кресту прикладываться да воззрились на святую икону Богоматери — такъ и объялъ ихъ ужасъ великій: плакала икона-то святая! Слышь, горькими слезами плакала. Тутъ весь народъ на колѣни попадалъ, оробѣлъ, ужаснулся.

Ахала и вздыхала Ѳекла Потапьевна, слушая вѣсть необычную. Анфиса-же Марковна расписывала ей о томъ случаѣ дивномъ всякими разводами...

— Игнатушка блаженненькій одну слезку Богородицыну поймалъ... Чудо великое свершилось: слезка-то у него на рукѣ застыла и жемчужинкой стала... Показывалъ мнѣ ту жемчужинку Игнатушка.

Опять заохала и завздыхала Ѳекла Потапьевна. Въ свою очередь захотѣла она новостью удивить знакомку свою: де-скать не одна ты обо всемъ свѣдома, и мы кой-что знаемъ.

— А слыхала-ль, мать моя, что Марѳа Борецкая ладитъ дѣлать?

— Не слыхала, Ѳеклушка.

Обѣ знакомки усѣлись на лавочку у воротъ: стоя-то не поговоришь много.

— А вотъ что затѣяла Марѳа Борецкая... Вѣдаешь, какихъ гостей ждутъ въ Новгородъ?

— Литовцевъ-то? знаю.

— А среди заурядныхъ литовцевъ наѣдетъ самъ князь Михаилъ Олельковичъ. Сказываютъ, мужъ зѣло лѣповидный, витязь храбрый и роду знатнаго.

Такъ Марѳа-то Борецкая удумала, какъ гостей принять... Казны-то у нея бочками не вывезешь... Домовъ у нея по всему Нову-городу многое множество... Вотъ и сказала Марѳа Борецкая посаднику и всѣмъ людямъ степеннымъ, что даетъ жилье литовцамъ безъ всякой корысти. А самому князю Михаилу Олельковичу отводитъ она хоромы богатыя въ Софійскомъ концѣ. Чай понимаешь, какая ей за то слава будетъ? И такъ по всему Нову-городу Марѳино имя Борецкой гремитъ... Теперь-же пойдетъ о ней молва до самаго Кіева. Въ Кіевѣ-то на престолѣ сидитъ братъ князя Михаила, Симеонъ...

Теперь настала пора Анфисѣ охать да удивляться.

— И куда это Марѳа тянется! Гордыня-то въ ней великая, а казны золотой да серебряной покойный Исаакъ Борецкій вдоволь ей оставилъ...

— Не ладитъ-ли она посадницей стать?— молвила Ѳекла Потапьевна.

— Да что ты, мать моя! Она и такъ повсюду посадницей слыветъ...

— Не о томъ говорю... То-по мужу кличка, а Марѳа по себѣ хочетъ быть...

— Да это не слыхано, не видано. Ужли баба будетъ надъ великимъ Новымъ-городомъ стоять!

Долго еще говорили-бы знакомки про Марѳу Борецкую, да помѣшалъ имъ новый прохожій...

— Игнатушка блаженненькій идетъ, — обрадовалась Анфиса Марковна.

Изъ-за угла мелкой припрыжкой бѣжалъ любимый новогородцами юродивый Игнатушка. Былъ онъ въ одной рубахѣ холщевой, что носилъ зимой и лѣтомъ.

Космы черныхъ волосъ съ просѣдью раздувалъ весенній вѣтеръ, и падали онѣ на худыя плечи и впалую грудь. Очи у блаженнаго были большія, блестяція — горѣли яркимъ огнемъ, думой горячей, скорбной, непрестанной. Босыми ногами торопливо переступалъ онъ по улицѣ пыльной.

Добѣжалъ юродивый до двухъ знакомокъ, сѣлъ рядомъ съ ними на скамейку.

— Что скажешь, Игнатушка? — спросила Анфиса Марковна.

— Охъ вы, женки новогородскія, — заговорилъ блаженный, качая косматой головой,—сидите вы тутъ да бесѣдушку разводите, языки-то у васъ звонятъ-звонятъ... А скоро другой звонъ пойдетъ по всему Новугороду великому—не радостный звонъ, погребальный...

— Упаси Боже!

— Господи помилуй!

Обѣ знакомки осѣнились крестнымъ знаменіемъ. А блаженный болталъ грязными ногами да покачивалъ головой косматой.

— Да кого-жъ хоронить будутъ, Игнатушка? — спросила-осмѣлилась Анфиса Марковна.

— Былъ владыка и нѣтъ владыки,— забормоталъ юродивый.— Пусто станетъ въ хоромахъ архіепископскихъ, останется стадо безъ пастыря... А новый пастырь на мѣсто сядетъ — не въ ту сторону глядѣть будетъ...

Крестясь и вздыхая слушали женщины загадочныя рѣчи блаженнаго. Быстрая догадкой Анфиса Марковна первая уразумѣла кое-что. Поняла она, что говоритъ юродивый о болѣзни архіепископа новогородскаго Іоны и пророчитъ владыкѣ близкую кончину.

— Кого-же на мѣсто владыки посадятъ?—спросила она Игнатушку.

— А того, кто Москву любитъ,— быстро отвѣтилъ блаженный.

– Надо быть Θеофила протодьякона,— молвила со страхомъ Анфиса Марковна. — Суровый владыка будетъ, не ласковый.

Поговоривъ съ женками и смутивъ ихъ своимъ пророчествомъ, поднялся блаженный со скамейки и убѣжалъ вдоль по улицѣ, подымая пыль великую.

— Вернись, Игнатушка, поѣй али посѣдай чего, — кричала ему вслѣдъ Анфиса Марковна. Но не слушалъ блаженный и скрылся за угломъ.

— Ужли на мѣсто владыки Θеофила выберутъ?— заговорила Θекла Потапьевна.

— На посохъ архіепископскій Пименъ ключникъ владычній тоже зарится. По душѣ-бы онъ былъ Великому Новгороду, не сталъ-бы тянуть на руку московскую...

Къ обѣимъ женамъ новогородскимъ подошелъ тутъ степенный купецъ Илья Микуличъ, давній знакомецъ ихъ. Шелъ онъ скоро, и было тревожно лицо его.

— Здравствовать вамъ, — молвилъ онъ, снимая шапку.—Худыя дѣла творятся на площади вѣчевой...

Присѣлъ Илья на лавочку возлѣ двухъ кумушекъ и сталъ вытирать ширинкою цвѣтною лицо вспотѣвшее.

— Что-же тамъ дѣется? — наперебой пристали къ нему обѣ женки.

— А вотъ что. Худые мужики-вѣчники грубство великое учинили супротивъ великаго князя московскаго. Сейчасъ видѣлъ я—набросились они на московскаго гостя купца Данилу и его тяжкими побоями обезчестили. Опашень разорвали, однорядку скинули и шапку ногами потоптали. Въ кровь разбили голову... А за что спроси? Хотѣлъ Данила съ одного посадскаго долгъ взыскать, а тотъ отъ долга отрекается, платить не хочетъ... Повелъ его Данила къ намѣстнику великокняжескому, а толпа по дорогѣ набросилась, посадскаго отбила, купца окровавила. Чай те-

перь пошлютъ бояре московскіе великому князю отписку о грубствѣ новогородскомъ. А великій князь Иванъ Васильевичъ теперь зѣло силенъ сталъ, даже хана ордынскаго не страшится. Бѣда будетъ нашей отчинѣ Нову-городу Великому! А вѣдаете, кто худыхъ мужиковъ вѣчниковъ горластыхъ на московскаго купца натравливалъ?

— Чай Борецкіе?—спросила Анфиса.

— Вѣрно. Дмитрій Борецкій самъ въ толпѣ былъ Худо смотритъ Марѳа за сынками своими; такіе стали буяны, что никому житья нѣтъ. А Марѳа на свою голову имъ попущаетъ...

— Да что-жъ мы сидимъ тутъ, — спохватилась Анфиса Марковна.—Пожалуйте, гости дорогіе, въ мою избенку бѣдную. Теперь къ полудню близко, время поѣсть да выпить.

По обычаю чиновому стали гости отнѣкиваться, да хозяйка хлѣбосольная ихъ не слушала—за рукава повела въ свои хоромы.

Челядь была у Анфисы Марковны расторопная: мигомъ столъ накрыли, нанесли пироговъ, калачей, вареного, жареного, наставили всякихъ кубковъ да кувшиновъ да жбановъ съ медомъ, брагою и зеленымъ виномъ.

Илья Микуличъ, сѣвъ за столъ, осѣнился крестомъ, налилъ себѣ усмистую чашу меду малиноваго, хозяюшкѣ ласково кивнулъ и промолвилъ:

— Во здравіе твое, Анфиса Марковна. Да хранитъ Господь Великій Новъ-городъ отъ всякой бѣды, а пуще всего отъ гнѣва великокняжескаго!

Обѣ знакомки тоже налили себѣ по чаркѣ крѣпкаго меду и выпили за благоденствіе родного города. Потомъ пошло угощеніе: на славу накормила гостей хлѣбосольная хозяйка Анфиса Марковна!

II. Новый владыка.

На владычномъ дворѣ въ архіепископскомъ домѣ послѣ долгой суеты и долгаго безпокойства стало все мало-по-малу затихать. Прежній владыка, архіепископъ Іона, послуживъ родному городу благими дѣлами и непрестанною молитвою, лежалъ теперь въ гробницѣ. Новый владыка, поселившись въ домѣ архіепископа, ввелъ и новшества многія. При старомъ архіепископѣ всѣмъ вертѣлъ и владѣлъ на дворѣ владычномъ инокъ Пименъ, ключникъ и управитель. Состарившись и ослабѣвъ съ годами болею, владыка Іона слушался во всемъ приближеннаго своего, а Пименъ довѣріе владычное во зло обращалъ. Шла по всему Нову-городу худая слава про монаха-ключника; и не любили его, и боялись. А кому было дѣло до владыки, тотъ, набивъ карманъ серебромъ, прежде всего пробирался къ Пимену; выходилъ отъ него совсѣмъ налегкѣ, за то вѣрно зналъ, что все по его станется.

Теперь иные порядки пошли на дворѣ владычномъ. Новый архіепископъ былъ и тѣломъ, и духомъ мощенъ, велъ жизнь строгую, подвижническую. Челобитчиковъ да просителей принималъ владыка всегда самъ, въ каждое дѣло входилъ, обо всемъ дознавался.

Лѣтняя теплая ночь покрыла уже Новгородъ тьмою; спали всѣ въ людномъ городѣ. Только въ образной комнатѣ въ домѣ архіепископскомъ ярко свѣтились окна. Не спалъ владыка—бесѣдовалъ со своимъ старымъ знакомцемъ, степеннымъ и умнымъ боярномъ новгородскимъ Никитою Артемьевичемъ. Боринъ былъ въ дорожной одеждѣ; на владычномъ дворѣ ждала его тройка лихихъ коней, позвякивая бубенцами.

— Слушай-же еще разъ мою волю, боринъ, — говорилъ владыка Ѳеофилъ, сидя со своимъ гостемъ у дубоваго стола, крытаго чернымъ сукномъ.—Хоро-

ненько запомни, какъ дѣло вести, когда въ Москвѣ будешь.

Боярин слушалъ владыку съ почтеніемъ; умное лицо его было печально: видно не на радость ѣхалъ онъ въ Москву далекую.

— Я псковный новогородецъ, какъ и ты, боярин,—велъ далѣе свою рѣчь новый архіепископъ.—Люблю я всѣмъ сердцемъ и всей душой нашъ городъ славный Новгородъ-Великій. Желаю я ему долгодействія и богатства. Хочу я отвратить отъ него бѣду неминучую. А та бѣда надъ нашими головами виситъ. Грубство великое сотворили люди новогородскіе супротивъ великаго князя Ивана Васильевича. Я-то государя-князя хорошо знаю; не разъ на Москвѣ бывалъ и всякую ласку отъ него видалъ. Блюдетъ великій князь свое достоинство царское и землю русскую блюдетъ. Всѣ прежніе удѣлы теперь подъ рукой великаго князя; вѣча-то лишь въ Новгородѣ да Псковѣ остались... А пора землѣ русской подъ единымъ отцомъ собраться, единаго крѣпкаго владыку надъ собой чуять. Подъ его рукой державной сильна и крѣпка будетъ Русь православная. Доселѣ жила земля русская вразбродъ, и отъ того много худа бывало... Ужли и теперь Великій Новгородъ изъ всѣхъ городовъ русскихъ станетъ строптивымъ сыномъ своему отцу — великому князю? Большая бѣда тогда будетъ вѣрѣ православной. А за ту вѣру православную готовы мы съ тобой да и всѣ лучшіе люди животъ положить. Самъ знаешь, сколько враговъ грозятъ нашей вѣрѣ православной: и крымскій ханъ, и великій ханъ, и свеи, и литовцы...

При тѣхъ словахъ встрепенулся степенный боярин.

— Пуще всѣхъ боюсь я, владыка, литовцевъ. Снюхались они съ Марѳой Борецкой и съ нашими крикунами-вѣчниками. А такое побратимство съ еретиками до добра не доведетъ... Чай, слыхалъ, владыка, какъ

на вѣчѣ кричали, чтобы ѣхать тебѣ на ставленье въ Кіевъ? Исконп того не бывало для духовенства православнаго...

Владыка Ѳеофилъ поднялся съ своего мѣста; загорѣлись его очи яркимъ огнемъ. Откинулъ онъ назадъ черные власы свои, подернутые сильной просѣдью, наморщилъ высокое чело и пошелъ къ образамъ, у которыхъ теплились свѣчи неугасимыя. Сотворилъ онъ передъ ликами святыми земной поклонъ, поднялся спокойный и мощный...

— Не дамъ вѣры православной въ обиду! — молвилъ онъ твердо.—Не для того вложилъ Господь въ руки мои посохъ архіепископскій. Пускай неразумные вѣчники крикомъ кричать, смертью грозятъ, а я въ Москву поѣду на ставленье. Тамъ истинный свѣтъ вѣры православной, а не въ ляшской землѣ, не въ Кіевѣ, гдѣ еретическимъ духомъ все пропахло. Слушай-же, боярипъ, обо всемъ разскажи ближнимъ совѣтникамъ государевымъ и моимъ именемъ ихъ завѣрь, что всегда я буду за московскаго великаго князя стоять. Также повѣдай боярамъ московскимъ, какіе козни злыя затѣваютъ противъ него Борецкіе и приверженцы ихъ. Скажи, что со дня на день ждутъ литовскаго князя Михаила Олельковича. Коли хочетъ государь спасти Новгородъ-Великій для своей державы, пускай пришлетъ свое слово гнѣвное, свой запретъ царскій.

Поднялся боярипъ, низко поклонился владыкѣ и попросилъ благословенія въ путь-дорогу. Благословилъ его владыка, обнялъ и поцѣловалъ три раза.

— Гряди съ миромъ, чадо, и для Новгорода-Великаго миръ привези.

Скоро застучали на дворѣ владычномъ копыта конскія, зазвенѣли бубенцы, и уѣхалъ боярипъ Никита Артемьевичъ въ Москву за „опасной грамотой“ для архіепископа новогородскаго. Проводивъ гостя, владыка

долго еще молился передъ святыми иконами, потомъ поднялся съ колѣнъ и нахмурилъ брови густыя. Въ эту ночь было у владыки еще дѣло: долженъ онъ былъ еще творить судъ строгій.

Позвалъ архіепископъ своего послушника и молвилъ ему: — Пусть приведутъ ко мнѣ ключника Пимена.

Скоро въ образную комнату двое дюжихъ служекъ монастырскихъ ввели тучнаго инока съ хитрымъ лицомъ, съ очами лукавыми. Былъ Пименъ испуганъ; съ трепетомъ упалъ онъ въ ноги владыкѣ...

— Поднимись, грѣшникъ великій, не будетъ тебѣ моего благословенія, — сурово проговорилъ владыка Ѳеофилъ.

Досталъ потомъ архіепископъ изъ образницы какую-то грамоту и сталъ читать ее громкимъ голосомъ.

— Вѣдомо-ли тебѣ, ключникъ Пименъ, чьей рукой писана сія грамота? А писана она къ литовскому князю Симеону. Слушай, что говорится въ той грамотѣ: „А судити твоему намѣстнику по новогородской старинѣ; а дворецкому твоему жити на Городищѣ во дворцѣ по новогородской пошлинѣ; а дворецкому твоему пошлины продавати съ посадникомъ новогородскимъ по старинѣ съ Петрова дни. Тіуну твоему судити въ одринѣ съ новогородскими приставы. А намѣстнику твоему и дворецкому и тіуну быти на Городищѣ въ пятидесяти человѣкъ. А намѣстнику твоему судити съ посадникомъ во Владычнѣ дворѣ на пошломъ мѣстѣ, какъ боярина, такъ и житьего, такъ и молодшего, такъ и селянина; а судити ему въ правду по крестному цѣлованью всѣхъ равно. А пересудъ ему имати по новогородской грамотѣ по крестной противу посадника; а опричь пересуда посула ему не взяти. А во Владычнѣ судъ и въ тысяцкаго, а въ то ся тебѣ не вступати, въ монастырскіе суды по старинѣ. А пойдетъ князь великій московскій на Великій-Новгородъ,

или его сынъ, или его братъ, или которую землю подыметъ на Великій-Новгородъ, ино тебѣ, нашему господину честному королю, всѣсти на конь за Великій-Новгородъ и со всею своею радою литовскою противъ великаго князя, и боронити Великій-Новгородъ. А коли, господине честный король, не умиривъ Великаго-Новагорода съ великимъ княземъ, а пойдетъ въ лятцкую землю или въ нѣмецкую; а безъ тебе, господине, пойдетъ князь великій или его сынъ, или его братъ, или кою землю подойметъ на Великій-Новгородъ, ино твоей радѣ литовской всѣсти на конь за Великій-Новгородъ по твоему крестному цѣлованію, и боронити Новгородъ".

Прочитавши эти слова, взглянулъ архіепископъ строгими очами на Пимена. Инокъ дрожью дрожалъ и кругомъ озирался очами робкими. Никакъ не ждалъ онъ, что потайная грамота, которую думали послать князю литовскому его благопріятели новогородскіе, станетъ вѣдома нареченному владыкѣ Ѳеофилу. Страшился ключникъ архіепископскій, какъ-бы не обвинили его въ обманѣ да коварствѣ сторонники Марѳы Борецкой... А тутъ еще для пущаго страху сталъ перечислять владыка Ѳеофилъ тѣхъ, что свою подпись подъ грамотой ставили.

— Подписали ту грамоту: посадникъ Дмитрій Исаковичъ да сынъ посадничій Иванъ Кузьминъ; да отъ житьихъ людей Панфилей Серифонтовичъ, Кирило Ивановичъ, Якимъ Яковлевичъ, Яковъ Зиновьевичъ да Степанъ Григорьевичъ...

Упалъ на колѣни инокъ Пименъ, протянулъ руки къ образамъ святымъ и взмолился владыкѣ нареченному.

— Не карай меня, владыка! Не своей волею дѣлалъ я, а по велѣнію людей сильныхъ, подъ угрозою смертною...

Архіепископъ Ѳеофилъ не сталъ долѣе томить виновнаго: тутъ же изрекъ онъ ему приговоръ свой.

славной и передъ престоломъ царей московскихъ. Въ этотъ скорбный день много потратилъ владыка и силъ и убѣжденіи горячихъ, чтобы образумить матежниковъ. Но не вняли ему поборники Борецкихъ...

Тогда заперся владыка у себя въ хоромахъ на многія недѣли, стоя на молитвѣ дни и ночи, прося Господа сжалиться надъ неразумными новогородцами — избавить ихъ отъ грѣха и кары тяжкой.

Однажды поздно вечеромъ сидѣлъ архіепископъ Ѳеофилъ въ своей опочивальнѣ, предаваясь скорбнымъ думамъ. Въ своей темной рясѣ, въ клобукѣ иноческомъ, озаренный слабымъ свѣтомъ восковой свѣчи, казался владыка какою-то скорбною тѣнью, землѣ не принадлежащею, о небесахъ тоскующей. Келейникъ владыки стоялъ у дверей, не смѣя слова вымолвить и тоже скорбно глядѣлъ на своего владыку любимаго. На столѣ передъ владыкой стояло блюдо съ овощами—вечерняя трапеза архіепископа. Не касался до нея владыка; уже много дней не шла ему на умъ никакая пища.

Вдругъ архіепископъ обратился къ своему келейнику и спросилъ его торопливо.

— Сказывалъ ты, что послали новогородцы князя Василія Шуйскаго - Гребенку въ Двинскую землю? Сегодня, что-ль, онъ выѣхалъ?

— Сегодня, владыка, и съ большой ратью конной да оружной. А когда прощался князь съ Дмитріемъ Борецкимъ, то сказалъ ему Дмитрій хвастливое слово, такую-де мы тебѣ рать дали, что самого воеводу Холмскаго осилишь...

— О безуміе, о слѣпота человѣческая! — промолвилъ, вздохнувъ, владыка. — А того Дмитрія Борецкаго еще самъ великій князь боярскимъ чиномъ пожаловалъ. Такъ-то благодаритъ онъ за милость великую...

Въ это время за дверями шумъ послышался—чьи-то голоса раздались.

— Погляди-ка, Ѳедосѣй, что тамъ такое.

По приказу владыки вышелъ келейникъ изъ опочивальни, да скоро вернулся.

— Прибылъ отъ великаго князя посолъ, бояринъ Товарковъ, хочетъ твоего благословенія просить, владыка.

— Впусти,—поспѣшно велѣлъ архіепископъ.

Вошелъ дородный среднихъ лѣтъ бояринъ съ окладистой бородой, одѣтый по дорожному. Поклонился онъ въ поясъ владыкѣ и благословенія попросилъ.

— Привезъ я тебѣ, владыка, поклонъ и привѣтъ отъ великаго князя, отъ митрополита Филиппа и бояръ московскихъ. Знаютъ на Москвѣ, что не держишь ты сторону крамольниковъ и нынѣ просятъ тебя, ради непролитія крови христіанской, просвѣтить словесами мудрыми помраченный разумъ мятежниковъ.

При этихъ словахъ еще разъ низко поклонился московскій бояринъ владыкѣ. Но скорбно оставалось лицо архіепископа.

— Тщетно старался я вразумить безумцевъ. На увѣщанія мои были мнѣ отвѣтомъ поруганія и поношенія. Нынѣ замыслили крамольники посадить на мое мѣсто инока Пимена и послать его наставленье въ Кіевъ къ митрополиту Григорію...

Московскій бояринъ слушалъ владыку съ изумленіемъ и ужасомъ.

— Правда-ли, что всему причиной спесивая женка, вдова посадничья Марѳа Борецкая?

— Правда, бояринъ! Теперь наши люди степенные женскимъ умомъ жить стали. Большое у Марѳы богачество и закупаетъ она людишекъ новогородскихъ цѣлыми сотнями.

Помолчали бояринъ и владыка, предавшись думамъ скорбнымъ, малое время.

запада неслись къ берегамъ Ильменя. Москвитяне изъявляли остервенѣніе неописанное: новгородцы-измѣнники казались имъ хуже татаръ. Не было пощады ни бѣднымъ земледѣльцамъ, ни женщинамъ. Небо, благопріятствуя Іоанну, изсушило тогда всѣ болота; отъ Маія до Сентября мѣсяца ни одной капли дождя не упало на землю; зыби отвердѣли; войско съ обозами вездѣ имѣло путь свободный и гнало скотъ по лѣсамъ, дотолѣ непроходимымъ".

Испепеливъ Русу, передовая рать московская разбила станъ на Коростынѣ, между Русою и Ильменемъ-озеромъ. Думалъ здѣсь князь Холмскій дать передохнуть своимъ ратникамъ, что отъ Москвы день и ночь спѣшили.

Наступалъ вечеръ, теплый, даже знойный. Московская рать стояла на болотѣ пересохшемъ; сторожевые ратники лѣниво поглядывали по сторонамъ, не ожидая ни откуда врага. Князь Холмскій и товарищъ воевод-скій, боярин Ѳедоръ Давидовичъ, отдыхали подъ наметомъ, наскоро разбитымъ. Только что кончили оба воеводы вечернюю трапезу и запивали ее московскимъ медомъ стоялымъ изъ стопъ серебряныхъ. Князь Холмскій смотрѣлъ витяземъ крѣпкимъ и суровымъ. Черная длинная борода ложилась на панцырь кольчужный, коего не снималъ воевода ни днемъ, ни ночью на походѣ. Боярин Ѳедоръ былъ моложе лѣтами, волосомъ русъ, лицомъ румянъ. Очи его соколиным взоромъ смотрѣли.

— Слава Господу, что самъ великій князь со всей ратью идетъ, — говорилъ Холмскій.—При немъ никто медлить не станетъ. Ишь какъ скоро добрались мы до самой сердцевины новгородской. И то сказать, самъ Богъ благословляетъ намъ походъ вонискій: самъ Богъ послалъ солнышко знойное; изсушило оно топи да болота, чащи непроходимыя пожгло.

— Не все еще договорилъ, княже! Окромя того

ослѣпилъ Господь новгородцевъ, отнялъ у нихъ разумъ — и сами они на гибель идутъ. Слышь, у нихъ и рати не собраны...

При тѣхъ словахъ боярпнъ Ѳедоръ Давидовичъ осушилъ стопу меду крѣпкаго и усмѣхнулся.

— На что имъ рати, коли у нихъ такой воевода знатный, — перебилъ Холмскій. — Такой воевода, что всѣхъ насъ голыми руками заберетъ—не попадайся.

— А что, княже, про князя Шуйскаго - Гребенку нельзя худо молвить: витязь доблестный и въ дѣлѣ ратномъ свѣдущъ.

— Не про князя Василія молвилъ я,—хитро улыбнулся князь Даніилъ.—Онъ у новгородцевъ — товарищемъ воеводскимъ, какъ ты у меня.

— Кто-жъ воевода-то? — не смекнувши, спросилъ Ѳедоръ Давидовичъ.

— А большой воевода-то у нихъ въ убрусѣ да душегрѣѣ ходитъ, а зовется онъ Марѳою, вдовой посадничьей.

Засмѣялся боярпнъ прибауткѣ затѣйливой. Больно чудно показалось ему, что бабу воеводой зовутъ. А князь Холмскій, выпивъ меду, уже не на шутку рѣчь повелъ.

— Много разъ посылалъ меня великій князь со своими ратями на кровавый бой. Восвалъ я ливонцевъ, пермичей, татаръ казанскихъ да крымскихъ и много поту утеръ за Москву-матушку, за вѣру православную. И скажу тебѣ, боярпнъ, каждый разъ шелъ я на рать съ великой заботою: какъ бы врагамъ не поддаться, не помрачить славу меча московскаго. А нынѣ, вѣрпнь-ли, выступилъ я въ поле съ такимъ духомъ радостнымъ, ничего не опасаючись. Кажись-бы и радоваться нечему: на своихъ идемъ на единовѣрныхъ; съ той и другой стороны прольется кровь православная... А во мнѣ все-же духъ не смущается, не болитъ сердце за грядущее. Вѣдаешь-ли ты, почему сіе?

княжеской... Московскіе копья, сулицы, бердыши и топоры нещадно работали, не одну буйную голову новгородскую раздробили и разсѣкли они, не одинъ панцырь, не одинъ шишакъ новгородскій распался подъ острымъ и тяжелымъ клинкомъ... Послѣднія силы напрягали новгородцы; лучшіе люди, одномышленники Марѳы Борецкой, впередъ шли и храбро бились... Воевода все кричалъ.

— Держитесь, братья, скоро подоспѣетъ полкъ владычній!

А полка владычняго все не было и не было. Одинъ за другимъ падали на траву кровавую новогородцы; разрѣзала ихъ толпу и, словно ржа желѣзо, доѣдала новгородскихъ ратниковъ московская дружина...

Дмитрій Борецкій, держа въ рукѣ мечъ окровавленный, бросился къ воеводѣ и молвилъ ему тихимъ голосомъ.

— Къ чему понапрасну биться? Развѣ ты не вѣдаешь, что намъ полка владычнаго никогда не дождаться? Владыка Ѳеофилъ на московскую сторону тянетъ. Велѣлъ онъ полку своему только псковичей бить, а московцевъ не трогать...

Храбрый воевода не внялъ словамъ Дмитрія Борецкаго, не хотѣлъ посрамить своей славы ратной— все звалъ на бой новогородскую рать...

Но насталъ часъ гибели. Посѣчены и порублены лежали новогородцы на поляхъ Коростынскихъ; горячая кровь ихъ сырую землю алыми ручейками пропитывала; остеклѣвшія холодныя очи съ ужасомъ глядѣли въ темное небо...

Тихая іюньская ночь видѣла затѣмъ торжество стратеговъ московскихъ...

— Упустили мы князя Василія да Дмитрія Борецкаго,—сокрушенно качая головой, говорилъ воевода князь Холмскій, когда ратники московскіе проводили передъ нимъ толпу плѣнниковъ новогородскихъ. — И

когда только успѣли они прорваться сквозь нашу рать?

— Эхъ, боярпнъ, не похвалитъ насъ за это великій князь. То-то бы ему подарокъ былъ изрядный!

Боярпнъ Ѳедоръ Давыдовичъ тяжело отдувался послѣ боя жаркаго, повязывалъ холстиною руку раненую.

— И то великій князь насъ похвалитъ! — гляди-ко-сь, больше пяти сотъ новогородцевъ порублено, да еще захвачено-то сколько. Чай, въ Новѣ-городѣ будетъ плачъ великій, степаніе и скрежетаніе зубовное. Пожалѣютъ женки новогородскія о своихъ мужьяхъ порубленныхъ.

Насторожился прп этихъ словахъ князь Холмскій! Сурово нахмурилъ онъ брови густыя и задумался на малое время. Потомъ грозно сверкнулъ онъ очами и сказалъ воеводѣ-товарищу.

— Надумалъ я въ мятежный Новгородъ особыхъ вѣстпковъ послать — пусть свидѣтельствуютъ они, что грозна спла московская, что жестоко караетъ она за измѣну вѣрѣ православной. Выведи, боярпнъ, трохъ молодцовъ, что порослѣе да помоложе, да позови-ка сюда Касимку-татарпна!

Быстро исполнялись приказы князя-воеводы: скоро привели передъ его очи трохъ молодцовъ-новогородцевъ, а за нпми пришелъ и Касимка-татаринъ, широкоскулый,. дюжій.

— Вы,—молвилъ воевода Холмскій молодцамъ-новогородскимъ,—вооружились на великаго князя съ дерзновеніемъ и хулою. Вы на нашъ станъ нагрянули вечеромъ темнымъ, обычаемъ предательскимъ, сонныхъ хотѣли насъ порубить—насъ, защитниковъ и крѣпителей святой вѣры. За то повинны вы выдержать муку великую! Уста ваши извергали хулу и поношеніе на великаго князя московскаго... Поздрями вашими влекпись вы къ запаху лакомому вѣры еретической, ла-

тинской... Великъ вашъ грѣхъ передъ всей землей русской...

Помолчалъ князь Холмскій, глядя суровымъ взоромъ на плѣнниковъ новогородскихъ. Тѣ ни живы ни мертвы стояли. Ратники московскіе, собравшись кругомъ около воеводы, зажгли вѣтви смолистыя, и пламя кровавое играло пятнами зловѣщими на блѣдныхъ лицахъ новогородцевъ...

— И за ту вину великую,—вдругъ грозно крикнулъ князь Холмскій,—хочу я въ лицѣ вашемъ покарать Новгородъ мятежный! Да будете вы ему, городу буйному, вѣчною угрозою и упрекомъ вѣчнымъ!— Отрубите имъ, Каспмка, носы и губы, и пускай идутъ они въ семъ видѣ жалостномъ въ городъ свой, и пускай вѣдаютъ новогородцы, что значитъ измѣнить вѣрѣ православной и землѣ русской! *).

V. Новогородскій владыка

Въ борьбѣ между великимъ княземъ московскимъ и Великимъ-Новгородомъ правда была на сторонѣ владыки московскаго. О томъ свидѣтельствуетъ и историкъ, который предпосылаетъ слѣдующія слова описанію борьбы Москвы съ Новгородомъ: „Василій Темный

---

*) Этотъ историческій фактъ можетъ служить предметомъ долгихъ и горячихъ споровъ, но онъ неопровержимо указанъ у Карамзина, который пишетъ: «Съ жестокосердіемъ, свойственнымъ тогдашнему вѣку, приказавъ отрѣзать плѣнникамъ носы, губы, послали ихъ, искаженныхъ въ Новгородъ». По нашему мнѣнію нельзя полностью принимать на вѣру это событіе. Намъ кажется, что князь Холмскій могъ именно велѣть произвести эту страшную операцію только надъ *нѣкоторыми* плѣнниками въ видахъ устрашенія Новгорода и въ наказаніе за склонность къ латинству. Надо имѣть во вниманіе, что древнія лѣтописи вообще грѣшатъ многими преувеличеніями. Повторяя опять-таки, что это — вопросъ спорный, мы все-же остаемся при своемъ мнѣніи. *Авторъ.*

возвратилъ новогородцамъ Торжокъ; но другія земли, отнятыя у нихъ сыномъ Донского, Василіемъ Дмитріевичемъ, оставались за Москвою: еще не увѣренные въ твердости Іоаннова характера, и даже сомнѣваясь въ ней по первымъ дѣйствіямъ сего князя, ознаменованнымъ умѣренностію, миролюбіемъ, они вздумали быть смѣлыми, въ надеждѣ показаться ему страшными, унизить гордость Москвы, возстановить древнія права своей вольности, утраченныя излишнею уступчивостію ихъ отцовъ и дѣдовъ. Съ симъ намѣреніемъ приступили къ дѣлу: захватили многіе доходы, земли и воды княжескія; взяли съ жителей присягу только именемъ Новгорода; презирали Іоанновыхъ намѣстниковъ и пословъ; властію вѣча брали знатныхъ людей подъ стражу на Городищѣ, мѣстѣ не подлежащемъ народной управѣ; дѣлали обиды москвитянамъ".

Тѣ изъ новогородцевъ, что были мудрѣе и опытнѣе, ждали, что великіе князья московскіе, рано или поздно, усмирятъ своевольство вольнаго города. Знали эти мудрѣйшіе люди, какова стала сила московская, какъ Москва присовокупила къ себѣ многія княжества удѣльныя... Понимали они также, что у московскихъ князей была цѣль великая: стремились князья сплотить раздѣленныя части земли русской въ одно цѣлое могучее государство, что слушало-бы единой воли единаго владыки, и своей мочью, своимъ единодушіемъ могло-бы постоять противъ враговъ многочисленныхъ. Богатъ былъ Новгородъ, но не было въ немъ порядка и согласія: бояре да посадники угнетали простой народъ, и негдѣ было тому искать защиты...

Такія думы скорбныя въ многосотній разъ передумывалъ архіепископъ новогородскій Ѳеофилъ, сидя недѣли двѣ послѣ Коростынской битвы въ своемъ владычномъ домѣ на архіерейскомъ дворѣ въ Великомъ-Новгородѣ.

Было раннее утро, но уже сильно прогрѣвало іюль-

ское солнышко. Порою взглядывалъ владыка въ окно на родной городъ и тяжко вздыхалъ. И было отъ чего вздыхать архіепископу Ѳеофилу... Въ это жаркое утро Великій-Новгородъ, обычно шумный и многолюдный, словно вымеръ. Не видно было ни души на площадяхъ и улицахъ новогородскихъ. Владыка зналъ, почему такая тишина гробовая тяжело нависла надъ Новымъ-городомъ...

Не образумились мятежные новогородцы отъ грознаго посланія воеводы Холмскаго. Послѣ Коростынской битвы послали они къ великому князю посадника Луку Клементьевича, чтобы тотъ обманулъ рѣчами лукавыми Ивана Васильевича — обѣщалъ ему, что покоряются новогородцы, что не они налетѣли набѣгомъ на воеводу Холмскаго, а молодшіе люди, вольница, и въ томъ Великій-Новгородъ вины не несетъ. Великій князь стоялъ тогда на Коломнѣ—озерѣ; не повѣрилъ онъ лукавымъ рѣчамъ и послалъ наказъ князю-воеводѣ, чтобы шелъ тотъ далѣе за рѣку Шелонь...

Все это припоминалъ владыка новогородскій, припоминалъ также, какъ въ нѣсколько дней приверженцы да совѣтники Марѳы Борецкой собрали новую сильную дружину въ четыре десятка тысячъ ратниковъ и послали ее на Шелонь противъ воеводы московскаго. Опять повели рать новогородскую князь Шуйскій-Гребенка да Дмитрій Борецкій. Помнилъ владыка, какъ выступали новогородцы шумно и весело, какъ хвалились они, что на этотъ разъ московцамъ не поддадутся, что приведутъ плѣнниками и воеводу Холмскаго и боярина Ѳедора Давыдовича... Вѣдомо было владыкѣ, что передовая рать московская считала не болѣе пяти тысячъ ратниковъ, и страшился онъ, что новогородцы москвичей задавятъ многолюдствомъ своимъ.. Тогда придетъ великій князь со всею силою и отъ Новгорода ничего не оставитъ!

Долго сидѣлъ архіепископъ у окошка своей гор-

ницы „образной“, тяжко вздыхалъ, о грядущемъ загадывалъ. Порою отъ горькихъ думъ горячія слезы скатывались изъ очей владыки на крестъ золотой, что сіялъ на его груди широкой.

Много разъ заглядывалъ въ горницу келейникъ архіепископа, но владыка даже не смотрѣлъ на него, и привычный послушникъ опять безмолвно скрывался за дверью.

Наконецъ, либо ждать наскучило, либо что-нибудь важное явилось,—вошелъ келейникъ къ архіепископу шумно и поспѣшно. Архіепископъ вздрогнулъ и очнулся отъ своихъ думъ.

— Что тебѣ?—спросилъ онъ послушника.

— Не гнѣвись, владыка, что вошелъ я такъ поспѣшно. Лихія вѣсти пришли съ Шелонь-рѣки...

— Кто привезъ?—тревожно спросилъ владыка.

— Привезъ тѣ вѣсти Ѳома Григорьевъ, изъ твоего полка владычнаго. Конь-то у него у самыхъ воротъ палъ, а самъ гонецъ едва дышитъ, насилу его отпоили стклянницей вина зеленаго.

— Что-жъ, есть у него грамота?

— Откуда-жъ грамота, владыка? Теперь, чай, некому и грамоты писать...

— Почему?—спросилъ архіепископъ тревожно.

— Да вотъ я сейчасъ гонца позову, — молвилъ келейникъ и за дверь выбѣжалъ.

Скоро вернулся онъ и привелъ съ собой запыленнаго, измученнаго гонца. Еле дышалъ молодецъ Ѳома. Широко раскрытыми очами глядѣлъ онъ на владыку и едва силы имѣлъ, чтобы подойти къ нему и благословенія попросить. Благословилъ его архіепископъ Ѳеофилъ, а потомъ мягкимъ голосомъ промолвилъ:

— Садись-ка ты, молодецъ, къ столу да выпей чашу меду, да закуси малость. Больно ужъ ты истомился съ долгой дороги...

При этомъ кивнулъ владыка келейнику своему.

Пропалъ тотъ за дверью, а потомъ вновь появился, да появился съ полной сидовой меду стоялаго и съ пирогами румяными...

Благостно улыбаясь, глядѣлъ владыка Θеофилъ, какъ уплеталъ за обѣ щеки и какъ пилъ полными чарами гонецъ новогородскій. Заиграла кровь на щекахъ поблѣдиѣвшихъ у гонца усталаго. Крѣпкій медъ ударилъ въ очи гонцу, и засвѣтились они отвагой и бодростью. Еще разъ поглядѣлъ владыка на гостя своего нежданнаго, увидѣлъ, что сытъ и бодръ гонецъ, и тогда уже сталъ его допрашивать...

— А скажи мнѣ, добрый молодецъ, доброй волею, аль неволею пріѣхалъ ты ко мнѣ съ лихими вѣстями? Можетъ, послалъ тебя мой воевода, можетъ, изъ корысти поспѣшилъ ты ко мнѣ прискакать?

Тутъ поглядѣлъ владыка взоромъ испытующимъ на молодого гонца... Не смутился гонецъ—правдивымъ и прямымъ взоромъ глядѣли на владыку его очи смѣлыя; даже гнѣвъ загорѣлся въ этомъ взглядѣ послѣ словъ владычныхъ...

— Никогда не кривилъ я душою, никогда корысти не былъ слугою! Прибылъ я къ тебѣ, владыка, по голосу сердца своего, по любви къ городу родному!

Архіепископъ Θеофилъ снова испытующе глянулъ на гонца, только на этотъ разъ былъ его взоръ мягче и любовиѣе.

— Слышу я въ твоемъ голосѣ правду истинную, вижу я въ очахъ твопхъ душу добрую, не лукавую... Говори-же мнѣ, гонецъ юный, всю правду скорбную...

Помедлилъ гонецъ малое время, а потомъ голосомъ твердымъ, въ коемъ звучала, все-же, скорбь великая, началъ повѣствовать о кровавомъ пораженіи рати новогородской...

— Пришли мы, владыка, на берегъ Шелонь-рѣки и пришли мы въ великомъ множествѣ. Еще много

осталось новогородцевъ отъ Коростынской рати, а къ тому-же еще прислали Борецкіе 10 полковъ новонабранныхъ... Видя множество свое, возгордились новогородцы, стали они хвалиться, что въ шапку положатъ московцевъ, что князя Холмскаго съ его татарвой отошлютъ въ Новгородъ, ремнями сыромятными связавши. Не было у насъ, владыка, недостачи и въ хмѣльномъ зельѣ... Цѣлые возы нагружены были бочками съ зеленымъ виномъ да съ медомъ... Передъ побѣдой чаемой сильно пила рать новогородская, сильно пила, сильно похвалялась... Только утро настало, только солнышко брызнуло, стали наши дружины къ бою готовиться... А какъ глянули наши новогородцы на берегъ противный —нѣчто страшное узрѣли они... Стояла тамъ вся рать московская въ крѣпкомъ строю и готовилась она ударить на наши дружины нестройныя... Ужаснулись тутъ новогородцы, а московцы, времени не теряя, черезъ рѣку-то на насъ бросились. Самъ я слышалъ, какъ возгласилъ воевода Холмскій:—„Настало время послужить государю. Не убоимся ни трехъ сотъ тысячъ мятежниковъ,—за насъ правда и Господь Вседержитель!“ Вѣришь-ли, владыка,—какъ одинъ человѣкъ, рванулась рать московская въ глубокую Шелонь-рѣку и плыла она на насъ грозной тучею, только та туча не по синему небу шла, а по водѣ глубокой. Не успѣли мы опомниться, какъ тѣ пять тысячъ ударили на наши четыре десятка тысячъ, словно громъ да молнія! Не осталось въ памяти моей многихъ случаевъ изъ той битвы кровавой. Только помню я, что Дмитрія Борецкаго въ одночасье сломили и взяли, а вмѣстѣ съ нимъ и многихъ бояръ да посадниковъ *). Такъ погибла рать новогородская,—кончилъ гонецъ.

---

*) Посадниками звали въ Новгородѣ не только правящихъ посадниковъ, но и ихъ потомковъ. *Авторъ.*

— Такъ погибла рать новогородская, а съ нею погибла мощь и вольность Великаго-Новгорода,—промолвилъ скорбно, осѣняясь крестомъ, архіепископъ новогородскій.

VI. Грамота великокняжеская.

25 дня іюля ударилъ въ Великомъ Новгородѣ вѣчевой колоколъ; ударилъ онъ тревожно и загремѣлъ до самыхъ пригородовъ, оповѣщая новогородцевъ о великомъ горѣ. Было то въ часъ полуденный, когда уже многіе новогородцы поснѣдать успѣли и на отдыхъ легли. Потому не такъ скоро собрался народъ новогородскій на знакомый призывъ звонкаго колокола; многихъ будили жены да сыны, и тогда вскакивали они и опрометью бѣжали на вѣче.

— Чего опять звонятъ?—спрашивали другъ друга кончане, люди съ разныхъ концовъ—улицъ.

— А кто ихъ знаетъ,—отвѣчали другіе.

— И въ какую пору звонить надумали! Тутъ бы люду православному вдосталь выспаться, а ихъ нелегкая взяла на вѣче звать.

Хоть и шумѣли и бранились новогородцы, а все-же спѣшили на призывъ колокола вѣчевого. У всѣхъ лица блѣдны были и у всѣхъ сердце крѣпко щемило... Много бѣды пронеслось надъ Новогородомъ и еще много бѣды грозило ему... Еще мало пролилось крови новогородской, еще не довольно покарала грозный городъ Божія десница. Каждый изъ новогородцевъ рядовыхъ зналъ свой грѣхъ великій: что хотѣлъ Великій Новгородъ отступиться отъ вѣры православной и латинству предаться. Потому-то страхъ запалъ въ сердца новогородскія, когда сталъ ихъ внезапно созывать вѣчевой колоколъ...

Сотнями и тысячами собрались новогородцы на вѣче; отъ народу стала черна вся площадь; отъ го-

вора и криковъ шумъ великій стоялъ... Еще и еще подходили толпы густыя...

— Слушайте, новогородцы! — закричалъ громкимъ голосомъ посадникъ, а за нимъ въ разныхъ мѣстахъ старосты концовые толпѣ шумной закричали.

— Слушайте, новогородцы!

Пріутихла многоголосная толпа... На клекотъ ястреба хищнаго такъ притихаетъ въ рощѣ зеленой гомонъ птичій...

— Слушайте, новогородцы! — еще разъ возгласилъ посадникъ.

Много тысячъ очей устремилось на посадника. Увидѣли новогородцы, что вывелъ онъ съ собой боярина московскаго, что держитъ тотъ бояринъ въ рукахъ грамоту и хмурымъ взоромъ на новогородцевъ глядитъ. Еще разъ прозвучали во всѣхъ концахъ крики старостъ концовыхъ — совсѣмъ замолчала буйная толпа новогородская...

— Царь и великій князь Иванъ Васильевичъ, отъ Великаго Новгорода своего нелюбія не отнимаючи, шлетъ новогородцамъ опасную грамоту. Да придутъ въ его станъ лучшіе люди новогородскіе, чтобъ сказать вины Великаго Новгорода...

Такъ возгласилъ московскій бояринъ, и дошли слова его до всѣхъ концовъ площади вѣчевой. Еще болѣе пріутихли новогородцы...

— А вамъ, людямъ новогородскимъ, говоритъ великій князь: „Нашли воеводы мои послѣ битвы Шелонской въ шатрахъ новогородскихъ ту грамоту клятвопреступную, что писали новогородцы къ литовскому королю Казимиру. За то склоненіе къ латинству покаралъ уже Господь Вседержитель новогородцевъ на берегахъ Шелонь-рѣки. Вѣдайте-же, новогородцы, какъ далѣе караетъ васъ Богъ за клятвопреступленіе. Князь Холмскій, воевода мой, предалъ огню и мечу многія земли ваши. Я-же, великій князь московскій

въ городѣ Русѣ повелѣлъ смертью казнить вашихъ бояръ Дмитрія Исакова Борецкаго, Марѳина сына, Василія Селезнева-Губу, Киприана Арбузѣева и Еремію Сухощека, чашника владычняго. А Матѳѣя Селезнева и другихъ лучшихъ людей новогородскихъ, что съ оружіемъ въ рукахъ супротивъ меня, великаго князя, пойманы были, цѣпями оковалъ и послалъ, тѣхъ въ Коломну, тѣхъ въ Москву. Окромя того вѣдайте, что Господь Богъ вѣнчаетъ побѣдою и другихъ воевод моихъ, что въ вашей землѣ Двинской подъяли мечъ за вѣру православную. Вашъ князь посаженный, Василій Шуйскій, сталъ супротивъ воевод моихъ съ двунадесять тысячами двинцевъ и печерцевъ. Мою-же рать вели воеводы Образецъ да Борисъ Слѣпой и бились они цѣлый день и взяли они хоругвь новогородскую и къ вечеру ваши рати побили. Уязвленъ, бѣжалъ князь Шуйскій въ ладьѣ простой, а мои воеводы всю Двинскую землю взяли и вся Двинская земля цѣловала крестъ великому князю московскому. Вѣдайте еще, люди новогородскіе, — не держите надежды на литовскаго Казимира, ибо магистеръ орденскій, по велѣнію нашему, не пускаетъ отнынѣословъ черезъ землю свою въ Литву. Нѣтъ вамъ ни откуда помощи ни спасенія! Отрекитесь отъ латинства, отдайтесь великому князю московскому на милость его!

Еще прочелъ боярин много словъ милостивыхъ къ новогородцамъ, а потомъ грамоту свернулъ и сталъ отвѣта ждать.

Оробѣвъ, стояли новогородцы, услышавъ вѣсти грозныя, и не знали, что молвить. Можетъ, покорились-бы они великому князю, да тутъ вмѣшался, по словамъ лѣтописцевъ, „нѣкій бѣсъ во образѣ женщины, вдовы посадничьей, именуемой Марѳою Борецкою. Вышелъ тотъ бѣсъ посередь площади, а слѣдомъ за нимъ вышли и слуги его съ большими мѣшками

гремящими... Гремѣло въ тѣхъ мѣшкахъ злато да серебро, души грѣшныя соблазняючи, у десницъ длань просяще... И стала та жена, въ образѣ коей бѣсъ крылся, вынимать изъ мѣшковъ полной горстью злато да серебро и сыпать его передъ мужами новогородскими... А при томъ вопила та жена великимъ гласомъ: „Не покоряйтеся великому князю московскому, берите мое злато да серебро, крѣпко стойте за Великій-Новгородъ да за короля Казимира!“

Не любилъ народъ новогородскій Марѳу Борецкую, за то любилъ онъ золото и серебро... Марѳа Борецкая много его братьевъ и сыновъ подъ московскія копья подвела, а все-же золото и серебро новогородцевъ по привычкѣ тянуло. Искони были новогородцы народомъ торговымъ, искони вели они торгъ съ городами ганзейскими; познали они разныя лакомства земель заморскихъ — сукна тонкія, вина сладкія и много другихъ диковинокъ... Было тѣхъ диковинокъ вдосталь только у гостей — купцовъ богатыхъ, а все-же слышали новогородцы, слышали и видѣли тѣ блага земныя... Теперь-же тотъ бѣсъ „во образѣ жены“ сыплетъ имъ монеты иноземныя мѣшками полными!..

Послѣ того боярин московскій и говорить не сталъ съ толпой новогородской. Да если бъ и захотѣлъ онъ говорить, — не стало-бы у него мочи. Разошлась толпа новогородская, загремѣла тысячами голосовъ, прогнала посадника и на томъ поставила, что хочетъ-де Великій-Новгородъ супротивъ Москвы идти, что ему-де, Великому-Новгороду, никто не указчикъ!..

VII. Упадышъ.

Сряду послѣ буйства новогородскаго, когда золотомъ Марѳы Борецкой Великій-Новгородъ противу князя московскаго упрямо стоять захотѣлъ, москов-

скія рати тѣсно обложили вольный городъ. Никто въ Новгородѣ не ждалъ - не гадалъ, что такая бѣда нагрянетъ; ни посадникъ, ни множество приверженцевъ Борецкихъ заботы о томъ не держали, чтобы городъ всякими припасами запасся; а въ самомъ-то городѣ были только товары дорогіе иноземные: были сукна, да атласы, да камки, да всякіе бархаты — не было только того, что человѣку больше всего надобно: не было хлѣба, не было свѣженики, толокна да крупы... Все, что оставалось, новгородцы успѣли пріѣсть... Оставались еще въ амбарахъ у купцовъ богатыхъ мѣшки пшеницы, но ту скрыли богатые купцы и сами бѣлый хлѣбъ ѣли, а простой народъ послѣдними кусками чернаго хлѣба дѣлился.

Въ эту пору тяжелую недавній владыка, архіепископъ новгородскій Ѳеофилъ, любъ и дорогъ сталъ бѣдному люду; видя толпы голодныхъ, что нахлынули къ его двору владычному, что молили громкимъ голосомъ о единомъ кускѣ хлѣба, открылъ владыка свои амбары и повелѣлъ безъ остатка раздавать запасы хлѣбные голодающимъ. Съ утра до ночи у двора владычняго тѣснились толпы новгородцевъ, и давали имъ архіепископскіе служки вдоволь хлѣба, пока не стали изсякать и тѣ запасы богатые...

Владыка Ѳеофилъ душою болѣлъ за Великій-Новгородъ, ночей не спалъ — на молитвѣ стоялъ. Много разъ уже ходилъ онъ къ Мареѣ Борецкой, къ посаднику, увѣщевалъ ихъ словомъ кроткимъ, изъ Священнаго Писанія приводилъ примѣры, но не внимали ему мятежники и думали въ своей гордынѣ дерзкой до конца стоять противъ велнкаго князя.

Не зналъ уже владыка, что ему дѣлать... Шесть дней прошло съ тѣхъ поръ, какъ рати московскія обложили Новгородъ... На седьмой день сидѣлъ владыка у себя, погруженный въ думу скорбную. Только

что всталъ онъ съ колѣнъ, только что прервалъ молитву долгую, въ которой просилъ Господа Бога вразумить новогородцевъ мятежныхъ. Вошелъ къ нему послушникъ и сказалъ, что боярчъ новогородскій Упадышъ проситъ къ владыкѣ войти. Зналъ того боярича владыка, зналъ, какъ человѣка изъ рода знатнаго, какъ прихожанина благочестнаго, какъ мужа разумнаго. Позвалъ онъ скорѣе къ себѣ нежданнаго гостя...

Вошелъ въ горницу владыки мужъ зрѣлыхъ лѣтъ, крѣпкій тѣломъ, съ осанкою ратною. Низко поклонился онъ владыкѣ, послѣ поклона откинулъ назадъ густые черные волосы, разгладилъ длинную бороду, какъ смоль черную. Благословилъ его владыка и спросилъ:

— Что ты мнѣ принесъ, какую вѣсть недобрую? Еще не весь гнѣвъ Божій излился на Великій-Новгородъ? Чѣмъ еще грозитъ Господь вольному городу за его неразуміе?

Упадышъ облобызалъ руку владыки, еще разъ взмахнулъ своей черной гривой густою и сѣлъ на лавку, сверкая очами смѣлыми...

— Пришелъ я просить благословенія твоего, владыка, на великій подвигъ, на дерзновеніе великое..

— Говори, сынъ мой,—молвилъ архіепископъ.

— Болитъ душа моя за родной городъ,—сказалъ Упадышъ, — вижу я близкую погибель его и спасти хочу новогородцевъ безумныхъ...

— Что-же ты удумалъ?

— Удумалъ я забить на стѣнахъ пушки новогородскія, чтобы не стрѣляли онѣ въ рать московскую... Какъ увидятъ новогородцы, что нѣту у нихъ снаряда пушечнаго, тогда болей-неволей покорятся великому князю...

Въ глубокомъ молчаніи думалъ владыка долгое время.

— Одинъ-ли ты за такое дѣло берешься?

— Одинъ, владыка. На такое дѣло помощниковъ не найти. Одинъ я и отвѣчать буду передъ Великимъ-Новгородомъ, передъ совѣстью своей и передъ Богомъ...

Еще подумалъ архіепископъ, потомъ всталъ и боярина благословилъ.

— Гряди на сей подвигъ и будь душою твердъ!

Поклонился въ ноги владыкѣ Упадышъ и бодрыми шагами вышелъ изъ горницы владычней.

Настала ночь глубокая; безпросвѣтной мглою легла она надъ всѣми концами, надъ всѣми площадями Великаго-Новгорода. Гнѣздилась мгла и на высокихъ башняхъ, и на зубчатыхъ стѣнахъ кремля новогородскаго. Слѣпила она очи стражамъ-дозорнымъ, что берегли городъ отъ приступа нежданнаго. Клубилась мгла ночная около огнестрѣльнаго снаряда новогородскаго, холодной росою покрывала мѣдные стволы тяжелыхъ пушекъ. Много ихъ стояло на башняхъ да на стѣнахъ новогородскихъ. Были тутъ „дробовики“, до двухъ саженъ длиною, до двухъ тысячъ пудовъ вѣсомъ; были пищали для стрѣльбы прицѣльной; были „верховыя пушки“, что навѣснымъ огнемъ врага били. Частымъ рядомъ стояли на стѣнахъ „затинныя“ пищали, изъ копхъ палили невеликими пулями. Возлѣ наряда огнестрѣльнаго цѣлыми грудами лежали ядра всякія: то просто каменныя, свинцомъ да оловомъ облитыя, то желѣзныя да чугунныя; этими ядрами палили пушкари, накаливъ ихъ на огнѣ до красна. Тутъ-же лежали „дробовые“ снаряды: куски камня, желѣза, свинца, шары чугунные, набитые пулями. Подъ навѣсомъ положены были снаряды разрывные — кувшины съ зельемъ, съ порохомъ...

Каменный кремль новогородскій заложенъ былъ еще въ 1044 году и съ тѣхъ поръ много разъ укрѣплялся

да перестраивался. Стѣны его, высотой до шести саженъ, толщиной до двѣнадцати, шли вокругъ города многоугольниками. На всѣмъ углахъ высились башни каменныя, круглыя или многоугольныя съ „печурами“— бойницами, изъ которыхъ выглядывали пушки да пищали.

Всѣхъ выше была Софійская башня, и стояло на ней больше всего пушекъ да пищалей. Головой Софійской башни былъ Василій Ананьинъ, изъ рода посадничьяго, мужъ опытный и разумный. Зорко слѣдилъ онъ всегда—днемъ и ночью—за своими пищальниками и воли имъ не давалъ. Другіе головы да сотники спятъ, бывало, сномъ крѣпкимъ во всю ночку темную; нѣтъ у нихъ заботы на стѣну пойти, стражей доглядѣть. А Василій Ананьинъ раза три на ночь вокругъ башни своей пройдется, за всѣми посмотритъ...

На самой вышкѣ башни Софійской стояли два ратника новогородскіе на стражѣ; держали они подъ рукою короткія ручницы, что заряжены были на случай нападенія нежданнаго. Тутъ-же у стѣны стояли два бердыша острыхъ да тяжелыхъ; на поясѣ у ратниковъ висѣли сабли. Словомъ, готовы были молодцы встрѣтить врага и огнемъ, и желѣзомъ.

— Слушай-ка, Тимоѳей, — молвилъ одинъ изъ нихъ, — скоро-ли насъ смѣнятъ? Больно ужъ дрема клонитъ, прямо на ногахъ шатаетъ. Должно, про насъ десятникъ позабылъ, али заспался. Глядко-сь, далеко ужъ за-полночь, а мы все на стражѣ.

— Пустое ты говоришь, Анкудинъ! Не такой у насъ голова, чтобы десятники спать стали. Скоро, глядп, и самъ придетъ дозоромъ. Слушай-ка, тамъ по лѣсенкѣ кто-то топочетъ...

Оба ратника прислушались: вправду, кто-то шелъ, только не по той лѣсенкѣ, что на башню вела, а по нижней, широкой, что изнутри города на стѣну подымалась.

— То не къ намъ,—молвилъ Тимоѳей.

Анкудинъ отъ скуки сталъ дальше голову хвалить.

— Такой у насъ голова, Василій Ананьинъ, дозорливый да усердный. Онъ каждую нищаль досмотритъ, каждую печуру обойдетъ... И ничего, милостивый, ласковый. Коли служишь хорошо, на стражѣ бодро стоишь— онъ и винца поднесетъ, и доброе слово молвитъ. А другіе-то головы да сотники, только и знай собачатся...

— Стой-ка, — оборвалъ его рѣчь Тимоѳей, — слышишь, внизу кто-то постукиваетъ.

Опять прислушались оба ратника. Снизу, изъ средняго яруса башни, долеталъ до нихъ частый звонкій стукъ, словно желѣзо о желѣзо били...

— Что-бы это такое было?—молвилъ Анкудинъ.

— А что-жъ, братъ, намъ съ мѣста сходить не велѣно, да тамъ и свои сторожа есть, — шопотомъ сказалъ Тимоѳей.—Подождемъ малость, какъ придутъ смѣнять, скажемъ обо всемъ.

Замолчали ратники, затаили дыханіе—смѣны ждутъ. А внизу-то все стучитъ, да звенитъ, все бьетъ желѣзо о желѣзо.

Наконецъ, раздались на лѣсенкѣ шаги твердые, вошелъ на вышку голова башенный Василій Ананьинъ.

— Ну, молодцы, пора вамъ смѣняться!

— Тише, голова,—молвилъ торопливо Тимоѳей и повѣдалъ ему шопотомъ про невѣдомый стукъ да звонъ. Велѣлъ ратникамъ голова смирно стоять, а самъ, крадучись, внизъ пошелъ.

Немного времени прошло, какъ услышали оба ратника его призывъ громкій:

— Сюда, молодцы, скорѣй! Всѣхъ будите, сюда поспѣшайте! Здѣсь измѣна великая! Ищите, ловите вора!..

Оба ратника внизъ бросились, другіе проснулись, третьи подбѣжали, и скоро цѣлая толпа собралась внизу, около головы башеннаго, что стоялъ, головой качая,

надъ большою пушкою. Запылали шесты смоляные; красный свѣтъ озарилъ темные своды башенные, мѣдные стволы пищальные...

— Лихое дѣло совершилось,—кричалъ голова, Василій Аѳаньинъ,—забрался невѣдомый воръ на башню, заблъ онъ гвоздями желѣзными три пушки, что ни на есть лучшія, всѣ затворы испортилъ! А самого не видать, задалъ тягу! Ищите, братцы родимые, того злодѣя-вора, чай—недалеко убѣжалъ, гдѣ-нибудь затаился...

Зашумѣла толпа, бросилась по всѣмъ угламъ шарить, а голова все вздыхалъ да головой качалъ, разсматривая свои пушки-трескотухи.

— Эхъ не соблюлъ я наряда огнестрѣльнаго, учинилъ проруху Великому Нову-городу, и за то мнѣ срамъ и позоръ будетъ передъ посадникомъ, передъ Борецкими да передъ всѣми братьями-новогородцами!

Тѣмъ временемъ Тимоѳей, съ котораго и сонъ давно соскочилъ, набрелъ на одну печуру старую, негодную, гдѣ уже давно пищалей не ставили. И показалось ратнику, что въ той печурѣ кто-то шевелится. Сталъ Тимоѳей въ темнотѣ шарить, нащупалъ какого-то человѣка, да не въ добрый часъ. Спрятанный-то какъ хватитъ гостя нежданнаго по головѣ, такъ и опрокинулся навзничь ратникъ ошеломленный. Упалъ, да не потерялъ памяти Тимоѳей, завопилъ онъ на всю башню. „Здѣсь воръ, здѣсь злодѣй! Берите его, братцы“!..

Сбѣжались на крикъ ратники. Долго не давался имъ невѣдомый злодѣй, отбивался ломомъ желѣзнымъ, многихъ на мѣстѣ положилъ; наконецъ окутали его веревкой длинной, стянули, связали, къ головѣ привели. Ахнулъ Василій Аѳаньинъ, какъ взглянулъ въ лицо вору.

— Упадышъ бояричъ! Да какъ-же ты на такое дѣло пошелъ? Какъ-же ты супротивъ Великаго Нова-города сталъ, супротивъ отчины своей, братьевъ своихъ?

— А зачѣмъ стоите вы супротивъ великаго князя

московскаго?—хриплымъ голосомъ промолвилъ Упадышъ.

Тяжко дышалъ онъ послѣ схватки, отиралъ кровь съ лица, глазами сверкалъ, какъ волкъ затравленный. Ратники, слыша дерзкія слова боярича, заропгали, загудѣли, ближе надвинулись съ угрозою смертною.

— Подождите, братцы, не бейте злодѣя, — остановилъ ихъ Василій Ананьинъ.—Его будутъ судить самъ посадникъ да Борецкіе, а потомъ и все вѣче новогородское. Крѣпче вяжите его, измѣнника, да ведите внизъ подъ крѣпкимъ присмотромъ.

— Эхъ, владыка Ѳеофилъ, не помогло мнѣ твое благословеніе,—молвилъ про себя Упадышъ, когда повели его внизъ на судъ и расправу.—Теперь еще пуще озлобится Великій - Новгородъ на московскаго князя, еще больше бѣды новогородцамъ будетъ... И пошелъ Упадышъ на вѣрную смерть.

VIII. Владыка-заступникъ.

Проходилъ день за днемъ, недѣля текла за недѣлей. Московскія рати все крѣпче смыкались вокругъ Нова-города живымъ кольцомъ желѣзнымъ. Самъ великій князь Іоаннъ Васильевичъ находился въ главномъ станѣ при устьѣ Шелонь-рѣки съ князьями-братьями, воеводами и боярами. Еще не подступали московскія рати къ новогородскому кремлю, еще ни одно ядро московское не полетѣло въ башни высокія,—а Великому Нову-городу уже плохо приходилось. Все продолжалась въ городѣ голодовка, все съ большимъ страхомъ ожидали новогородцы грозной кары отъ великаго князя. Перестало уже прельщать ихъ серебро и золото Марфы Борецкой, не слушали они больше сказокъ про короля Казимира, не вѣрили въ помощь литовскую...

Въ ясный лѣтній полдень около богатыхъ хоромъ Марѳы Борецкой собралась цѣлая толпа житыхъ людей. Еще съ вечера накапунѣ позвала ихъ Марѳа черезъ своихъ холоповъ да подручниковъ: хочетъ-де она, Марѳа, къ нимъ рѣчь держать, о дѣлѣ говорить. Были тутъ, какъ на подборъ, все люди торговые, достаточные; голяками да черными людьми, что на вѣчѣ бушевать любятъ, здѣсь и не пахло. Степенно стояли житые люди и ждали Марѳу Борецкую, что-то она имъ скажетъ, чѣмъ порадуетъ. А было ихъ всѣхъ созвано до трехъ сотъ...

— Чтой-то наша посадница позамедлилась?—говорилъ Кузьма Алферовъ, богатый купецъ. —Ноженьки устали стоямши-то.

— А ты присядь на землю, да отдохни, —молвилъ ему, смѣючись, другой богатый купецъ Филипъ Пукишевъ. -Какъ выйдетъ матушка Марѳа, такъ успѣешь встать —низкій поклонъ отдать.

— Кажись, довольно уже покланялись! Да и не за что ей, смутьянкѣ, честь отдавать. Ишь, въ какую бѣду втравила Великій Новогородъ!

— А ты погоди, не ропщи до поры до времени. Можетъ, выйдетъ Марѳа Борецкая, а у нея за пазухой самъ король Казимиръ сидитъ, да еще съ литовскими ратями,—лукаво улыбаясь промолвилъ сосѣдъ.

Нахмурилъ брови Алферовъ и тяжело вздохнулъ.

— Не въ пору ты шутить задумалъ! Теперь Великому Нову-городу никакіе литовцы не помогутъ. Правдивъ и справедливъ гнѣвъ великокняжескій. И доселѣ бывало, что вступалъ Великій Новгородъ въ несогласіе съ великими князьями, и разратья межъ ними бывали... А такого дѣла еще доселѣ не учинялось! Эхъ, обошла насъ Марѳа лукавая, баба старыхъ людей ума лишила. Тяжкій грѣхъ взяли мы на душу: отъ вѣры православной отвернулись, на литовскую сресь передались...

Такія-же рѣчи слышались и среди другихъ людей житыхъ. Всѣ проклинали Марѳу Борецкую и ея прельщеніе ляшское. Всѣ толковали о великой бѣдѣ, что грозитъ Нову-городу...

Около самыхъ полудень вышла изъ хоромъ богатыхъ Марѳа, вдова посадничья, со своими приспѣшниками и степенно подошла къ новогородскимъ людямъ.

Марѳѣ Борецкой шелъ уже пятый десятокъ лѣтъ. Была она станомъ высока и дородна, лицомъ бѣла да румяна; черныя очи ясно смотрѣли... Завидѣвъ богатую жену, славную по всему Нову-городу, поспѣшно скинули шапки житые люди, поспѣшно отвѣсили поклонъ поясной. Марѳа Борецкая отвѣчала имъ степеннымъ поклономъ, оглядѣла всѣхъ быстрымъ взоромъ и стала такую рѣчь держать:

— Люди житые новогородскіе! Не пеняйте на меня, вдову старую, что я вамъ безпокойство учинила. Вспомните, люди новогородскіе, что много лѣтъ родъ Борецкихъ Великому Нову-городу вѣрой и правдой служилъ. Вспомните покойнаго супруга моего, посадника Борецкаго! Мало-ли онъ для Великаго Нова-города потрудился, мало-ли кроваваго поту утеръ за Великій Новгородъ? Да и я, вдова старая, сиротливая, частенько Великому Нову-городу животинками своими, да казной своей пригождалася. Припомните-ка, люди новогородскіе, какъ, лѣтъ пять назадъ, погорѣли до тла два конца городскіе. Али я тогда на казну скупилась, али не сыпала полными горстями золото да серебро погорѣльцамъ? Вспомните, люди новогородскіе, что недавно еще сгибъ кровавой смертью старшій сынъ мой любимый, надежда матери старой... Сгибъ онъ подъ топоромъ палача московскаго за вину супротивъ великаго князя... А допрежь того бился онъ доблестно при Коростынѣ да Шелони... Изъ-за кого-жъ взялъ на себя первенецъ мой, Дмитрій Борецкій, вину супротивъ великаго князя? Все изъ-за Нова-города Великаго,

все изъ-за васъ, люди новогородскіе! Источили морщины лицо мое, сѣдина убѣлила голову мою, отъ слезъ потускнѣли очи мои—все ради кого? Ради Новагорода Великаго, ради васъ, люди новогородскіе! И донынѣ готова я съ вами стоять супротивъ вороговъ, готова послѣднее отдать и за васъ голову сложить. Вы-же, люди новогородскіе, вѣроломствуете и меня клеветой черните, забываете клятву прежнюю. Нынѣ по всѣмъ концамъ да улицамъ слышу я на себя поруганія: именуютъ меня губительницей города родного, женой корыстной, еретичкой. Иные изъ васъ, люди новогородскіе, смертью грозятъ мнѣ и ближнимъ моимъ!

Тутъ помолчала немного Марѳа Борецкая, бѣлый платъ къ очамъ приложила и горько заплакала.

— Люди новогородскіе, — молвила она сквозь слезы, — почто поносите меня, почто грозите мнѣ!? Не жалѣла я для васъ казны своей, не жалѣла крови дѣтей своихъ, за Великій Новгородъ душой болѣла, тяжкіе труды несла... Или я о родномъ городѣ заботы не держу? Каждый день посылаю я вѣрныхъ людей къ королю Казимиру, зову его на помогу противъ князя московскаго. Тяжкіе дни пришли и нужда великая — а все-же потерпите, люди новогородскіе. Вѣрно слово Марѳы Борецкой!

Житые люди, тяжко вздыхаючи, слушали вдову лукавую. Красно говорила Марѳа Борецкая и хитро мѣшала она въ рѣчи своей истину съ ложью. Припомнили новогородцы всѣ пиры, милости да подарки, что видѣли они отъ богатой вдовы посадничьей; услышали ея плачъ горькій — и размягчилось сердце ихъ жалостью. Первый подалъ голосъ Алферовъ.

— Мы на тебя, Марѳа, не гнѣваемся, зла не держимъ. Истинны слова твои, что много ты для Великаго Нова-города потрудилась. Мы твое добро помнимъ, только вотъ времена настали такія тяжелыя.

За Алферовымъ и Пукишевъ молвилъ.

— Не лей слезъ, матушка посадница! Ни тебя ни ближнихъ твоихъ Великій Новгородъ не выдастъ.

За этими двумя и всѣ житые люди заговорили...

— Мы отъ тебя зла не видѣли!

— Не обидимъ тебя ничѣмъ!

— Какъ прежде стояли, такъ и теперь станемъ!

— Не кручинься, матушка посадница!

Перестала лукавая Марѳа Борецкая рыдать; иную бесѣду повела она съ житыми людями, стала ихъ прельщать королевской милостью, обнадеживать защитою рати литовской. Совсѣмъ хитрая жена заворожила новогородцевъ...

Тутъ, какъ на грѣхъ, показалась невдалекѣ толпа худыхъ людишекъ, бѣдноты новогородской; были они всѣ голодные да оборванные. Увидали они житыхъ людей, Марѳу Борецкую увидѣли и начали ссору затѣвать...

— Что собрались здѣсь, міроѣды, купцы, аршинники?

— Что они со своей Марѳой замыслили?

— Эхъ, плачетъ по васъ веревка московская!..

Житые люди тоже отгрызаться стали, а къ голытьбѣ новгородской другія толпы подвалили. Пошло слово за слово, и закипѣла скоро свалка жестокая. Были житые люди народъ крѣпкій, сытый, дюжій; сильно навалились они на голытьбу исхудалую, да только та числомъ взяла; къ тому-же еще подбѣгали на помогу меньшимъ людямъ новые бойцы. Черезъ малое время потѣснили да побили житыхъ людей, да и Марѳу Борецкую голытьба окружила, крича ей посулы недобрые...

— Берите-ка жену лукавую, да вяжите крѣпче, да ведите въ станъ московскій!

— За Марѳу Борецкую насъ великій князь пожалуетъ!

— Обольстила насъ помогой литовскою, а теперь съ голоду моритъ!..

— Берите ее, молодцы-новогородцы!

Побѣлѣла Марѳа Борецкая отъ ужаса; сверкающими очами оглядывала она толпу буйную. Мнилось ей, что близка уже смерть немилучая. Были всѣ житые люди побиты, поизувѣчены да разогнаны. Челядь Марѳы Борецкой не могла къ госпожѣ своей пробиться сквозь толпу густую...

А голытьба все грозила да надвигалась. Но не смѣли еще сразу худые люди броситься на богатую посадницу; подбодряли они себя криками да бранью. Еще немного,—и плохо пришлось-бы Марѳѣ Борецкой. Но не такой смертью судилъ Господь умереть вдовѣ посадника Исаака Борецкаго. Пришла ей помощь, откуда она и не ждала. Вдругъ разомъ примолкла толпа и раздвинулась...

Торопливымъ шагомъ подошелъ къ Марѳѣ Борецкой владыка Ѳеофилъ. Высоко поднявъ, несъ онъ передъ собою крестъ святой. Вѣсть о буйной схваткѣ мигомъ весь городъ облетѣла, и спѣшилъ архіепископъ упредить-удержать кровопролитіе да душегубство. Подошелъ онъ къ Марѳѣ Борецкой, благословилъ ее, взялъ за руку и повелъ изъ толпы въ хоромы, гдѣ ждала Марѳу челядь испуганная.

— Пропустите насъ, чада мои, новогородцы,—говорилъ владыка, благословляя присмирѣвшую толпу,— не время теперь буйствовать да ссоры заводить. Лучше думайте о грѣхахъ своихъ, да кайтесь передъ великимъ княземъ, чтобы онъ васъ помиловалъ...

Злобно глядѣла толпа на Марѳу Борецкую. Но подъ защитою креста владычняго дошла посадница до своихъ хоромъ невредимо.

IX. Челобитье новогородское.

Черезъ нѣсколько дней послѣ буйства уличнаго въ архіепископскихъ хоромахъ у владыки Ѳеофила собрались всѣ лучшіе люди новогородскіе. Были тутъ:

посадникъ новогородскій Тимоѳей Остафьевичъ, тысяцкій новогородскій Василій Максимовичъ, бывшіе посадники — Иванъ Лукиничъ, Яковъ Александровичъ, Ѳеофилатъ Захарьиничъ, Лука Ѳедоровичъ, Иванъ Васильевичъ; житые люди — Лука Остафьевичъ, Александръ Климентьевичъ, Ѳедоръ Іевличъ, Окинфъ Васильевичъ, Дмитрій Михайловичъ; потомъ — священно-служители соборовъ и церквей новогородскихъ.

Сидѣли всѣ въ унынiи великомъ на лавкахъ по стѣнамъ, а владыка Ѳеофилъ за столомъ писалъ грамоту великому князю. То было челобитье слезное: вольный, буйный Новгородъ склонялъ выю непокорную передъ великимъ княземъ московскимъ, винился въ проступкахъ своихъ, отрекался отъ прельщенія ляшскаго. Хмуры были лица лучшихъ людей новогородскихъ; въ думѣ скорбной низко клонили они сѣдыя головы.

— Слушайте, господа и братья и чада любезные,— молвилъ владыка. — Такъ-ли пишу я великому князю.

И сталъ владыка читать грамоту:

„Бьемъ челомъ господину великому князю и сыну его, великому князю Ивану Ивановичу. Молимъ тебя, великій князь и господинъ Иванъ Васильевичъ, о миръ и согласіи и цѣлуемъ тебѣ крестъ... И по сей грамотѣ Новогородской, господине, держати вамъ въ старинѣ по пошлинѣ безъ обиды, а намъ мужемъ новгородцемъ княженіе ваше держати честно и грозно безъ обиды. А за короля и за великаго князя литовскаго, кто король или великій князь на Литвѣ ни буди, отъ васъ отъ великихъ князей намъ вашей отчинѣ Великому Новгороду, мужемъ вольнымъ, не отдатися никоторою хитростію, а быти намъ отъ васъ отъ великихъ князей неотступнымъ ни къ кому. А князей намъ у короля и у великаго князя литовскаго себѣ на при-

городы не проситп, ни прінимати изъ Литвы князей въ Великій Новгородъ. Такъ же намъ, отчинѣ вашей, недруговъ вашихъ, князя Ивана Можайскаго, и князя Ивана Шемякина, и князя Василія Ярославича, и ихъ дѣтей и ихъ зятьи къ себѣ въ Новгородъ не прінимати. А послѣ сего докончанія изъ московской земли, изъ великаго княженья, кто лиходѣй великихъ князей пріѣдетъ въ Великій Новгородъ, и Нову-городу имъ не прінимати. Или кто лиходѣй великихъ князей побѣжитъ изъ московской земли въ Литву или въ Нѣмцы, а изъ Литвы или изъ Нѣмецъ прибѣжитъ въ Новгородъ, и Нову-городу ихъ не прінимати. А на владычество намъ, Великому Нову-городу, избирати себѣ по своей старинѣ, а ставитися нашему владыцѣ въ дому Пречистыя и у греба св. Петра чудотворца на Москвѣ, и у васъ у великихъ князей у вашего отца митрополита, который митрополитъ у васъ у великихъ князей на Москвѣ ни буди, а индѣ намъ владыки опрочь московскаго митрополита нигдѣ не ставити. А пошлины вамъ великимъ княземъ и вашему отцу митрополиту отъ владыки имати по старинѣ, а лишнего не прибавляти. А на Волоцѣ и на Вологдѣ владыцѣ церкви и десятина, пошлина своя, вѣдати по старинѣ. А что Юрьевскаго монастыря земля на Волоцѣ, и та земля къ Юрьеву монастырю по старинѣ. А пошлинъ вашихъ, великихъ князей, намъ Нову-городу не таити".

Слушали новогородцы писаніе владычнее и кивали головами сѣдыми, а владыка дальше читалъ грамоту о томъ, что съ Великаго Нова-города денежная пеня идетъ за вину новогородскую...

„Се добилъ челомъ великому князю Ивану Васильевичу всея Руси и сыну его великому князю Ивану Ивановичу всея Руси нареченный на архіепископство Великаго Нова-города и Пскова священноинокъ Ѳеофилъ, и посадники новогородскіе... по новогородскому

велѣнію всего Нова-города за новогородскую проступку полушестьминатцаты тысячи рублевъ деньгами въ отчетъ, а серебромъ въ отвѣсъ; а дати намъ то серебро своей Господѣ, великимъ княземъ, на Рождество Св. Богородицы полтретьи тысячи рублевъ, а на Крещеніе Господне три тысячи рублевъ, а на Великъ день 5000 р., а на Успеніе въ той же годъ 5000 р.; дати намъ тое серебро на тыя сроки по крестному цѣлованію".

Долго еще читалъ владыка грамоту —тамъ, гдѣ говорилось о земляхъ и удѣлахъ новогородскихъ, тамъ гдѣ говорилось о слугахъ, о разныхъ поборахъ въ казну великокняжескую, о вирѣ, о копейномъ сборѣ, о дарахъ отъ волостей новогородскихъ... Во всемъ этомъ уступалъ Великій Новгородъ московскому князю болѣе, чѣмъ прежде...

— Охъ, — простопалъ старый посадникъ Тимоѳей Остафьевичъ и такъ низко голову понурилъ, что сѣдая борода на грудн гривну золотую закрыла.—Падаетъ вольность новогородская!

— Падаетъ, падаетъ, — поддержалъ его тысяцкій Василій Максимовичъ.

— О, Господи!—тяжко вздохнули лучшіе люди новогородскіе.

Духовенство церковное и соборное крестомъ осѣнилось, тоже завздыхало.

— А чья вина въ томъ, братья и чада мои?—суровымъ голосомъ спросилъ владыка Ѳеофилъ.—Московскіе князья насъ по старинѣ держали, никакой обиды не чинили... Сами-же мы вздумали поддаться прельщенію ляшскому. Великій князь не за свои обиды насъ караетъ, а за то, что замыслили мы отшатнуться отъ истинной вѣры, отъ вѣры православной, греческой. Что Марѳа Борецкая со своими приспными задумала то! Хотѣли, вишь, чтобы я на ставленье въ Кіевъ ѣхалъ! А какая въ Кіевѣ православная вѣра? Только что зе

вется православной, а на самомъ дѣлѣ римскимъ папежскимъ духомъ отдаетъ...

— Что-же ты, владыка, теперь на ставленье въ Москву поѣдешь?—молвилъ посадникъ.

— Куда-жъ еще ѣхать? Извѣстно, въ Москву. Такъ искони у владыкъ новогородскихъ велось, такъ и я сдѣлаю. Да еще о томъ, господинъ посадникъ, говорить рано. Еще невѣдомо, переложитъ-ли гнѣвъ на милость великій князь. Правда, прислалъ онъ намъ грамоту охранную, а что мы говорить станемъ, какъ привсдутъ насъ передъ его очи свѣтлыя? Вины-то за нами, охъ, великія: къ Литвѣ склонялись, мечъ подымали на воеводъ московскихъ, увѣщаній отеческихъ великаго князя Ивана Васильевича не слушали... Охъ, много винъ за нами, много!..

Опять скорбно понурились новогородцы, опять закручинились.

— А ты-бы, владыка, посломъ ѣхалъ да умягчилъ сердце великокняжеское словесами отъ Святого Писанія, — молвилъ бывшій посадникъ Лука Ѳедоровичъ, старецъ благоразумный и благочестивый.

— И то правда, владыка, — сказалъ посадникъ,— кому-жъ окромя тебя къ великому князю рѣчь держать, о милости молить!..

И другіе лучшіе люди новогородскіе стали владыку Ѳеофила слезно просить. Его-де великій князь жалуетъ и на немъ, на владыкѣ, никакой вины нѣтъ; даже и полкъ его, владычній, на московскихъ воеводъ меча не подымалъ...

— Я отъ посольства не отрекусь,—сказалъ владыка Ѳеофилъ.—Буду великаго князя молить за васъ и за Великій Новгородъ. Только не знаю, сподобитъ-ли меня Господь умягчить сердце великокняжеское. Охъ, уже больно велики, велики вины за нами!

X. Передъ великимъ княземъ.

Многолюдный ратный станъ великаго князя московскаго Ивана Васильевича былъ разбитъ при устьѣ Шелонь-рѣки, недалеко отъ того мѣста, гдѣ, въ побоищѣ великомъ, разбита была новогородская рать храбрымп воеводомп, княземъ Даніиломъ Холмскимъ и боярпномъ Ѳедоромъ Давидовичемъ. Подъ знаменами великаго князя стояла такая рать, какой еще не впдала земля новогородская. Болѣе шести десятковъ тысячъ московскихъ ратниковъ готовились нагрянуть на мятежный Новгородъ. Были тутъ конные и пѣшіе полки, было много десятковъ всякихъ пушекъ съ умѣлыми храбрыми пушкарями; вокругъ стана рыскала многочисленная конница татарская...

Собрались вокругъ великаго князя всѣ воеводы московскіе; тутъ-же были братья великаго князя: Юрій, Андрей да Борисъ Васильевичи; тутъ-же была и рать псковская, что пришла на помогу великому князю, вѣрная цѣлованію крестному.

Далеко-далеко по берегамъ Шелонь-рѣки, по берегамъ Ильмень-озера, раскинулись шатры да паметы да коновязи рати московской. Посередь стана возвышался богатый шатеръ великокняжескій, изъ дорогой ткани рудо-желтой; на шатрѣ горѣлъ подъ солнцемъ золотой крестъ, а надъ крестомъ черным полотнищемъ бѣлялъ стягъ великокняжескій, на коемъ золотомъ да серебромъ вышитъ былъ нерукотворенный образъ Спаса. Кругомъ шатра день и ночь стояла стража сильная изъ вѣрныхъ стрѣльцовъ московскихъ. Въ томъ шатрѣ великомъ было много горницъ, словно во дворцѣ кремлевскомъ — была опочивальня, образница, большая палата съ престоломъ великокняжескимъ и меньшія горницы для братьевъ и ближнихъ людей великаго князя...

Яснымъ утромъ по Ильмень-озеру пришли къ стану московскому многія ладьи, а въ тѣхъ ладьяхъ приплыли послы новогородскіе къ великому князю съ повинною. Зашумѣлъ многолюдный станъ, заволновался. Тысячи ратниковъ сбѣжались къ тому мѣсту, гдѣ велъ пословъ новогородскихъ ближній воевода, князь Даніилъ Холмскій. Князь Даніилъ только отъ владыки благословеніе принялъ, а на посадника и другихъ пословъ и смотрѣть не сталъ.

Между двухъ стѣнъ изъ ратниковъ московскихъ робко шли новогородцы къ шатру великокняжескому; блѣдны были ихъ лица, въ землю опущены очи, слезъ полныя.

— Молвилъ ты, владыка, что хотите вы челомъ бить великому князю,—сурово сказалъ воевода Холмскій.—Инъ, приведу васъ къ шатру великокняжескому, а только не вѣдаю, допустятъ ли васъ передъ очи его свѣтлыя. Желчью и гнѣвомъ полно сердце великаго князя Ивана Васильевича супротивъ мятежниковъ новогородцевъ. Много ночей безсонныхъ, много думъ горькихъ принесъ буйный Новгородъ великому князю.

Посадникъ и другіе новогородцы не смѣли и слова вымолвить, только владыка Ѳеофилъ, прижимая къ груди крестъ золотой, тихо отвѣтилъ грозному воеводѣ.

— Сердце великаго князя въ рукѣ Божіей, а Господь и великихъ грѣшниковъ миловалъ. Съ Его помощью, слезами да моленіемъ, смягчимъ гнѣвъ великаго князя...

Вотъ уже подошли къ самому шатру. Встрѣтилъ тутъ пословъ другой воевода московскій, князь Василій Ивановичъ Оболенскій - Стрига; подошелъ онъ подъ благословеніе къ владыкѣ и пословъ остановилъ.

— Великій князь Иванъ Васильевичъ, извѣстившись о приходѣ вашемъ, послалъ меня съ такимъ словомъ: не хочу я лицезрѣть предателей и нечестивцевъ. Да идутъ прочь лукавые новогородцы изъ стана моего!

Помертвѣли отъ страха и горя послы новогородскіе. Поднялъ было крестъ владыка Ѳеофилъ и хотѣлъ что-то сказать князю Василію Ивановичу, да тотъ рукой махнулъ и, не слушая, назадъ въ шатеръ ушелъ...

— Что-жъ теперь дѣлать? —спросилъ архіепископъ князя Холмскаго.

Князь Даніилъ не сразу отвѣтилъ; опустивъ очи въ землю, поглаживалъ онъ густую бороду; морщины глубокія легли на челѣ его.

— Гнѣвенъ великій князь, — наконецъ отвѣтилъ онъ, — и твердо слово его. А ты, владыка, потщись найти себѣ заступниковъ, толкнись съ мольбою слезною къ меньшимъ князьямъ, къ братьямъ великокняжескимъ. Проведу я тебя въ горницу къ князю Юрію Васильевичу: онъ сердцемъ мягокъ и душою жалостливъ; можетъ, передъ старшимъ братомъ за васъ слово замолвитъ. Только ты со мной одинъ иди, а посадникъ съ другими людьми пусть обождетъ гдѣ-нибудь.

Кликнулъ князь Холмскій сотника и велѣлъ проводить новогородцевъ въ запасный шатеръ порожній. Тяжко вздыхая, поплелись новогородцы за сотникомъ московскимъ, а какъ пришли въ шатеръ, разсѣлись по лавкамъ досчатымъ и сидѣли, не двигаясь, въ скорбныхъ думахъ. Только порою тяжко вздыхалъ кто-нибудь изъ нихъ, и въ отвѣтъ другіе тяжкіе вздохи слышались. Такъ, часъ за часомъ, въ ожиданіи пугливомъ, сидѣли послы новгородскіе: бывшіе посадники Иванъ Лукиничъ, Яковъ Александровичъ, Ѳеофилатъ Захарьиничъ, Лука Ѳедоровичъ, Иванъ Васильевичъ; житые люди — Лука Остафьевичъ, Александръ Клементьевичъ, Ѳедоръ Іевличъ, Окинфъ Васильевичъ, Дмитрій Михайловичъ. Вокругъ шатра, тоже въ ожиданіи пугливомъ, стояли меньшіе люди и челядь посольская, сложивъ на землю богатые дары, что посылалъ съ повинною Великій-Новгородъ самому великому

князю, братьямъ-князьямъ, воеводамъ, боярамъ и дьякамъ московскимъ.

Медленно шли часы; жутко было новогородцамъ, не хотѣлось имъ даже словомъ перемолвиться. Около полудня холопья князя Холмскаго принесли въ шатеръ всякой снѣди, вина да меду, для подкрѣпленія силъ тѣлесныхъ. Но ни кусокъ ни глотокъ не шли въ горло скорбнымъ посламъ. Сказали они спасибо хлѣбосольному воеводѣ, а ни до чего не дотронулись... Такъ и весь день прошелъ. Стало смеркаться; по всему стану костры зажглись... Поздно уже вечеромъ пришелъ владыка Θеофилъ и вѣсточкойословъ обрадовалъ, что завтра допуститъ ихъ великій князь къ себѣ.

На другой день утромъ въ большомъ покоѣ шатра великокняжескаго великій князь Иванъ Васильевичъ, сидя на золотомъ престолѣ походномъ, окруженный ближними людьми, готовился принять словъ новогородскихъ.

Великій князь облаченъ былъ въ златое одѣяніе, на головѣ блестѣла золотымъ крестомъ шапка Мономахова; въ рукахъ держалъ Иванъ Васильевичъ скипетръ и державу. Бояре и воеводы въ дорогихъ кафтанахъ парчевыхъ съ золотыми гривнами на груди двумя стѣнами стояли по правую и по лѣвую руку великаго князя. Изъ открытаго верха шатра падали яркіе лучи солнечные на парчу одѣяній дорогихъ, на золотую насѣчку мечей, на драгоцѣнные камни-самоцвѣты въ царскомъ вѣнцѣ.

По правую руку великаго князя стоялъ князь воевода Даніилъ Холмскій—„мечъ государевъ“, какъ звали его въ чужихъ земляхъ и въ странѣ московской. По лѣвую руку стоялъ дьякъ Степанъ Бородатый—„перо государево“, искусный и свѣдомый человѣкъ въ указахъ великокняжескихъ, въ лѣтописяхъ

да обычаяхъ. Былъ уже дьякъ сѣдъ волосомъ и лицомъ морщинистъ, но глядѣли очи его бодро и свѣтло: готовъ онъ былъ хоть сейчасъ стать за честь и славу великаго князя—сложить и написать грамоту грозную-немилостивую...

Далѣе стояли другіе воеводы: князь Ѳедоръ Юрьевичъ Шуйскій, за нимъ—Василій Ѳедоровичъ Образецъ и Борисъ Слѣпой-Тютчевъ, что покорили подъ стягъ великаго князя Двинскую землю. Дальше вденъ былъ князь Василій Ивановичъ Оболенскій-Стрига, что воеводствовалъ надъ конницей татарской; рядомъ съ нимъ стоялъ царевичъ татарскій Даніяръ Касимовичъ, сурово глядя узкими черными глазами въ ту сторону, гдѣ было мѣсто для пословъ новогородскихъ. Гнѣвался царевичъ на буйныхъ новогородцевъ со времени битвы Шелонской. Много тогда его татары набрали полоняниковъ, да только упрямы были новогородцы: вмѣсто того, чтобы въ полонъ идти, перебили они другъ друга, потопились, позадавились, и не было татарамъ никакой выгоды...

Позади престола великокняжескаго стояли князья-братья Юрій, Андрей да Борисъ Васильевичи, а съ ними—одинъ изъ послѣднихъ князей удѣльныхъ Михаилъ Верейскій. Виднѣлись въ толпѣ и воеводы князя тверского, князь Юрій Андреевичъ Дорогобужскій да Иванъ Жито. Среди бояръ московскихъ выдѣлялся вопиской осанкой и станомъ высокимъ бояринъ Ѳедоръ Давидовичъ, что разбилъ новогородцевъ вмѣстѣ съ княземъ Холмскимъ.

Еще много стояло въ шатрѣ бояръ, дворецкихъ, окольничьихъ, дворянъ и дѣтей боярскихъ.

Оглядѣвъ послѣдній разъ нарядную и блестящую толпу приближенныхъ своихъ, гордо усмѣхнулся великій князь Иванъ Васильевичъ и молвилъ.

— Бояринъ Ѳедоръ! Впусти челобитчиковъ новогородскихъ. Чай, они заждались да запечалились. Не

ты-ль мнѣ говорилъ, князь Даніла, что они вчера и до ѣствы не дотронулись?

— Такъ, государь,—отвѣчалъ, низко кланяясь, воевода Холмскій.—Истинно такъ. Тяжкимъ камнемъ лежала на сердцѣ у нихъ твоя немилость великокняжеская. И сегодня поутру ничего они перекусить не хотѣли.

— По дѣламъ вору и мука!—сурово сказалъ великій князь.—Я бы ихъ еще проморилъ, да владыку Ѳеофила жалко. Онъ мой богомолецъ вѣрный, да за него-же братья-князья просили...

Боярин Ѳедоръ Давидовичъ ввелъ въ шатеръ пословъ новгородскихъ. Робко вошли послы и, не доходя до престола великокняжескаго, пали ницъ безмолвно и лежали недвижимы. Только одинъ владыка Ѳеофилъ, помня свой санъ архіепископскій, на колѣняхъ стоялъ.

Бояре и князья московскіе глядѣли на новгородцевъ униженныхъ, иные съ жалостью, иные съ высокомѣріемъ. Великій князь тоже устремилъ на нихъ взоръ орлиный, но не было въ этомъ взорѣ ни состраданія, ни призрѣнія. Зналъ великій князь Иванъ Васильевичъ, что онъ лишь орудіе въ рукахъ Божіихъ, что не онъ караетъ новгородцевъ, а Господь Богъ.

Время шло; такъ-же недвижимы лежали послы новгородскіе, такъ же молча смотрѣли на нихъ воеводы и бояре. Наконецъ глубоко вздохнулъ архіепископъ Ѳеофилъ, поднялъ руку, въ которой блеснулъ крестъ золотой. Владыка новгородскій протянулъ крестъ къ великому князю московскому, какъ бы умоляя знаменіемъ страданій Христовыхъ о кротости и милосердіи. Тогда лишь шевельнулся на престолѣ золотомъ великій князь и молвилъ посламъ новгородскимъ.

— Встаньте, послы, и слушайте слова мои! Братья мои, князья Юрій, Борисъ да Андрей, именемъ матери

моей великой княгини, умолили меня гнѣвъ на милость смѣнить. Ради тѣхъ молений отпускаю вамъ вины ваши, а Великому Новгороду измѣну и предательство его. А чтобъ вы не забывали грѣха вашего, обложу я Новгородъ немалой пеней... Степанъ, прочти посламъ новгородскимъ ту грамоту, что написалъ по указу моему.

Дьякъ Степанъ Бородатый великому князю въ поясъ поклонился и, сурово глядя на новгородцевъ, сталъ читать указъ великокняжескій. Тяжко вздыхали послы, но все-же было у нихъ на душѣ легче: не ждало теперь Великій Новгородъ разореніе кровавое...

Историки разсказываютъ, что новгородцы за вину свою обѣщали внести въ казну великокняжескую 15,500 рублей или около осьмидесяти пудъ серебра, въ разные сроки, отъ 8 сентября до Пасхи; возвратили Іоанну принадлежащія къ Вологдѣ земли, берега Пинеги, Мезени, Немьюги, Выи, Поганой Суры, Пильи горы, мѣста уступленныя Василію Темному, но послѣ отнятыя ими; обязались въ назначенныя времена платить государямъ московскимъ „черную“ или народную дань, также и митрополиту судную пошлину; клялись ставить своихъ архіепископовъ только въ Москвѣ, у гроба св. Петра чудотворца, въ Дому Богоматери; не имѣть никакого сношенія съ королемъ польскимъ, ни съ Литвою; не принимать къ себѣ тамошнихъ князей и враговъ Іоанновыхъ: князя Можайскаго, сыновей Шемяки и Василія Ярославича Боровскаго; отмѣнили такъ называемыя вѣчевыя грамоты; признали верховную судебную власть государя московскаго, въ случаѣ несогласія его намѣстниковъ съ новгородскими сановниками; обѣщались не издавать впередъ судныхъ грамотъ безъ утвержденія и печати велнкаго князя и проч.

XI. Радостный день.

Въ Новгородѣ ждали пословъ съ нетерпѣніемъ великимъ; отъ посадника до простого мужика вѣчника всѣ томились одной мыслью: захочетъ-ли великій князь отпустить вину новгородцамъ, а если захочетъ—какую кару тяжелую на Великій Новгородъ наложитъ? Можетъ, до того разгнѣвался великій князь, что у мятежнаго города всѣ вольности отыметъ; можетъ, сошлетъ многія тысячи новгородцевъ въ города другіе; можетъ, такую пеню возьметъ, что обнищаютъ новгородцы?

Такими-то думами задавался утромъ на четвертый день послѣ отъѣзда пословъ посадникъ Великаго Новгорода Тимоѳей Остафьевичъ. Объ этомъ-то онъ и бесѣду велъ съ тысяцкимъ новгородскимъ Василіемъ Максимовичемъ. Оба сидѣли въ горницѣ свѣтлой и просторной въ богатомъ домѣ посадничьемъ. По дубовымъ лавкамъ разостланы были ковры кизилбашскіе, сукна аглицкія, бархаты венецейскіе. По угламъ горницы стояли поставцы высокіе, на коихъ золотилась и серебрилась всякая посуда драгоцѣнная: кубки, братины, мисы, ендовы, блюда, стопы да чары. Окна въ горницѣ посадничьей были изъ стекла заморскаго, вставленнаго въ рамы свинцовыя. Свѣтло и радостно было въ горницѣ, и яркое солнце осеннее озаряло убранство богатое.

Оба старика степенные послѣ трапезы утренней попивали сладкій медъ малиновый изъ чаръ серебряныхъ. Бесѣды вели они медлительно и часто посматривали сквозь окна на широкій дворъ посадничій, словно кого-то ожидаючи.

— А что, посадникъ, не прозѣваетъ-ли холопъ твой Петрушка пословъ нашихъ? — спросилъ тысяцкій.

— Нѣтъ, опъ у меня дотошенъ да расторопенъ, и коня я ему далъ рѣзваго. Какъ увидитъ пословъ, мигомъ на дворъ пригонитъ.

Замолчалъ тысяцкій, сталъ тяжело вздыхать, что-то по пальцамъ разсчитывать.

— Никакъ ты, Михайлъ Максимовичъ, съ вотчинъ своихъ прибыли-доходы считаешь?

— Нѣтъ, Тимоѳей Остафьевичъ, не догадался ты. Считаю я свои проторп-убытки...

И при тѣхъ словахъ опять тяжело вздохнулъ старый тысяцкій.

— Какіе-такіе убытки?—допрашивалъ посадникъ.

— А то золото да серебро, что пойдетъ Москвѣ за вины наши.

Понялъ тутъ посадникъ, самъ едва сдержалъ вздохъ глубокій и покосился на поставцы свои, гдѣ блестѣла да искрилась посуда драгоцѣнная. А тысяцкій все продолжалъ недоброе каркать...

— Теперь пеню-то на лучшихъ людей разложатъ; на худыхъ мужиковъ надежда плоха, да и не захотятъ они послѣдніе гроши отдавать. А бояринъ московскій ждать не станетъ—ему скорѣй свози полными мѣшками...

— Эхъ, чего тутъ жалѣть, — досадливо молвилъ посадникъ. — Еще будемъ-ли сами живы? Кабы только пеней отдѣлаться — и за то Бога бла́годарить надо...

— А что ты думаешь, Тимоѳей Остафьевичъ, развѣ что хуже будетъ? Ужли великій князь изъ Новгорода погонитъ насъ въ удѣлы далекіе?

— Не любитъ шутить великій князь, а наша вина не малая...

И еще много-бы словъ сказалъ посадникъ новогородскій, много бы словъ жалостливыхъ да суровыхъ — помѣшало ему смятеніе шумное на дворѣ. Звонко загремѣли подковы коня борзаго, кто-то крик-

нулъ удалымъ голосомъ, отвѣтили на тотъ крикъ челядинцы посадничьи разспросами громкими. До старческаго уха посадника долетѣла вѣсточка желанная—„Пріѣхали послы изъ стана московскаго!“

Заторопились посадникъ да тысяцкій, надѣли скорѣе шапки на головы сѣдовласыя, взяли посохи гнутые и поспѣшно изъ хоромъ вышли. По всѣмъ концамъ и улицамъ новгородскимъ стояла суета великая, бѣжали мужи и жены, бѣжалъ старъ и младъ—всѣ торопились на площадь вѣчевую, откол'ѣ доносился уже призывной звукъ колокола вѣчевого. Впереди и кругомъ посадника съ гостемъ его шли холопья да слуги, прокладывая дорогу боярамъ.

— Чу, князь московскій простилъ новгородцевъ,— говорилъ какой-то рослый парень съ повязанной головой.

— А ты-бы на площадь не бѣжалъ!—молвилъ ему сосѣдъ.—Вѣдь у тебя голова-то въ битвѣ Шелонской разсѣчена. Какъ увидятъ тебя бояре московскіе, такъ и велятъ за приставы взять.

На это только усмѣхнулся шелонскій боецъ.

— Не до насъ, мелкихъ сошекъ великому князю Вотъ бояръ да посадниковъ, пожалуй, заберетъ съ собой: на нихъ вся вина лежитъ; ихняго приказа да еще Марѳы Борецкой мы слушались...

Посадникъ Тимоѳей Остафьевичъ да тысяцкій Василій Максимовичъ какъ разъ возлѣ проходили.

— Слышишь, Тимоѳей Остафьевичъ, что народъ-то говоритъ. Тянетъ онъ на руку великому князю московскому!

— Охъ, слышу, — отвѣчалъ посадникъ, тяжело вздыхаючи.

Вѣчевая площадь вся была народомъ покрыта. Съ трудомъ добрались посадникъ да тысяцкій до вѣчевого помоста, гдѣ уже стояли многіе бояре новгородскіе.

Сквозь толпу разступавшуюся пробирался длинный поѣздъ всадниковъ на усталыхъ запыленныхъ коняхъ: то было посольство новгородское съ вѣстями отъ великаго князя...

XII. Пермскій удѣлъ.

Прошелъ годъ, опять настало лѣто красное и согрѣвало оно Великій Новгородъ горячими лучами солнечными. Оправился за это время богатый, многолюдный городъ: опять пошла торговля бойкая въ лавкахъ и амбарахъ новгородскихъ, опять стали стекаться съ дальнихъ морей для мѣны, купли и продажи иноземные купцы.

Видалъ Великій Новгородъ торговыхъ гостей изъ франкскихъ земель, изъ шпанскаго королевства, изъ княжествъ италійскихъ; о купцахъ гамбурхскихъ, любскихъ да бременскихъ нечего и говорить было—у нихъ давно свои подворья въ Великомъ Новгородѣ стояли...

Лѣтомъ 1472 года особенно хорошо шла въ Новгородѣ торговля пермскими мѣхами драгоцѣнными и серебромъ Закамскимъ. Издавна была Пермь удѣломъ новогородскимъ, и вели съ нею новогородскіе купцы обширную мѣну мѣховъ да серебра на нѣмецкія сукна. Теперешній князь пермскій Михаилъ тоже не выходилъ изъ воли новогородской, хотя уже давно московскіе князья тоже стремились торговать съ Пермью богатою.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ, въ самомъ началѣ, много обозовъ пришло въ Новгородъ изъ Перми, тяжело нагруженныхъ дорогими мѣхами. Большую часть товара цѣннаго отдавали купцы новогородскіе иноземцамъ за чистое золото. А какіе мѣха оставались, тѣ закупали, на зиму запасались щеголихи да богатѣйки новогородскія.

У Олферія Максимовича въ его лавкѣ большой, двухъярусной, самый бойкій торгъ шелъ. Всего больше было навалено на скамьяхъ, на полкахъ и на полу дорогихъ мѣховъ пермскихъ. Самъ Олферій Максимовичъ сидѣлъ на лавкѣ около большого ларца кованаго, куда складывалъ деньги вырученныя; торговались съ покупщиками да покупщицами его продавцы подручные, ребята молодые, ловкіе да расторопные.

— Никакъ нельзя, матушка Өстинья Алексѣевна!— говорилъ кудрявый рѣчистый продавецъ, по прозвищу Кириакъ, толстой боярынѣ новогородской, что выбрала себѣ шкурку лисицы чернобурой съ налетомъ серебристымъ.—Ежели еще пять алтынъ уступить, прибыли хозяину не будетъ!

— Спрячь свои глаза бестыжіе, — сердито отвѣчала боярыня.—Чай у твоего хозяина отъ золота наторгованнаго сундуки ломятся... Экая на него жадность напала: что ни годъ, то дороже и за лису, и за соболя хочетъ! Нонѣ подвозъ большой, дорожиться не слѣдъ!

Опять подняла боярыня красивую шкурку лисью, мѣхомъ дорогимъ любоваться стала.

— Грѣхъ тебѣ говорить, матушка-боярыня, — степенно вмѣшался хозяинъ.—Чаи твои сундуки потяжѣйше будутъ моихъ! Окромя того, сама вѣдаешь, сколько стопла намъ распря московская. Надо-жъ убытки покрыть... А тутъ еще слухъ идетъ, что порешить Москва пермскую землю отобрать. Тогда ужъ, боярыня, такую шкурку лисью и въ-три-дорога не купишь: будутъ тогда въ пермскіе мѣха наряжаться боярыни московскія. А новогородскимъ и понюхать не дадутъ. Ой, не торгуйся, матушка Өетинья Алексѣевна...

— Нуть, быть по твоему,—махнула рукой боярыня!— Только прикинь еще шкурки двѣ бѣличьихъ, для холопьевъ пригодится.

Еще добрую толику золота спряталъ Олферій Макси-

мовичъ въ свой ларецъ. А тамъ въ новый споръ вступилъ съ новою покупщицею.

— Почемъ соболь ходитъ?—спрашивала дородная посадница изъ роду Меркуловыхъ.

— Нонѣ, матушка Настасья Власьевна, дорогъ-отъ соболь, по десяти алтынъ за шкурку беру.

— Охъ ты, грабитель!—забранилась посадница.—Такъ никакихъ животовъ не хватитъ...

А расторопный Кпріакъ навалилъ уже передъ ней цѣлую груду дорогихъ мѣховъ собольихъ. Опять сталъ хозяинъ покупщицу уговаривать, Москвою пугать.

Не успѣли они еще споръ кончить, какъ шагнулъ въ лавку черезъ высокій порогъ самъ тысяцкій новогородскій Василій Максимовичъ. Прислушался онъ къ спору и молвилъ въ-перебивъ посадницѣ:

— Бери, Настасья Власьевна, за что отдаютъ. Олферій-то Максимовичъ дѣло говоритъ. Теперь не видать намъ Пермской земли, какъ ушей своихъ...

Всѣ въ лавкѣ такъ и ахнули.

— Ужли Москва забрала?

— Князь-то Михаилъ передался, что-ль?

— Какъ-же содѣялось то?

Тучный тысяцкій обтеръ лобъ вспотѣвшій и на лавку присѣлъ, отдуваясь.

— Сейчасъ скажу, только напередъ, Олферьюшка, вели-ка подать квасу аль меду холоднаго: въ горлѣ пересохло.

Принесли тысяцкому напиться, отдышался онъ, откашлялся.

— Сей-утро пригналъ гонецъ отъ князя пермскаго Михаила и недобрую вѣсть привезъ, что стала земля пермская удѣломъ московскимъ. Еще зимою посылалъ туда великій князь рати свои съ воеводою княземъ Ѳедоромъ Пестрымъ. Тогда-то всѣ мы думали, что хочетъ великій князь лишь постращать пермяковъ буйныхъ—да не такъ вышло! Воевода-то московскій у

города Искора съ пермскою ратью въ жестокій бой вступилъ, побилъ пермяковъ на голову, плѣнилъ воеводъ ихъ, Кача да Бурмата... А весною да лѣтомъ другой воевода великокняжескій Гаврила Нелидовъ снова въ пермскую землю вошелъ, взялъ Уросъ-городъ, Чердынь-городъ и князя Михаила въ желѣзы посадилъ... Что-жъ было пермякамъ дѣлать? Пошли они подъ руку великаго князя и дары послали ему богатые: шестнадцать сороковъ соболей черныхъ, шубу соболью, двадцать девять поставокъ сукна нѣмецкаго, три панцыря, шлемъ да двѣ сабли булатныя. Самъ князь Михаилъ только тѣмъ и спасся отъ гибели неминучей, что крестъ цѣловалъ великому князю—быть слугой и данникомъ...

— Видишь, матушка Настасья Власьевна,—не вытерпѣлъ тутъ Олферій Максимовичъ,—правду я тебѣ говорилъ. Вотъ куда пошли соболя пермскіе. А ты еще десяти алтынъ дать не хотѣла.

— Не въ соболяхъ тутъ дѣло, — молвилъ тысяцкій,—а въ томъ бѣда, что пермяки-то, слышь, съ охотою идутъ за руку московскую. Говорятъ они, что въ Новѣ-городѣ мало порядка было—и судили-то мы ихъ не по правдѣ, и мѣну вели не по чести. А тутъ еще, стали-де новогородцы къ латинству клонить; пермяки-жъ, хоть и новокрещенцы, а крѣпко стоятъ за православіе. Сдается мнѣ, что въ тѣхъ рѣчахъ много истины. Какъ скажешь, Олферій Максимовичъ?

Смутился купецъ новогородскій, потупился и тихимъ голосомъ отвѣтилъ.

— Что-жъ говорить! Вѣстимо, съ нашей стороны такіе грѣхи были...

Запечалились всѣ, что въ лавкѣ были. Даже пріумолкли продавцы говорливые, призадумался и веселый Киріакъ, кудрявый молодецъ.

Охъ, не даромъ было зимою-то знаменіе небесное,—плаксиво заговорила боярыня. — Мы-то всѣ дивились,

да страшились, да умомъ загадывали, къ чему его Господь посылаетъ.

— Какое знаменіе? — спросилъ тысяцкій. — Я зимой-то во Псковѣ былъ не упомню.

— А вотъ какое знаменіе, батюшка Василій Максимовичъ,—торопливо заговорила боярыня словоохотливая.—Въ самомъ-чу декабрѣ мѣсяцѣ по Рождествѣ явися звѣзда велика, а лучъ отъ нея дологъ, толстъ, свѣтелъ, свѣтлѣе самыя звѣзды, а восхождаше о 6 часѣ нощи съ лѣтняго всхода солнечнаго и пдяше къ западу лѣтнему-же, а лучъ отъ нея впередъ протяжеся, а конецъ луча, аки хвостъ великія птицы, распростертъ. По крещеніи другая звѣзда явися хвостата надъ лѣтнимъ западомъ; хвостъ же тонокъ, а не добрѣ дологъ, а первыя звѣзды луча потемнѣе, но первая за 3 часа до всхода на кое мѣсто приходила, а другая по захожденіи солнца 3 часа на томъ же мѣстѣ являшеся, да къ западу-же идяше.

— Важно повѣствуетъ боярыня!—молвилъ Олферій Максимовичъ.—Словно по писаному разсказала; видать, что пачетчица!

Долго еще въ лавкѣ шла бесѣда о вѣстяхъ недобрыхъ, о потерянной землѣ Пермской.

XIII. Владыка Ѳеофилъ у великаго князя.

Разумный и ревнивый къ вѣрѣ православной архіепископъ новогородскій Ѳеофилъ крѣпко полюбился великому князю Ивану Васильевичу, и всегда великій князь его жаловалъ и челобитья его слушалъ.

Въ концѣ августа мѣсяца 1473 года новогородскій владыка прибылъ въ Москву просить великаго князя о судѣ правомъ между новогородцами и боярином великокняжескимъ, что сбиралъ серебро и мѣха съ земли новогородской. Какъ разъ угодилъ владыка къ

1 сентября - къ новолѣтію. Въ тѣ времена въ Русской землѣ считали годъ съ 1 дня сентября мѣсяца. Пышно праздновалось новолѣтіе въ Москвѣ.

Хоть и бывалъ уже владыка новогородскій въ хоромахъ великокняжескихъ, а все же, какъ вошелъ въ Золотую палату, такъ и залюбовался чуднымъ убранствомъ ея, а пуще всего стѣнописью лѣповидною. Надъ украшеніемъ палаты царской потрудились вдоволь лучшіе иконописцы. Въ старыхъ лѣтописяхъ такъ разсказывается: „Въ Золотой палатѣ написано было— приточнѣ Спасово человѣколюбіе, еже о насъ, ради покаянія. Писано въ палатѣ въ большой (средней Золотой) въ небѣ, на срединѣ, Спасъ на Херувимѣхъ, а подпись: Премудрость Іисусъ Христосъ. Съ правыя страны у Спаса дверь, а пишетъ на ней: 1) мужество, 2) разумъ, 3) чистота, 4) правда. А съ лѣвыя страны у Спаса же другая, а пишетъ на ней: 1) блуженіе, 2) безуміе, 3) нечистота, 4) неправда. А межъ дверей, высподи, діяволъ седмиглавный, а стоптъ надъ нимъ Жизнь, а держитъ свѣтильникъ въ правой руцѣ, а въ лѣвой копіе; а надъ тѣмъ стоитъ Ангелъ, Духъ страха Божія. А за дверью съ правыя стороны писано земное основаніе и море и преложеніе тому во сокровенная его; да Ангелъ, Духъ благочестія, да около того четыре вѣтры. А около того все вода, а надъ водою твердь, а на ней солнце, въ землю падаяй при водѣ; да Ангелъ, Духъ Благоумія, а держитъ солнце. А подъ нимъ отъ полудни гонится послѣ дни нощь. А подъ тѣмъ Добродѣтель да Ангелъ; а подписано: раченіе, да ревность, да адъ, да заецъ. А на лѣвой сторонѣ, за дверью, писано тоже твердь, а на ней написанъ Господь, акп Ангелъ; а держитъ зерцало да мечъ; Ангелъ возлагаетъ вѣнецъ на него. И тому подпись: Благословиши вѣнецъ лѣту благости Твоея. А подъ нимъ колесо годовое; да у Году колесо; съ правую сторону любовь да стрѣлецъ, да волкъ; а съ лѣвыя

стороны Году зависть, а отъ ней слово къ зайцу: зависть лютъ вредъ, отъ того-бо начень и прискочи братоубійцъ; а Зависть себѣ пронзе мечемъ; да Смерть; а около того все твердь; да Ангели служатъ звѣздамъ и иныя всякія утвари Божія. Да 4 Ангелы по угломъ полаты: 1) Духъ Премудрости, 2) Духъ Свѣта, 3) Духъ Силы, 4) Духъ Разума".

Не долго пришлось владыкѣ любоваться стѣнописью палатъ царскихъ. Зашумѣла толпа бояръ, пышно разодѣтыхъ въ золотные „большіе" наряды, въ горлатныхъ шапкахъ мѣховыхъ — вышелъ въ палату самъ великій князь Иванъ Васильевичъ, горя, какъ солнце красное, золотомъ, парчею да камнями драгоцѣнными. Въ то же время долетѣлъ въ палату звонъ колоколовъ кремлевскихъ: время было государю великому князю шествовать на Красную площадь, на торжество новолѣтія.

Словно яркій мѣсяцъ, окруженный звѣздами серебристыми, вышелъ великій князь съ боярами на Красное крыльцо. Передъ Красымъ крыльцомъ возвышался помостъ обширный, а кругомъ него стояли рѣшетки точеныя, расписанныя яркими красками съ позолотою. Три налоя стояли на помостѣ; на двухъ лежали Евангелія, на третьемъ горѣла окладомъ драгоцѣннымъ икона Спмеона Столпника - Лѣтопроводца. Передъ налоями бѣлѣли большія свѣчи въ подсвѣчникахъ серебряныхъ; поставленъ былъ столецъ невеликій, а на немъ чаша серебряная для водоосвященія. Передъ этой святынею возвышались два „Мѣста"—митрополичье да царское, первое—покрытое ковромъ мелкотравнымъ со звѣрьми, второе—обитое бархатомъ черевчатымъ.

Навстрѣчу великому князю изъ собора кремлевскаго вышелъ митрополитъ Филиппъ въ предпесеніи иконъ, крестовъ да хоругвей, въ сопровожденіи духовенства, въ облаченіяхъ богатыхъ. Среди многихъ иконъ, что выносились на торжество новолѣтія, первыми шество-

вали икона Богородицы, письма Петра митрополита, московскаго чудотворца, икона чудотворца Іоны митрополита и древняя святыня московская—икона Богородицы „Моленіе о народѣ“.

При торжественномъ пѣніи клирномъ великій князь Иванъ Васильевичъ вошелъ на помостъ предъ налоевъ, къ Евангелію и иконамъ приложился, отъ митрополита благословеніе животворящимъ крестомъ и рукою принялъ. Благословивши великаго князя, возгласилъ митрополитъ Филиппъ:

— А великій государь и великій князь Иванъ Васильевичъ всея Русіи самодержецъ! Смѣть ли, государь, о твоемъ здравіи великокняжескомъ спросить, какъ тебя, великаго государя нашего, Богъ милуетъ?

И отдалъ митрополитъ земной поклонъ великому князю. Отвѣчалъ великій князь владыкѣ святому радостнымъ голосомъ:

— Божіей милостію и Пречистыя Богородицы и великихъ чудотворцевъ русскихъ молитвами и твоимъ, отца нашего и богомольца, благословеніемъ далъ Богъ—живъ.

Началась служба торжественная; горячо молился великій князь, горячо молились бояре и воеводы, стольники, стряпчіе, дворяне, жильцы, ратные и приказные люди, что наполняли толпою безчисленной всю Красную площадь обширную.

Кончивъ службу новолѣтнюю, митрополитъ Филиппъ снова осѣнилъ великаго князя крестомъ и возгласилъ:

— Даіі Господи! Ты бы, государь и великій князь Иванъ Васильевичъ, здоровъ былъ со своими родичами государевыми, съ своими государевыми богомольцами, со архіепископы и съ епископы, и съ архимандриты, и съ игумены, и со всѣмъ освященнымъ соборомъ, и съ бояры, и съ христолюбивымъ воинствомъ, и съ доброхоты, и со всѣми православными христіаны. Здравствуіі, царь государь, нынѣшній годъ и впредь идущія многія лѣта въ родъ и родъ и во вѣки!

Видя мощь и великолѣпіе двора великокняжескаго, созерцая безчисленную толпу бояръ и воеводъ доблестныхъ, умиляясь передъ службой благолѣпной, — проливалъ владыка новогородскій радостныя слезы изъ самой глубины души потрясенной...

Такому ли владыкѣ могучему, такому ли князю благочестивому дерзнетъ сопротивляться Великій Новгородъ! Здѣсь, въ Москвѣ, крѣпкій оплотъ православія, здѣсь — глава и вождь всей земли русской.

Въ тотъ же день званъ былъ владыка новогородскій ко столу великокняжескому, и за обѣдомъ великій князь архіепископа Ѳеофила почестилъ и пожаловалъ: послалъ ему отъ своего стола со стольникомъ ѣствы да питія...

Съ каждымъ днемъ все больше проникался владыка Ѳеофилъ сознаніемъ яснымъ: безъ князя московскаго Нову-городу не стоять и вѣрѣ православной не держаться. Все чаще вспоминалъ владыка, какой грѣхъ великій взяли на душу новогородцы, когда склонились къ латынству... И думалось владыкѣ Ѳеофилу, что не искупленъ еще тотъ грѣхъ, что еще ждетъ Новгородъ кара справедливая.

XIV. Новая смута.

Около двухъ лѣтъ пронеслось надъ Великимъ Новымъ-городомъ, много воды утекло въ рѣкѣ Волховѣ, много старыхъ людей умерло, много младенцевъ народилося. Ни о комъ такъ не горевали новогородцы, какъ о добромъ посадникѣ Тимовеѣ Остафьевичѣ, что преставился, нежданно-негаданно для домашнихъ своихъ и для всего народа новогородскаго, оставивъ по себѣ память добрую. Новымъ посадникомъ степеннымъ выбрали на вѣчѣ Василія Аѳанасьевича, Марѳы Борецкой благопріятеля. Тогда снова Борецкіе и ихъ присные верхъ взяли, въ Новѣ-городѣ всѣмъ верховодили:

Марѳа Борецкая, посадникъ Василій Аѳанасьевичъ, Ѳедоръ Исаковичъ Борецкій, боярынъ Иванъ Аѳанасьевичъ съ сыномъ, Иванъ да Богданъ Лошинскіе. Угнетали они черный народъ безъ всякой совѣсти. Вотъ что говоритъ о томъ времени смутномъ лѣтописецъ: „Паденіе державъ народныхъ обыкновенно предвѣщается наглыми злоупотребленіями силы, неисполненіемъ законовъ: такъ было и въ Новѣ-городѣ. Правители не имѣли ни любви, ни довѣренности гражданъ; пеклися только о собственныхъ выгодахъ; торговали властію, тѣснили непріятелей личныхъ, похлѣбствовали роднымъ и друзьямъ; окружали себя толпами прислужниковъ, чтобъ ихъ воплемъ заглушать на вѣчѣ жалобы утѣсняемыхъ. Цѣлыя улицы, черезъ своихъ повѣренныхъ, требовали государевой защиты, обвиняя первѣйшихъ сановниковъ. — Они не судьи, а хищники,—говорили челобитчики и доносили, что степенный посадникъ, Василій Ананьинъ, съ товарищами, пріѣзжалъ разбоемъ въ улицу Славкову и Никитину, отнялъ у жителей на тысячу рублей товара, многихъ убилъ до смерти. Другіе жаловались на грабежъ старостъ“.

— Ничего не подѣлаешь,—говорилъ, тяжело вздыхая, купецъ-мѣховщикъ Олферій Максимовичъ.—Ничего не подѣлаешь, надо великому князю челомъ бить. Теперь Марѳины дружки торговому люду вздохнуть не даютъ.

Пропелся еще разъ Олферій Максимовичъ по своей горенкѣ свѣтлой, изрядно украшенной и, тяжело отдуваясь, сѣлъ на скамью широкую. Былъ онъ съ глазу на глазъ со своимъ подручнымъ, кудрявымъ молодцомъ Кириакомъ. Кириакъ тоже не весело смотрѣлъ, стоялъ передъ хозяиномъ, пригорюнившись.

— Правда твоя, батюшка Олферій Максимовичъ,— молвилъ онъ, качая головой кудрявою.—И торговымъ людямъ плохо, и намъ, черному народу, не легче. Никакой теперь управы не найдешь, коли самъ посад-

никъ на Маренну руку тянетъ. Вотъ, намедни, бояринъ Иванъ Аѳанасьевичъ шлетъ холопа своего къ брательнику моему, Андрюшкѣ, что извозомъ промышляетъ. Ему-де, боярину, полюбился у брательника жеребецъ сѣрый, отдавай-де его сейчасъ боярину. И сулитъ бояринъ за жеребца алтынъ денегъ... А такой цѣны не видано-неслыхано—жеребецъ-то на славу выпоенъ да выкормленъ, за него Андрюшка и золота не возьметъ. Прогналъ онъ холопа, супротивство боярину оказалъ... Что-жъ ты думаешь? На другой день на улицу Никитинскую, гдѣ Андрюшкина-то усадьба стоитъ, нагрянуло съ полтора десятка холопьевъ боярскихъ, ворота сломали, брательника въ кровь избили, жеребца увели. Пошелъ Андрюшка къ посаднику, а Василій-то Ананьевичъ ему же плетьми пригрозилъ.

— Да, лихія дѣла творятся, — сказалъ старый купецъ.—А у меня-то въ лавкѣ, помнишь, позавчера боярыня Богданова-Лошинская совсѣмъ задаромъ товаръ взяла. Я было перечить вздумалъ, да не тутъ-то было! „А хочешь,—говоритъ,—на утро муженекъ мой, Богданъ Степановичъ, самъ къ тебѣ торговаться пріѣдетъ? Немного отъ твоихъ мѣховъ останется. Уступай лучше доброй волей“... Ну, поохалъ я, поохалъ и отдалъ товаръ задарма.

— А что-же ты, батюшка Олферій Максимовичъ, не пошелъ къ владыкѣ Ѳеофилу? Онъ-бы, можетъ, лихоимцевъ усовѣстилъ?

— Ходилъ я къ владыкѣ! — отозвался купецъ. — Да теперь и его словъ святыхъ не слушаютъ.

Помолчали оба, повздыхали.

— А слышалъ ты, батюшка Олферій Максимовичъ, про житыхъ людей софійскаго конца? Тоже имъ невтерпежъ стало отъ бояръ да посадника. Тогда и надумали они великому князю челобитье послать: онъ-бы, великій князь, нашихъ обидчиковъ да лихоимцевъ усмирилъ...

— Слыхалъ я про то. Да не вѣрится, чтобы путное вышло. Великій князь-отъ далеко на Москвѣ сидитъ. А наши-то обидчики здѣсь подъ бокомъ...

— А коли-бы нашелся молодецъ не трусливый, да свезъ-бы челобитье твое на Москву великому князю? Одного челобитья Москва не послушаетъ, а какъ пойдутъ челобитья десятками да сотнями, тогда призадумаются бояре московскіе, и повелитъ великій князь до правды дойти.

Долго думалъ Олферій Максимовичъ и поглядывалъ на кудряваго молодца.

— Ишь, быть по твоему. Напишу я челобитье великому князю, а ты свези его на Москву съ опаскою.

Только что успѣлъ выйти изъ горницы подручный-молодецъ, какъ пожаловалъ къ Олферію Максимовичу новый гость, давшій дружокъ, тысяцкій новогородскій Василій Максимовичъ. Вошелъ онъ торопливо къ пріятелю своему старому и тяжело на лавку сѣлъ, вздохнувши горестно.

— День ото дня все хуже идетъ,—молвилъ онъ.— Слыхалъ-ли про вѣсти недобрыя? Марѳа-то за прежнее взялась.

Позвалъ хозяинъ холопа, велѣлъ ему принести стопу меду холоднаго и пріятеля угощать сталъ. Только Василій Максимовичъ, хоть и любилъ сладкимъ, крѣпкимъ медомъ грѣшную утробу побаловать — на этотъ разъ едва хлебнулъ изъ чары серебряной.

— Истинное наказаніе для Нова-города та жена зловредная Марѳа-посадница. Опять стала она мутить и народъ подымать, опять сыплетъ казной безъ счету, пишетъ вездѣ единомышленниковъ да помощниковъ. Разослала она присныхъ своихъ: боярина Ивана Аѳанасьевича, да сына Ѳедора, да Ивана Лошинскаго, да Богдана-лукавца, да еще цѣлую сотню сомутителей. Разослала по всѣмъ улицамъ да концамъ новогородскимъ—въ Неревскій, Гончарскій, Загородный, Сла-

венскій, Плотницкій, въ улицы—Добрынину, Чернятинскую, Прусскую, Козьмо-демьянскую, Варяжскую, Молотковскую, Никитскую и во всѣ другія. Пособирались вездѣ вѣча кончанскія да уличанскія — вездѣ смута идетъ. Вчера одинъ человѣкъ знаемый, надежный пробрался ко мнѣ на домъ вечеромъ, обо всѣхъ злоухищреніяхъ Марѳиныхъ разсказалъ. Кинулся я тогда къ посаднику Василію Ананьину, да онъ и слушать ничего не хочетъ. Все, говоритъ, пустое болтаютъ. А Марѳа смирно живетъ, никого не трогаетъ.

— Вѣстимо, будетъ посадникъ Марѳину руку держать—обое ляшскимъ золотомъ да серебромъ закуплены,—промолвилъ хозяинъ.

— Да ты погоди, не все еще я разсказалъ. Бояринъ-то Иванъ Аѳанасьевичъ на Литву ѣздилъ къ литовскому князю и привезъ отъ князя грамоту, а въ той грамотѣ обѣщаны новогородцамъ всякія вольности да выгоды. Позавчера бояринъ Иванъ Аѳанасьевичъ читалъ ту грамоту въ Славенскомъ концѣ на вѣчѣ. Обошелъ онъ хитрой рѣчью черныхъ людей: посулились они подъ литовскую руку перейти.

Обмѣнявшись вѣстями, замолчали старики. Горько вздыхая, раздумывали они о томъ, что ждетъ впереди Новгородъ-Великій, какъ разразится надъ нимъ гнѣвъ московскаго князя за измѣну да отступничество.

— Ничего больше не подѣлаешь—надо упредить Марѳу-посадницу,—сказалъ старый купецъ.—Надумалъ я одно дѣло, и человѣкъ у меня годный есть...

— Хочешь, что-ли, великому князю отписать?

— И то отпишу; со мною да съ владыкою Ѳеофиломъ и ты приложи руку свою къ той грамотѣ. Молодецъ мой до Москвы доберется, наше челобитье самому великому князю Ивану Васильевичу отдастъ.

Сговорились тысяцкій да старый купецъ, на томъ порѣшили.

XV. Великій князь въ Новѣ-городѣ.

Челобитья разумныхъ людей новогородскихъ да жалобы обиженныхъ заставили великаго князя Ивана Васильевича позаботиться о Великомъ Новѣ-городѣ. Въ 1475 году великій князь выѣхалъ безъ большого войска съ одною дружиной избранной въ непокорную землю новогородскую. Въ старыхъ книгахъ разрядныхъ перечисляются ближніе люди великаго князя, что сопровождали его въ томъ походѣ мирномъ. „Лѣта 6984, октября въ 22, князь великій поѣхалъ съ Москвы въ Великій-Новгородъ миромъ, а съ нимъ бояре Иванъ Юрьевичъ, Ѳедоръ Давыдовичъ, Василій Ѳедоровичъ Образецъ, Петръ Ѳедоровичъ, князь Иванъ Булгакъ, князь Данило Щеня, Василей да Иванъ Борисовичи, Григорей Васильевичъ Морозовъ, князь Александръ Васильевичъ Оболенской, да Василей Китай-Околыничей, Андрей Михайловичъ, Иванъ Васильевичъ Ощеря — дворецкой Михайло Яковлевичъ Русалка — а дѣти боярскіе князь Михайло Колышка, князь Ивановъ, сынъ Юрьевича Григорей Малой, князь Иванъ Звенецъ, Иванъ Товарковъ Молодой, князь Петръ Васильевичъ Оболенской, Юрья Шестакъ, дьяки Микита Беклемишевъ, Алексѣй Полуектовъ".

Историкъ такъ разсказываетъ объ этомъ походѣ великокняжескомъ: „Государь объявилъ, что идетъ утвердить спокойствіе Нова-города, коего знатнѣйшіе сановники и граждане ежедневно выѣзжали къ нему, отъ рѣки Цны до Ильменя, на встрѣчу съ привѣтствіями и съ дарами, съ жалобами и оправданіемъ: старые посадники, тысяцкіе, люди житые, намѣстникъ и дворецкій великокняжескіе, игумены, чиновники архіепископскіе. За 90 верстъ отъ города ожидали Іоанна владыка Ѳеофилъ, князь Василій Васильевичъ Шуйскій-Гребенка, посадникъ и тысяческій степенные-

архимандритъ Юріева монастыря и другіе первостепенные люди, коихъ дары состояли въ бочкахъ вина, бѣлаго и краснаго. Они имѣли честь обѣдать съ государемъ. За ними явились старосты улицъ Новгородскихъ; послѣ бояре и всѣ жители Городища, съ виномъ, съ яблоками, винными ягодами. Безчисленныя толпы народныя встрѣтили Іоанна передъ Городищемъ, гдѣ онъ слушалъ литургію и ночевалъ; а на другой день угостилъ обѣдомъ владыку, князя Шуйскаго, посадниковъ, бояръ и 23-го ноября въѣхалъ въ Новгородъ".

Великій-Новгородъ весь поднялся встрѣчать владыку московскаго. Торжественный звонъ колокольный несся отовсюду, съ Софійской и Торговой сторонъ. Гремѣли колокола собора св. Софіи, съ церкви св. Сергія Радонежскаго, съ церкви Покрова, съ церкви Андрея Стратилата, съ Николодворищенскаго собора, съ Антоніевской монастырской церкви и съ другихъ храмовъ новогородскихъ. У городскихъ воротъ московскихъ ждалъ великаго князя архіепископъ Θеофилъ со всѣмъ духовенствомъ и клиромъ въ богатыхъ облаченіяхъ.

Великій князь, подъѣхавъ со своими боярами да окольничьими къ воротамъ, сошелъ съ коня и къ святому кресту приложился...

— Гряди съ миромъ въ древне-русскій градъ, благочестивѣйшій государь и великій князь Иванъ Васильевичъ, — молвилъ архіепископъ, благословляя великаго князя.

Мятежный боярин Иванъ Аѳанасьевичъ, что стоялъ среди другой знати новгородской, при тѣхъ словахъ брови нахмурилъ и шепнулъ единомышленнику своему Ивану Лошинскому:

— Государей у насъ искони не бывало. Предаетъ владыка вольность новгородскую.

И еще мрачнѣе нахмурились оба боярина, а съ ними и другіе приверженцы Марѳины.

Въ предшествіи владыки Ѳеофила пошелъ великій князь въ древній соборъ Софійскій. Благочестивый и набожный князь Иванъ Васильевичъ любилъ и чтилъ древнюю святыню новгородскую. По истинѣ мало было на всей Руси такихъ святынь древнихъ, прославленныхъ.

Новогородскій соборъ св. Софіи былъ построенъ еще въ 988 году изъ дерева; въ 1045—1050-хъ годахъ возвели храмъ изъ камня. Въ соборѣ покоились мощи многихъ святыхъ безъ перемѣнъ великой княгини Анны, супруги Ярослава Мудраго, князя Мстислава Ростиславича Храбраго, Іоакима Корсунянина, перваго епископа новгородскаго, и другихъ святителей и подвижниковъ. Ко всѣмъ гробницамъ и мощамъ приложился великій князь Иванъ Васильевичъ съ молитвою горячею. Ярко горѣли въ соборѣ свѣчи и паникадила, озаряли чудотворную икону Христа Спасителя въ куполѣ, икону святыхъ Петра и Павла, принесенную святымъ княземъ Владиміромъ изъ Корсуня, образъ Корсунской Божіей Матери и другіе памятники старины православной.

Отстоявъ службу въ соборѣ, великій князь отправился въ хоромы архіепископскія на трапезу.

Въ богато убранныхъ хоромахъ архіепископскихъ было накрыто много столовъ для ближнихъ бояръ великокняжескихъ; столъ великаго князя былъ накрытъ скатертью золототканною, былъ уставленъ блюдами да кубками дорогими; надъ столомъ возвышалась сѣнь парчевая; золоченое кресло великокняжеское, словно стерегли два орла золотыхъ съ крыльями распростертыми.

— Благослови, государь и великій князь, отвѣдать трапезы богомольца твоего,—молвилъ владыка Ѳеофилъ, провожая московскаго князя къ столу, богато убранному.

— Милости просимъ, князья да бояре! — говорилъ онъ, кланяясь, ближнимъ людямъ московскимъ.

Около стола великокняжескаго рядомъ стояли послушники архіепископскіе, держали въ рукахъ подносы серебряные большіе, а на тѣхъ подносахъ лежали дары отъ владыки великому князю.

— Благоволи, государь и великій князь, пріять отъ богомольца твоего сіи дары малые!

Поднесъ владыка великому князю три постава суконъ „ипрскихъ“ разноцвѣтныхъ да сто корабельниковъ, сирѣчь двойныхъ червонцевъ.

— Окромя сего бью тебѣ челомъ, государь и великій князь, двумя бочками вина заморскаго, —добавилъ владыка.

— Спасибо тебѣ, богомолецъ нашъ и вѣрный слуга, владыка Ѳеофилъ!—милостиво сказалъ великій князь.— Садись со мною за мой столъ великокняжескій, хозяинъ хлѣбосольный!

Размѣстились и другіе гости за столами, началась трапеза обильная да пышная. Было чѣмъ въ Новѣгородѣ попотчивать гостей московскихъ; много подавалось всякихъ яствъ да напитковъ заморскихъ. Постарались на этотъ разъ и кухаря архіепископскіе... Только на этотъ разъ что-то невесело было на пиру. Великій князь Иванъ Васильевичъ лишь съ одними владыкою бесѣду велъ; на посадника Василія Ананьина и на другихъ бояръ новогородскихъ взора не кинулъ. Московскіе бояре отъ новогородскихъ тоже сторонились. Новогородцы сердцемъ что-то недоброе чуяли; сумрачны сидѣли передъ кубками полными...

— Во здравіе государя и великаго князя Ивана Васильевича! - возгласилъ владыка, вставъ со скамьи и подымая кубокъ.—Да живетъ онъ многія лѣта, да будетъ ему удача на всѣхъ путяхъ государевыхъ, да милуетъ онъ Великій-Новгородъ, какъ миловали отцы и дѣды его!

— Здравъ буди, государь и великій князь!—закричали, вставъ, московскіе бояре.

— Здравъ буди, государь и великій князь!—крикнули и новогородцы, только потише и послабѣе.

— На томъ здравствованіи спасибо вамъ! — отозвался великій князь, не вставая, окинувъ очами орлиными всѣхъ пирующихъ.—Милости своей отъ Великаго Нова-города я не отнимаю и судить буду ослушниковъ по правдѣ да совѣсти, безъ гнѣва тайнаго и лицепріятія.

Переполошились бояре новогородскіе, поблѣднѣли ихъ лица, уста на краю кубковъ золотыхъ замерли. Другъ на друга устремили они очи испуганныя, еще слыша надъ собою угрозу великокняжескую. А потомъ пошло межъ ними перешептыванье, пошли спросы пугливые, отрывистые... Кого да за что будетъ судить великій князь? Какая на насъ вина лежитъ и кто въ ней отвѣтчикъ?.. Московскіе бояре на новогородскихъ съ тайной усмѣшкой глядѣли: согрѣшили-де противъ великаго князя,—умѣйте и отвѣтъ держать... Блѣдиѣе и пугливѣе всѣхъ глядѣли бояре Иванъ Аѳанасьевичъ да Ѳедоръ Исаковичъ Борецкій.

Окинулъ еще разъ суровымъ взоромъ своихъ недруговъ великій князь московскій, а потомъ тоже возгласилъ, не вставая, другое здравствованіе:

— Сія чаша во здравіе владыки новогородскаго Ѳеофила архіепископа, нашего молитвенника неустаннаго, вѣрнаго слуги церкви православной, ея же не предалъ онъ въ соблазнъ латинскій!

Полный кубокъ выпилъ великій князь во здравіе владыки и милостиво облобызалъ архіепископа новогородскаго.

Долго еще длилась трапеза обильная; велъ великій князь бесѣду съ владыкою о своихъ дѣлахъ государскихъ...

— Нынѣ я, владыка, съ крымскимъ ханомъ въ

великой дружбѣ и любви. Прислалъ царь крымскій ко мнѣ на Москву мурзу своего знатнаго и клятвенно утвердили мы договоръ мирный, чтобы противъ недруговъ стоять за одно; намъ земли крымской не воевать, а имъ—московской; чтобы ѣздить посламъ свободно и полоняниковъ съ обѣихъ сторонъ безъ выкупа отдавать. То же по милости Божіей содѣялось у насъ и съ царемъ казанскимъ; отпустилъ онъ къ намъ на службу царевича Муртузу Мустафовича, а я тому царевичу въ удѣлъ далъ Новгородокъ Рязанскій съ волостями. Нынѣ Казимиръ литовскій супротивъ насъ силы не имѣетъ, самъ нашего оружія дрожитъ и трепещетъ. Можетъ, и строитъ онъ ковы тайныя, да мы тѣхъ злоумышленій не боимся и всегда того дерзостнаго князя смирить готовы.

При тѣхъ словахъ снова бросилъ великій князь суровый взоръ на бояръ новогородскихъ.

— А еще скажу тебѣ, владыка, что досталъ я изъ странъ иноземныхъ зодчаго умѣлаго, звать его Аристотелесъ Фіоравентусъ. И возводитъ тотъ зодчій въ Москвѣ новые храмы и башни высокія. На сихъ дняхъ заложилъ онъ постройку собора великаго и будетъ тотъ соборъ красою столицы моей. Окромя того зодчаго призвалъ я изъ земель заморскихъ еще много искусниковъ — пушечнаго мастера Якова, серебреника Христофора изъ земли Италійской, нѣмчина Ольберта изъ Любека-града, Карлуса изъ Милана-града и многихъ другихъ стѣнныхъ и палатныхъ строителей. Нынѣ много у меня снаряду пушечнаго да мелкаго оружія огнестрѣльнаго...

— Благословенны труды твои, государь и великій князь, во укрѣпленіе и украшеніе стольнаго града Москвы!—отозвался владыка Θеофилъ.

Зналъ архіепископъ новогородскій, что не попусту повелъ рѣчь пространную о своей силѣ да о величіи своемъ князь Иванъ Васильевичъ. Примѣчалъ владыка

съ тайнымъ трепетомъ и тѣ взоры суровые, что бросалъ порою великій князь на виновныхъ бояръ новогородскихъ. Тосковало сердце архипастыря за мятежниковъ, но зналъ владыка, что нельзя ничѣмъ отвратить гнѣвъ великокняжескій.

Потрапезовавъ, милостиво простился великій князь съ владыкой и отъѣхалъ во дворъ Ярославовъ въ дѣтинцѣ новогородскомъ.

XVI. Судьбище.

На другой день по всему Нову-городу недобрыя вѣсти ходили. Великій князь не сталъ откладывать суда грознаго надъ обидчиками народными, надъ своими ослушниками. Призвалъ онъ къ себѣ пятерыхъ бояръ мятежныхъ: Ивана Аѳанасьевича, сына его Елевѳерія, посадника Василія Ананьина, Ѳедора Исаковича Борецкаго да Ивана Лошинскаго. Грозно посмотрѣлъ на нихъ и молвилъ гнѣвно:

— Вы хотѣли Новгородъ Литвѣ отдать, православный народъ въ латинство обратить!

Тутъ же ратники московскіе оковали мятежниковъ цѣпями. Лѣтописцы говорятъ, что владыка Ѳеофилъ и многіе бывшіе посадники явились въ великокняжескомъ дворцѣ, съ видомъ глубокой скорби моля Іоанна, чтобы онъ приказалъ отдать заключенныхъ бояръ на поруки, возвративъ имъ свободу. „Нѣтъ,—отвѣтствовалъ государь Ѳеофилу:—тебѣ, богомольцу нашему, и всему Нову-городу извѣстно, что сіи люди сдѣлали много зла отечеству, и нынѣ волнуютъ его своими козпями“. Онъ послалъ главныхъ преступниковъ окованныхъ въ Москву; но, изъ уваженія къ ходатайству архіепископа и вѣча, освободилъ нѣкоторыхъ, менѣе виновныхъ, приказавъ взыскать съ нихъ денежную пеню, чѣмъ и заключился грозный судъ великокняжескій.

Видя гнѣвъ и мощь великокняжескую, безропотно понесъ Новгородъ кару суровую. Великаго князя увеселяли пирами пышными, умилостивляли дарами дорогими. Дарили князя московскаго деньгами, драгоцѣнными сосудами, шелковыми тканями, сукнами, ловчими птицами, бочками вина, рыбьими зубами и прочимъ. Князь Василій Шуйскій подарилъ три половники сукна, три камки, тридцать корабельниковъ, два кречета и сокола; владыка двѣсти корабельниковъ, пять поставовъ сукна, жеребца, а на проводы бочку вина и двѣ меда; въ другой же разъ триста корабельниковъ, золотой ковшъ съ жемчугомъ, два рога, окованные серебромъ, серебряную мису, пять сороковъ соболей и десять поставовъ сукна; Василій Казимеръ золотой ковшъ, сто корабельниковъ и два кречета; Яковъ Коробъ двѣсти корабельниковъ, два кречета, рыбій зубъ и поставъ рудожелтаго сукна; знатная вдова, Настасья Иванова, 30 корабельниковъ, десять поставовъ сукна, два сорока соболей и два зуба. Сверхъ того степенный посадникъ, Ѳома, избранный на мѣсто сверженнаго Василія Ананьина и тысяческій Есиповъ поднесли великому князю отъ имени всего Нова-города тысячу рублей.

Около праздника Рождества Христова сталъ великій князь собираться домой. Вѣсточка объ отъѣздѣ его облетѣла весь Великій Новгородъ. Забѣжала она и къ печальной вдовицѣ Маѳѣ Борецкой, забѣжала въ раннихъ сумеркахъ дня зимняго, когда лукавая вдова, сомутительница новогородская, въ тяжкомъ раздумьи сидѣла одна-одинешенька у себя въ горницѣ. Горницу освѣщали только лампадки образныя. Не велѣла Марѳа зажигать другого огня: легче ей было со своимъ горемъ-злосчастьемъ сидѣть въ полумракѣ, былое передумывать. Изрѣдка вспыхивалъ огонекъ изъ лампадки золоченой и бросалъ отблескъ блѣдный на сѣдую голову Марѳы посадницы. Ниже та голова, подъ

вдовьей повязкою, скорбно и низко понурена была. Но когда заглядывалъ огонекъ трепещущій въ очи Марѳѣ посадницѣ—вспыхивали тѣ очи искрами яркими, гнѣвными... Сколько горя пронеслось надъ сѣдой головой лукавой жены новогородской! Все же готова была Марѳа посадница на борьбу новую; хитрый умъ ея плелъ сѣти лукавыя новыхъ замысловъ мятежныхъ. Тщетно въ этотъ часъ тихіи образы и видѣнія дней былыхъ проносились передъ женой мятежной...

Вотъ вспомнила она злосчастные дни послѣ битвы Шелонской, когда пришла къ ней вѣсть черная, что отсѣкли голову сыну ея любимому Дмитрію Исаковичу. Болью великою билось тогда сердце материнское, ручьи слезъ горячихъ жгли тогда эти очи лукавыя... Но потомъ взялъ верхъ замыслы гордые, и снова тѣ очи огнемъ мятежнымъ засвѣтились; снова вступила въ споръ честолюбивая жена съ могучимъ врагомъ, съ самимъ великимъ княземъ московскимъ...

Нынѣ вновь почуяла Марѳа посадница, какъ тяжелъ гнѣвъ великокняжескій; нынѣ другого сына теряла она. Но прежняя непокорность, прежняя дерзость мятежная не покидали старую посадницу. То лила она слезы объ участи сына младшаго, то местью горѣло ея сердце злобное...

Тихо стукнули въ двери, и робкими шагами вошелъ къ Марѳѣ посадницѣ единомышленникъ ея, литовскій сторонникъ, новогородскій боярин Богданъ Матвѣевичъ. Былъ и онъ отъ великаго князя скованъ цѣпями, да вымросили его челобитьями слезными владыка Ѳеофилъ и другіе сторонники московскіе.

— Какъ здравствуешь, милостивица? — спросилъ боярин. —Слыхала-ль ты, что великій князь на Москву ѣдетъ?

Встрепенулась Марѳа, на боярина очи подняла.

— А бояръ новогородскихъ съ собою, что-ль, беретъ?—спросила она голосомъ дрогнувшимъ.

*

— А бояръ-то нашихъ, узниковъ злосчастныхъ, великій князь напередъ себя посылаетъ...

Словно еще гуще стала тьма въ горницѣ; прорвалось у Марѳы рыданіе; тяжко вздохнулъ боярынъ Богданъ Матвѣевичъ.

— А вѣдь я видѣлся съ нимъ, съ Ѳедоромъ-то Исаковичемъ,—молвилъ, помолчавъ, боярынъ.

Быстро поднялась вдова Борецкая, бросилась къ боярину, спросами закидала...

— Здоровъ-ли сынокъ мой болѣзный? Что велѣлъ сказать матушкѣ родимой? Мучатъ ли его стражи суровые?..

— Похудѣлъ, извелся боярынъ Ѳедоръ Исаковичъ въ цѣпяхъ. Видитъ онъ предъ собою неволю московскую, а можетъ, и того хуже... Можетъ, ждетъ его на Москвѣ топоръ вострый, плаха дубовая.

Обезсилѣла Марѳа Борецкая, на скамью опустилась.

— Тебѣ же, матушкѣ родимой, наказалъ боярынъ Ѳедоръ Исаковичъ, чтобы ты его обиды помнила, чтобы супротивъ Москвы крѣпко стояла...

Поникла головой Марѳа посадница и скорбнымъ голосомъ промолвила.

— Гдѣ же тутъ супротивничать? Больно силенъ великій князь Московскій, больно шатокъ народъ новогородскій. Былъ-ли ты у новаго посадника-то, перекинулся-ли ты съ нимъ словечкомъ?

— Былъ, милостивица, со всѣхъ сторонъ закидывалъ да заговаривалъ. Только боязливъ посадникъ Ѳома: больно великимъ княземъ напуганъ...

— А сулилъ-ли ты ему казну богатую да милость князя литовскаго? Поманилъ бы его честью великою, соблазнилъ-бы его корыстью-наградою.

— Всего было! — вздыхаючи, сказалъ боярынъ.— Только не поддается посадникъ и за Москву крѣпко стоитъ.

Призадумалась Марѳа, измышляя новыя ковы да новыя приманки для народа новогородскаго; словно отлетѣла отъ нея дума о сынѣ злосчастномъ, томящемся въ оковахъ московскихъ. Хотѣла она еще нѣкое злоумышленіе лукавое повѣдать единомышленнику своему, но въ сосѣднихъ горницахъ шумъ послышался, голоса многіе зазвучали. Вбѣжалъ въ горницу холопъ и молвилъ голосомъ пугливымъ.

— Владыка пріѣхалъ!

Едва успѣли горницу освѣтить, едва успѣлъ скрыться мятежный боярин, какъ вошелъ къ Марѳѣ посадницѣ архіепископъ Ѳеофилъ.

— Посланъ я къ тебѣ отъ велнкаго князя,—молвилъ владыка женѣ лукавой.—Знаетъ великій князь Иванъ Васильевичъ твои злоухищренія, все твое лукавство и злодѣйство. Щадя твой полъ женскій и твою слабость вдовью, не хочетъ великій князь карать тебя ни смертною казнію, ни заточеніемъ. Только вотъ тебѣ его слово твердое, строгое... Аще не оставишь, Марѳа, вдова Борецкая, своихъ замысловъ черныхъ,—то быть твоему сыну послѣднему обезглавлену. Будетъ онъ на Москвѣ жить, будутъ его держать подъ крѣпкой стражею, подъ надзоромъ неусыпнымъ. Ежели примешься ты за дѣла прежнія, ежели съ Литвою пересылаться станешь,—при первой вѣсточкѣ пошлетъ великій князь Иванъ Васильевичъ сына твоего Ѳедора Исаковича на плаху. Слышала-ль ты, Марѳа Борецкая, слова государя и великаго князя?

Блѣднѣя, стояла Марѳа Борецкая передъ владыкой. Потупила она очи свои, чтобы ихъ блескъ гнѣвный не выдалъ архіепископу ея мыслей тайныхъ.

— Порвала-ль ты, Марѳа Борецкая, пересылку съ княземъ литовскимъ? — снова спросилъ владыка жену лукавую.

— И въ мысляхъ того нѣтъ, владыка святой,— отвѣчала Марѳа посадница покорнымъ голосомъ. —

Мнѣ-ли, вдовицѣ бесчадной, въ дѣла государскія мѣшаться? А ты-бы, владыка, отнесъ великому государю челобитье мое слезное. Онъ-бы, государь и великій князь, гнѣвъ на милость переложилъ: не велѣлъ-бы сынишку моего, Ѳедора Исаковича, въ цѣпяхъ держать да безчестить!

— Того челобитья на себя не приму,—молвилъ, качая головой, архіепископъ Ѳеофилъ. — За твоимъ сыномъ великія вины стоятъ. Помни-ко, что въ твоихъ рукахъ жизнь сыновняя!

Когда выходилъ владыка изъ горницы, подняла Марѳа глаза потупленные и проводила архіепископа взоромъ злобнымъ, мстительнымъ...

Послѣ того, какъ великій князь послалъ наказъ строгій вдовѣ Борецкой, не долго пробылъ онъ въ Новѣ-городѣ. Новогородскія лѣтописи упоминаютъ, что въ день Рождества Іоаннъ далъ у себя обѣдъ архіепископу и первымъ чиновникамъ, которые впровали во дворцѣ до глубокой ночи. Еще многіе знатные чиновники готовили пиршества, но великій князь объявилъ, что ему время ѣхать въ Москву, и только принялъ отъ нихъ назначенные для него дары. Не осталось въ городѣ ни одного зажиточнаго человѣка, который-бы не поднесъ чего-нибудь Іоанну, и самъ не былъ отдаренъ милостиво, или одеждой драгоцѣнною, или камкою, или серебрянымъ кубкомъ, соболями, конемъ и прочимъ. Никогда новогородцы не изъявляли такого усердія къ великимъ князьямъ, хотя оно происходило не отъ любви, но отъ страха: Іоаннъ ласкалъ ихъ, какъ государь можетъ ласкать подданныхъ, съ видомъ милости и привѣтливаго снисхожденія.

XVII. Ковы Марѳины.

Полюбился чернымъ людямъ новогородскимъ судъ великокняжескій. Уже на слѣдующій годъ снова жа-

лобщики на Москву поѣхали. Лѣтописцы новогородскіе пишутъ, что „отъ временъ Рюрика не бывало такого обычая: ни въ Кіевъ, ни во Владиміръ не ѣздили судиться новогородцы". Только на сей разъ неправы были лѣтописцы, забыли они, что, когда Владиміръ Мономахъ великимъ княземъ былъ, принуждалъ онъ новогородцевъ къ нему на судъ ѣздить.

Больше всего недовольны были жалобщиками единомышленники Марѳы Борецкой. Хотя знатнѣйшихъ изъ нихъ увезъ великій князь въ неволю московскую, но еще много оставалось ихъ, а Марѳа золотомъ да хитрыми рѣчами все новыхъ участниковъ находила. Задавала она пиры богатые, всѣмъ на ушко шептала о литовской помогѣ, набирала себѣ дружину—тайную, но грозную.

Однажды созвала Марѳа Борецкая многихъ гостей въ свои хоромы пышныя. Сошлись къ ней: самъ посадникъ степенный Ѳома Васильевичъ, бояре Василій да Козьма Никифоровичи, воевода дружинъ новогородскихъ князь Василій Шуйскій-Гребенка, вѣчной *) дьякъ Захарія, староста Софійской стороны Назарій Демьяновъ, сотники—Викулъ да Нелюбъ и много другихъ ратныхъ, думныхъ и городскихъ людей.

Дѣло было весной раннею, столы пирные велѣла Марѳа Борецкая изукрасить по праздничному, окна створчатыя отворить настежъ, чтобы гостей холодкомъ обдувало послѣ винъ и медовъ крѣпкихъ. Лавки покрыты были сукнами да коврами; золотая да серебряная посуда громоздилась на столахъ во множествѣ—видно, богата еще была казна Марѳина, видно, кладовыя покойнаго Исака Борецкаго не оскудѣли еще...

Особливо рада была Марѳа, что пріѣхалъ къ ней степенный посадникъ Ѳома Васильевичъ; долго обходила она старика лукавымъ умомъ женскимъ, обошла-

*) Который былъ при вѣчѣ.

акп и крѣпкую дружбу завязала, вмѣстѣ съ нимъ стала ковы строить супротивъ Москвы. Встрѣтила го четнаго гостя Марѳа Борецкая на крыльцѣ, опираясь на плечо внука своего, отрока Василія Борецкаго. То былъ сынъ Ѳедора Исаковича, пропадавшаго въ плѣну московскомъ.

— Здравствуй, посадникъ степенный. Спасибо, что не забылъ вдову бѣдную и послѣдняго изъ рода Борецкихъ, сироту Василія.

Посадникъ низко поклонился хозяйкѣ привѣтливой, отрока Василія по головѣ погладилъ и вошелъ въ горницу, гдѣ всѣ гости со скамей поднялись, видя перваго боярина новогородскаго. Позвала всѣхъ Марѳа садиться и пошелъ пиръ горой! Вдосталь подано было всякихъ похлебокъ, всякихъ жарких да печеній, а меды, вина да пиво хмѣльное иноземное разносили холопы Марѳины полными кубками. Никто отъ питья да отъ ѣды не отказывался, все веселѣй да шумнѣй бесѣда становилась. Всюду поспѣвалъ зоркій глазъ хозяйки хлѣбосольной: тому изъ гостей подбавляла она вкуснаго кушанья, другому сама наливала кубокъ опорожненный. Гости хозяйку благодарили, хлѣбосольство ея похваляли; ѣли, пили, сколько душа хотѣла.

Разговоры за столами шли все про Москву грозную. Купецъ Владиміръ Казиміровичъ, что недавно на Москву ѣздилъ, о томъ рѣчь завелъ, что теперь въ столицѣ великокняжеской много новогородцевъ суда ждутъ. Былъ Василій Казиміровичъ на половину литовской крови и лукавствомъ литовскимъ свѣтились очи его быстрыя.

— Что за дѣла творятся у васъ, посадникъ да бояре,—говорилъ онъ, хитро посматривая на пирующихъ.—Кажись, всегда Новгородъ самъ себѣ судьей былъ, ни у кого не искалъ онъ милости да расправы. А теперь словно бы наше дворище Ярославово на

Москву перевезли. Пріѣхалъ я нонѣ торговать въ московскій гостиный дворъ и ничего, торговля шла съ прибылью. Московскіе бояре да царская челядь нынѣ богаты деньгами стали... Покупали не торгуючись.

— На наше золото да серебро,—отозвался бояринъ Василій Никифоровичъ.—Чего имъ теперь не роскошествовать, цѣлыя бочки изъ Новогорода увезли!

— А вотъ Василій Казиміровичъ нашего-то серебра маленько воротилъ, — шутливо молвилъ вѣчной дьякъ Захарія.

Посмѣялись гости и снова стали купца слушать.

— Торгую я помаленьку, съ покупщиками разговоры веду, толкую о томъ да о семъ. Полюбили меня бояре да стольники, раскупаютъ товаръ на славу, въ деньгахъ не скупятся. Только что-бъ вы думали: какъ ни придетъ покупщикъ, тотчасъ-же объ одномъ рѣчь ведетъ... „А слышалъ-ли ты, купецъ новогородскій, что сегодня опять жалобщики пригнали изъ Нова-города, опять челомъ бьютъ великому князю на бояръ-обидчиковъ?“ И почнутъ разсказывать, какъ великій князь тѣхъ жалобщиковъ ласково принялъ, судъ и защиту обѣщалъ. А иные такъ похваляются, что у васъ-де въ Новѣ-городѣ суда не стало, за судомъ-де въ Москву ѣздите, словно за хлѣбомъ. Мое дѣло дѣло торговое, стерпѣть надо было. А сильно сердце горѣло отъ обиды! И самъ я не мало встрѣчалъ знакомцевъ на Москвѣ на площадяхъ да на улицахъ. Поносятъ они тамъ родной Новгородъ, во весь голосъ кричатъ супротивъ бояръ и посадника.

Понахмурились лица гостей Марѳиныхъ.

— Что-жъ подѣлаешь!—молвилъ посадникъ Ѳома.—Большую силу забралъ великій князь, сами себя новогородцы въ неволю отдали.

— Неправое слово ты молвилъ, посадникъ!—крикнулъ боярин Козьма Никифоровичъ.—Великій Нов-

городъ искони вольнымъ былъ,—вольны... и останется.

Посадникъ Ѳома Васильевичъ головою покачалъ, глянувъ на молодого боярина пылкаго.

— Не мыслилъ я городъ родной унизить, а самъ вѣдаешь, боярине, что тяжелыя времена пришли: ни откуда нѣтъ намъ помоги и защиты.

Тутъ вмѣшалась въ споръ Марѳа Борецкая

— Былъ и есть у Нова-города единый другъ вѣрный...

— Кто-жъ онъ такой? — со всѣхъ сторонъ послышалось.

Марѳа Борецкая очами огневыми сверкнула, всѣхъ гостей оглядѣла и молвила:

— Тотъ единый другъ— князь литовскій Казиміръ. Онъ съ Москвою поспоритъ и насъ отстоитъ.

— Слыхали мы про это, — съ усмѣшкою сказалъ вѣчной дьякъ Захарія.—Давно ужъ насъ Литвой обнадеживали, а отъ Литвы никакой помоги не было. Давно-ли насъ въ бою побили, давно-ли великій князь московскій судить пріѣзжалъ, а Литва и не двинулась.

— То дѣло прошлое!—отвѣтила Марѳа Борецкая.— Теперь иное пойдетъ. Въ тѣ разы князь литовскій видѣлъ въ Новѣ-городѣ шатаніе великое: многіе новогородцы за Москву стояли. Да и еще у князя самаго споръ былъ съ королемъ польскимъ. Нынѣ-же примирился князь съ королемъ и стала Литва сильна, не слабѣе Москвы корыстной...

— А какъ-же, матушка Марѳа, ты про шатаніе-то помянула?—не соглашался дьякъ Захарія.—Нынѣ-то развѣ иначе стало? Нынѣ развѣ станетъ Великій Новгородъ супротивъ московскаго князя, какъ единый человѣкъ? Супротивъ Москвы, пожалуй, только мы и пойдемъ, что здѣсь въ горницѣ сидимъ...

— А заставить можно! — вымолвила Марѳа, хитро улыбаясь.—Добромъ не пойдутъ новогородцы — такъ угрозою заставимъ.

— Эхъ, всего было, матушка Марѳа! И грозили-то мы, и улещали новогородцевъ, а все ничего не вышло!—стоялъ на своемъ дьякъ.

— Видно, женскій-то умъ похитрѣе, видно, женскій-то глазъ позорче,—заговорила Марѳа, оглядывая гостей смѣлымъ взоромъ. Не про нашу угрозу я помянула. Вотъ если великій князь московскій Новугороду пригрозитъ, тогда, какъ единъ человѣкъ, встанутъ новогородцы.

— Чѣмъ-же такимъ пригрозитъ-то? — спросилъ дьякъ.—Кажись, всего было.

— А того не было, чтобы захотѣлъ великій князь Иванъ Васильевичъ стать государемъ новогородскимъ и вѣче покончить!

Встрепенулись всѣ гости, на Марѳу Борецкую воззрились.

— Да великому князю, чай, такое и въ голову не приходило!—заговорили со всѣхъ сторонъ. — О государствѣ и слова не было!

— А мы великаго князя на то наведемъ,—сказала Марѳа Борецкая, лукаво усмѣхаясь.

— Вотъ, кабы поѣхалъ кто на Москву съ челобитьемъ, кабы прописалъ-бы онъ въ томъ челобитьи, что Великій Новгородъ зоветъ князя московскаго на государство полное, подъ его руку отдается со всѣми вольностями... Чай, обрадовался-бы великій князь?

— Что-жъ бы вышло? —стали спрашивать гости, не поняв еще лукавства Марѳинаго,

— Развѣ тогда не всталъ-бы Великій Новгородъ, какъ одинъ человѣкъ? А тутъ-бы подоспѣлъ князь Казиміръ литовскій съ дружиною, отбились-бы мы отъ Москвы, стали-бы жить за щитомъ литовскимъ по старой вольности. Не такъ-ли, бояре?

Уразумѣли наконецъ гости хитросплетенное лукавство женское. Обрадовались вороги московскіе, залп-

ковали. Поднялся шумъ велпкій, Марѳу Борецкую хвалою засыпали.

— Вотъ разумница Марѳа Посадница!..

— Обойдемъ велпкаго князя, подымемъ новогородцевъ!

— За вѣче-то весь Новгородъ станетъ!

Посадникъ Ѳома кубокъ поднялъ во здравіе Марѳпно, и отвѣчали гости на ту здравпцу громкими кликами.

— Спаспбо вамъ, гости дорогіе!—кланялась жена лукавая.—Коли согласны со мной, надо дѣло скорѣй рѣшпть. Кто-же пзъ васъ на Москву поѣдетъ, кто грамоту напишетъ?

— Лучше дьяка вѣчнаго никому не написать, — промолвилъ боярпнъ Василій Никифоровичъ,—пускай онъ и ѣдетъ.

— Радъ послужить великому Нову-городу, — поклонплся всѣмъ дьякъ Захарія,—только надо-бы кого мнѣ въ товарищи.

— Пусть ѣдетъ съ тобой староста Назарій Демьяновичъ, будто-бы отъ Софійской стороны, — далъ совѣтъ лукавый посадникъ Ѳома.—Дѣломъ не медлпте.

На томъ и порѣшили, а, порѣшивъ, стали пить да веселиться и надъ Москвою ругаться да потѣшаться.

XVIII. Новая невзгода.

Ровно черезъ мѣсяцъ рапнимъ утромъ пробудился Великій Новгородъ отъ громкаго отчаяннаго звона колокола вѣчевого. Мѣднымъ языкомъ своимъ кричалъ колоколъ въ источный голосъ: „Собпрайтесь, новогородцы — бояре, купцы, житые люди и черные люди! Собпрайтесь всѣ — кончане да улпчане! Сходитесь, новогородцы, пзъ Неревскаго да Славенскаго конца, пзъ Загороднаго да Плотницкаго да Гончарскаго! Пробуж-

дайся сторона Софійская, пробуждайся, сторона Торговая! Спѣшите, новогородцы, на дворище Ярославово на вѣче великое!“

Скоро черными рѣками потекли толпы народныя, со всѣхъ концовъ да улицъ на Ярославовъ дворъ на вѣчевую площадь. Тамъ, около башни вѣчевой, на помостѣ для посадниковъ и старостъ концовыхъ, стояли уже власти новогородскія. Шумною толпою, тѣснясь къ помосту, увидѣли новогородцы межъ своихъ бояръ двухъ бояръ московскихъ. Посланцы великаго князя Московскаго безбоязненно глядѣли на вѣче шумное, за то посадникъ Ѳома Васильевичъ да новогородскіе бояре боязливо косились на знакомую толпу буйную.

Все не переставалъ гремѣть колоколъ вѣчевой, все гуще и гуще становилась толпа на площади.

— Ишь, сколько людишекъ новогородскихъ собралось,—молвилъ московскій боярин Ѳедоръ Давидовичъ товарищу своему, боярину Ивану Борисовичу.— Придется нашему дьяку горло драть, читаючи грамоту великокняжескую.

Стоя позади бояръ, дьякъ московскій Василій Долматовъ только прокашлялся во всю свою грудь крѣпкую: моего-де голоса хватитъ, хоть колоколъ перекричу...

Вотъ переполнилась до краевъ народомъ площадь вѣчевая, вотъ посадникъ Ѳома махнулъ платомъ бѣлымъ на башню вѣчевую—и замолкъ горластый колоколъ, и примолкла толпа новогородцевъ буйныхъ.

— Люди новогородскіе!—кликнулъ посадникъ. — Отъ великаго князя послы наѣхали!

Еще тише стало на площади. Посадникъ свое мѣсто московскому боярину уступилъ.

— Кланяюсь Великому Нову-городу, отъ великаго князя Ивана Васильевича поклонъ сказываю. Слушай, Великій Новгородъ, грамоту государя и великаго князя! Читай, дьякъ!

Еще прокашлялся дьякъ Василій Долматовъ, выступилъ впередъ, развернулъ грамоту съ привѣсной печатью великокняжескою и загремѣлъ на всю площадь надъ толпой затихшею.

— Мы, государь и великій князь московскій Иванъ Васильевичъ, шлемъ посаднику, боярамъ и всему народу новогородскому грамоту нашу милостивую и нашъ спросъ великокняжескій. Наѣхали на Москву челобитчики: дьякъ вѣчной Захарія да староста Софійскій Назарій и намъ великому князю челобитье подали. А назвались тѣ челобитчики послами отъ всего Новагорода Великаго и просили они отъ всего Нова-города, чтобы намъ отнынѣ быть государемъ новогородскимъ и володѣть землею новогородскою, какъ другими удѣлами. А еще просили тѣ челобитчики, чтобы въ Новѣгородѣ быть единому суду великокняжескому, чтобы по всѣмъ улицамъ сидѣть тіунамъ великокняжескимъ, чтобы очистить Ярославово дворище подъ намѣстника великаго князя, чтобы суду вѣчевому не быть. То челобитье мы, прочитавъ, послали нынѣ бояръ нашихъ къ Великому Нову-городу, спросить, тако-ли онъ хочетъ.

Не сразу отозвалась толпа на площади вѣчевой на слова грамоты великокняжеской. Никто изъ новогородцевъ не ждалъ такой бѣды-напасти. Чуяли новогородцы, что сотворили надъ ними лукавство великое, что конецъ грозитъ буйной вольности новогородской. Помолчавъ, разразилась толпа цѣлой бурею. Всюду засверкали очи гнѣвныя, поднялись кулаки грозящіе; заревѣла толпа бѣшено, неудержимо.

— Не быть въ Новѣ-городѣ государю!

— Не кончаться суду вѣчевому!

— Гдѣ челобитчики непрошеные?!

— Съ моста ихъ, въ Волховъ-рѣку!

— Съ моста!..

Тщетно старался посадникъ Ѳома Васильевичъ пе-

рекричать толпу буйную, зазвонилъ опять вѣчевой колоколъ, но не могъ мѣдный голосъ его покрыть бурю криковъ озлобленныхъ. Словно море взволнованное, нахлынулъ народъ на помость. Едва-едва усѣлъ посадникъ увести отъ толпы пословъ московскихъ.

Началась кровавая расправа народная. Погибли вѣчной дьякъ Захарія и староста Назарій. Какъ-то допытались вѣчники новогородскіе, что упомянуты были въ челобитьѣ бояре Василій да Козьма Никифоровичи — набросились и на нихъ. Василій Никифоровичъ тутъ-же на площади Богу душу отдалъ, на куски изрубленный, растоптанный. Козьма Никифоровичъ бѣжать пустился. Только не суждено ему было спасти въ этотъ день страшный свое тѣло грѣшное...

Въ суетѣ да шумѣ друзья-пріятели одѣли боярина Козьму въ простой кафтанъ, окружили его тѣсно, провели безъ помѣхи черезъ площадь вѣчевую, довели до двора владычняго. Думали уже, что спасенъ бояринъ отъ смерти немилучей; дозволилъ владыка Ѳеофилъ укрыть несчастнаго въ одной изъ службъ дворовыхъ.

Блѣдный и дрожащій, палъ боярин Козьма въ тѣсной горницѣ предъ иконою на колѣни, сталъ молиться горячо, просить у Господа Бога спасенія; сталъ каяться во грѣхахъ своихъ, въ замыслахъ черныхъ, сталъ проклинать лукавую жену Марѳу Борецкую. Вѣрные други боярина у дверей сторожили, прислушивались къ далекимъ крикамъ бѣшенымъ... Только вотъ все ближе да ближе сталъ раздаваться громъ толпы народной; почуяли всѣ, что приближается черная бѣда, что идутъ вѣчники за бояриномъ...

Скоро нахлынули вѣчники на дворъ владычній, стали повсюду боярина искать.

— Видѣлъ я своими глазами, что сюда провели боярина Козьму! —кричалъ какой-то молодецъ рыжій, Надѣли на него кафтанъ простой, окружили его други-пріятели!

— Ищите по всѣмъ службамъ, а то и къ самому владыкѣ въ горницы пойдемъ. Не станетъ владыка укрывать лютаго ворога вольности новогородской!

Вышелъ архіепископъ Ѳеофилъ къ вѣчникамъ буйнымъ, только на этотъ разъ не стали слушать новогородцы благостныхъ увѣщаній своего владыки любимаго: больно ужъ разъярились сердца ихъ, больно ужъ много пролили они крови, мстя за обиду свою. Тяжко вздохнулъ владыка и ушелъ въ свои горницы. Скоро нашли вѣчники ворога своего и порѣшили съ нимъ короткой расправою. Тѣло злосчастнаго боярина Козьмы завязали въ мѣшокъ рогожный и съ моста бросили въ Волховъ глубокій.

Въ тотъ-же день, въ тотъ-же часъ узнала Марѳа Борецкая о горькой участи единомышленниковъ своихъ. Самъ посадникъ Ѳома Васильевичъ пріѣхалъ къ ней въ хоромы, сталъ попрекать ее за лукавство недоброе, сталъ каяться въ замыслахъ своихъ.

— Поздно теперь, посадникъ!—молвила со злой усмѣшкою жена лукавая.—Мнишь-ли ты, что великій князь отъ государства отступится? Не снесетъ онъ такой порухи чести своей. Да и за злодѣйства, за убійства будутъ передъ нимъ новогородцы отвѣтъ держать!

— То твое дѣло,—глухо молвилъ посадникъ.

— Отъ своего дѣла не отрекаюсь!—твердо сказала Марѳа Борецкая.—Не ждала я, что боярь убьютъ, да ужъ теперь о нихъ жалѣть нечего. Теперь надо новогородцамъ за мечъ браться да грамоту посылать князю литовскому.

— Охъ, боюсь, скорблю я за Великій Новгородъ!—простоналъ посадникъ, тяжело вздыхаючи.

XIX. Переговоры.

Послѣ расправы кровавой насплу опомнились новогородцы буйные. Не то, чтобы каялись они въ своемъ

свирѣпствѣ, жалѣли о крови пролитой, нѣтъ,—просто робѣли они сердцемъ: какъ еще взглянетъ великій князь на ихъ самоуправство. Правда, даже въ пылу гнѣва яростнаго не тронули мятежные вѣчники пословъ московскихъ, ни единаго дружинника московскаго не изобидѣли, но все-же чуяли они, что со стороны Москвы могучей собирается на нихъ туча черная.

Посадникъ и бояре старѣйшіе на другой-же день собрались къ архіепископу Ѳеофилу, великому князю Ивану Васильевичу грамоту написали. По словамъ лѣтописи, такъ отвѣтили новогородцы великому князю на его спросъ: „Кланяемся тебѣ, господину нашему, великому князю; а государемъ не зовемъ. Судъ твоимъ намѣстникамъ будетъ на Городищѣ по старинѣ; ни твоего суда, ни твоихъ тіуновъ у насъ не будетъ. Дворища Ярославля не даемъ. Хотимъ жить по договору, клятвенно утвержденному на Коростынѣ тобою и нами. Кто-же предлагалъ тебѣ быть государемъ новогородскимъ, тѣхъ самъ знаешь и казни за обманъ; мы здѣсь тоже казнимъ сихъ лживыхъ предателей. А тебѣ, господинъ, бьемъ челомъ, чтобы ты держалъ насъ въ старинѣ, по крестному цѣлованію“.

Снаряжаясь въ путь съ грамотою къ великому князю, посланецъ новогородскій подошелъ къ владыкѣ и благословенія просилъ:

— Благослови, владыка, на путь далекій, проси отъ Господа удачи и благого свершенія дѣла труднаго.

Владыка Ѳеофилъ благословилъ посланца, но скорбно головой покачалъ и не ободрилъ его никакимъ словомъ добрымъ. Не вѣрилъ архіепископъ, что дѣло добромъ кончится...

— Охъ, крови-то сколько пролито! Гдѣ-жъ тутъ благословенія Божьяго просить! —сказалъ владыка прощаясь съ посадникомъ и боярами и ушелъ въ дальнюю горницу, чтобы на долгую молитву стать.

Отъ владыки начальные люди новогородскіе прямо

прошли къ Марѳѣ Борецкой. Такъ опутала своимъ лукавствомъ старая посадница бояръ да посадника, что теперь они и не знали, какъ безъ нея ступить, что сдѣлать.

Марѳа словно ждала гостей. Настежъ были у нея ворота открыты, богатые столы уготовлены—хоть сейчасъ садись да за пиръ принимайся. Встрѣтила она гостей привѣтливо, радушно угощать стала, а за угощеніемъ про дѣла новогородскія рѣчь вела, все на свою сторону клонила.

На сей разъ приняла гостей Марѳа Борецкая въ тѣхъ хоромахъ своихъ, что стояли на Торговой сторонѣ. Не хуже они были другихъ хоромъ Марѳиныхъ—на сторонѣ Софійской. Сѣни, двери и окна украшены были рѣзьбой дубовой, сверкали дорогими затворами мѣдными; ворота отворялись кольцами серебряными; алымъ сукномъ были обиты стѣны покоевъ богатыхъ. Отъ хоромъ тянулись погреба каменные до самой церкви Климентовской. Въ тѣхъ погребахъ хранилось все богачество Марѳино. Еще одна диковинка была въ хоромахъ Марѳы Борецкой. Знали про нее только люди ближніе. Изъ глубокихъ погребовъ шелъ подземный ходъ подъ Волховомъ на Софійскую сторону. Еще первый мужъ Марѳинъ, Филиппъ Григорьевичъ, велѣлъ выкопать тотъ ходъ на случай бѣды.

— Сильно скорбитъ владыка Ѳеофилъ о крови пролитой,—сказалъ хозяйкѣ посадникъ Ѳома Васильевичъ, сидя за столомъ, богато убраннымъ. - Говоритъ онъ, что не будетъ на нашемъ дѣлѣ благословенія Божьяго.

— Чего-жъ отъ владыки ждать? Онъ всегда московскую руку держалъ!—отвѣтила Марѳа, хмуря брови. —А я мыслю, что та кровь пролитая новогородцевъ еще тѣснѣй съединила. Теперь ужъ всѣ вмѣстѣ будемъ отвѣтъ держать, какъ одинъ человѣкъ встанемъ супротивъ неволи московской. Въ прошлый разъ не было у новогородцевъ единой души и единаго хотѣнія; нынѣ—по иному выйдетъ...

Стала опять Марѳа Борецкая угощать дорогихъ гостей, только плохо ѣли и пили гости: видѣлась на лицахъ ихъ забота-кручина.

— Аль порадовать мнѣ васъ, — заговорила хозяйка,—доброй вѣсточкой? Ишь, вы какъ помрачились: всякую бодрость потеряли.

Позвала Марѳа Борецкая холопа и велѣла кликнуть молодца Левонтія. Былъ тотъ молодецъ у Марѳы въ великомъ довѣріи, любила его старая посадница за удаль и за сметку, посылала часто по своимъ дѣламъ тайнымъ. Вошелъ статный молодецъ въ горницу, гостямъ поклонился.

— Молви-ка, Левонтій, посаднику да боярамъ — отколѣ ты сегодня въ ночь воротился?

Изъ-за рубежа литовскаго, матушка посадница, отъ самого князя литовскаго.

— А молви-ка, что ты привезъ оттудова?

— А привезъ я отъ князя грамоту.

— Иди себѣ, Левонтій! сказала Марѳа Борецкая, и, опять поклонившись боярамъ въ поясъ, вышелъ молодецъ изъ горницы. Марѳа поглядѣла на бояръ встрепенувшихся, лукаво прищуривъ очи хитрыя. Тѣ тоже глядѣли на хозяйку въ ожиданіи молчаливомъ.

— Видишь, посадница, видите, бояре, времени-то я не теряла. Переслалась я съ княземъ литовскимъ и отъ него слово крѣпкое пришло, что за насъ Литва встанется и на Москву пойдетъ. Пишетъ князь литовскій, что беретъ Великій Новгородъ подъ свою руку могучую, даетъ намъ намѣстника и дворецкаго, а попишетъ беретъ вдвое менѣе супротивъ московскаго князя...

Вынула Марѳа изъ постыца грамоту князя литовскаго и боярамъ показала.

— Читайте, бояре: обѣщаетъ князь литовскій, не мѣшкая, на конь сѣсть и дружины свои вести намъ на помогу.

Свободнѣе вздохнули посадникъ да бояре, когда услышали, что нашелся у нихъ защитникъ могучій, что не одному Нову-городу съ великимъ княземъ московскимъ вести брань придется.

Долго еще Марѳа Борецкая подговаривала да наставляла на умъ бояръ новогородскихъ. Освѣдомилась она о числѣ пищальниковъ да пушкарей городскихъ, наказывала, въ городѣ запасы сдѣлать, на случай осады долгой, сулила дать много золота да серебра для дружины новогородской... Слушали посадникъ да бояре, во всемъ съ Марѳой Борецкой соглашались и ее-же, смутительницу, благодарили за попеченіе и заботу о Новѣ-городѣ Великомъ.

Въ тотъ-же часъ въ горницѣ у владыки Ѳеофила сидѣли двое бояръ, московскихъ сторонниковъ, и о тѣхъ-же дѣлахъ рѣчь вели. То были бояре Лука да Иванъ Клементьевичи, люди старые, опытомъ богатые. Съ ними-же пришелъ къ владыкѣ бывшій посадникъ Григорій Михайловичъ, изъ роду Тучиныхъ.

— Благое дѣло надумали вы,—говорилъ владыка, ласково глядя на гостей.—Впали новогородцы въ грѣхъ великій—опять на литовскую руку перекинулись. Тотъ навѣки свою душу погубитъ, кто вмѣстѣ съ литовцами-еретиками мечъ подыметъ на великаго князя московскаго, вождя земли русской, хранителя вѣры православной...

— Да, святой владыка, надумали мы въ службу къ великому князю перейти; - молвилъ Лука Клементьевичъ, — претитъ намъ мерзость литовская. Церковь-то ихъ не на правомъ пути стоитъ, отъ патріарховъ греческихъ отдѣлилась. Задумали мы имѣніе продать, отрясти отъ ногъ прахъ города заблудшаго и на Москву бѣжать. Для того и пришли просить благословенія твоего, владыка!

— На сіе дѣло благословляю. Не оставайтесь съ грѣшниками, не берите доли въ заблужденіи ихъ!

При тѣхъ словахъ благословилъ владыка бояръ и облобызалъ ихъ съ нѣжностью отеческой.

— А ты, владыка?—спросилъ посадникъ Григорій Михайловичъ.—Ужли останешься въ городѣ заблудшемъ, ужли будешь своими очами глядѣть, какъ отступятся новогородцы отъ пути праваго? Отъѣзжай съ нами на Москву. Великій князь тебя любитъ, съ радостью приметъ.

Ни на мгновеніе не задумался архіепископъ новогородскій и молвилъ съ покорностью волѣ Божіей.

— Здѣсь—паства моя, ввѣренная мнѣ Господомъ Богомъ. Не отступлю отъ нея и ни на шагъ, буду за грѣшниковъ мятежныхъ передъ великимъ княземъ московскимъ заступникомъ и молителемъ.

Послѣ того не стали бояре владыку уговаривать. Знали они, что твердо и непреклонно было рѣшеніе пастыря благочестиваго.

XX. Гроза надвигается.

Великій князь московскій Иванъ Васильевичъ твердо рѣшилъ покарать Новгородъ мятежный. Дошли до него вѣсти, что снова передались новогородцы Литвѣ, что на самомъ вѣчѣ о томъ открыто говорили. 30 сентября прислалъ великій князь въ Новгородъ подъячаго Радіона Богомолова съ грамотою „складною“, сказалъ, что идетъ на землю новогородскую съ великою ратью.

Хотя стояло время осеннее, собралъ великій князь полки многочисленные и въ походъ двинулся въ октябрѣ мѣсяцѣ. Лѣтописцы современные подробно перечисляютъ рати московскія: „Самъ великій князь шелъ съ отборными полками между Якелбицкою дорогою и Мстою; царевичъ Даніяръ и Василій Образецъ по Замостѣ; Даніилъ Холмскій передъ Іошкомъ съ дѣтьми боярскими, владимірцами, переславцами и

костромитянами; за нимъ два боярина съ дмитровцами и кашинцами; на правой сторонѣ князь Симеонъ Рязановскій съ суздальцами и юрьевцами; на лѣвой братъ великаго князя, Андрей Меньшій и Василій Сабуровъ съ ростовцами, ярославцами, угличанами и бѣжичанами; съ ними также воевода матери Іоанновой, Семенъ Шѣнекъ, съ ея дворомъ; между дорогами Жжелбицкой и Демонской князья Александръ Васильевичъ и Борисъ Михайловичъ Оболенскіе; первый съ калужанами, алексинцами, серпуховцами, хотуничами, москвитянами, радонежцами, новоторжцами; вторый съ можайцами, волочанами, звенигородцами и ружанами; по дорогѣ Жжелбицкой боярин Ѳедоръ Давидовичъ съ дѣтьми боярскими двора великокняжескаго и коломенцами, также князь Иванъ Васильевичъ Оболенскій со всѣми его братьями и многими дѣтьми боярскими. 4 ноября присоединились къ войску Іоаннову полки тверскіе, предводимые княземъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ Микулинскимъ".

8 ноября доѣхалъ великій князь до городка Еглина и остановился въ томъ городкѣ на роздыхъ. Выбрали бояре въ маломъ небогатомъ городкѣ хоромы попросторнѣе да почище и проводили туда великаго князя. Хозяева встрѣтили московскаго владыку у самыхъ воротъ, ницъ упали передъ великимъ княземъ въ земномъ поклонѣ. Махнулъ князь Иванъ Васильевичъ рукою, чтобы поднялись люди и спросилъ хозяина, старика сѣдого.

— Изъ какихъ будешь?

— Государь и великій князь! — молвилъ, опять кланяясь въ ноги, старикъ.— Будемъ мы изъ торговыхъ людей новогородскихъ изъ роду Яковлевыхъ звать меня раба твоего Семеномъ.

— Идемъ-же со мной, Семенъ Яковлевичъ,—ласково сказалъ великій князь,—веди меня въ горницы, путь указывай. На сегодняшнюю ночь буду я гостемъ

твоимъ, подъ твоимъ кровомъ отдохну отъ похода труднаго.

— Добро пожаловать, государь; то мнѣ за великую милость будетъ. Худы мои хоромишки, не прогнѣвайся...

Старикъ хозяинъ лицомъ просвѣтлѣлъ, слыша ласковыя слова великаго князя. Вмѣстѣ съ другими гличанами трепеталъ и боялся онъ, что нахлынетъ московская рать буйно и грозно, что велитъ великій князь всѣхъ пригорожанъ новогородскихъ въ желѣза заковать, что возьметъ съ нихъ поборъ тяжелый. Вошелъ великій князь съ хозяиномъ бокъ-о-бокъ въ невеликую свѣтлую горницу, а съ ними вошли только ближніе воеводы, князь Даніилъ Холмскій да братъ государевъ, князь Андрей Васильевичъ Меньшій. Еще позвалъ великій князь съ собою вѣрнаго боярина Ѳедора Давидовича.

Сѣлъ князь Иванъ Васильевичъ въ красномъ углу на лаву, зоркія очи уставилъ на стараго хозяина. Тотъ отъ взора великокняжескаго потупился.

— Вижу я на лицѣ твоемъ робость и скорбь,— сказалъ великій князь,—и знаю я, почему скорбишь ты и робѣешь. Чай, слышалъ ты, за какую вину пошелъ я ратью на мятежный Новгородъ?

— Слыпалъ государь. Велика предъ тобою вина новогородская...

— Всѣ передъ тобою виноваты, государь!

И поникъ сѣдой головой Семенъ Яковлевичъ. Великій князь осѣнилъ себя крестомъ...

— Нѣтъ, не будетъ судъ мой великокняжескій суровъ и немилостенъ. Иду я съ тѣмъ, чтобы покарать злыхъ зачинщиковъ, злыхъ предателей вѣры православной. Для всѣхъ-же другихъ новогородцевъ открыто сердце мое и живая милость моя. Знаю я, многихъ сбили съ пути праваго соблазнители лукавые, а многихъ и силою за собой повели..

— Вѣрно слово твое, государь!—молвилъ Семенъ Яковлевичъ и смѣлѣе поднялъ очи на великаго князя.—Нашъ-то городокъ только слушался приказа новогородскаго, за старшимъ братомъ шелъ. А всѣ старики не больно охотно литовскую руку тянутъ.

— Такъ ты скажи егличанамъ, что великій князь на нихъ не гнѣвается и вины имъ отпускаетъ. Только-бы не шли они впередъ за мятежниками!

Помолчалъ великій князь Иванъ Васильевичъ и потомъ спросилъ старика-куща.

— Иль за Новымъ-городомъ было вамъ житье такое привольное?

— Какое житье!—махнулъ рукою старикъ.—Бояре да посадники совсѣмъ насъ заѣли. Только одно, что пригорожане, а были мы у нихъ хуже, чѣмъ холопья. Платили мы Нову-городу и мѣхами, и рыбой, и серебромъ, людей ставили въ рати ихъ, а въ дѣла вѣчевыя мѣшаться не смѣли. Величались надъ нами бояре да посадники да богатые купцы новогородскіе по своей волюшкѣ.

Слушалъ великій князь старика и по душѣ ему были тѣ рѣчи.

— Вотъ у меня такихъ городовъ, какъ вашъ Еглинъ, почитай, сотенъ за пять наберется. И бояръ и купцовъ у меня поболѣ вашего, только я имъ воли не даю...

Еще побесѣдовалъ великій князь со старикомъ хозяиномъ и, когда вышелъ изъ горницы Семенъ Яковлевичъ, не было на лицѣ его прежняго страха и скорби. Пошелъ онъ по старымъ людямъ егличскимъ, повѣдалъ имъ ласковыя слова великаго князя, обрадовалъ и ободрилъ робкихъ. Ожили духомъ егличане; къ тому-же видѣли они, что полки великокняжескіе ничего не грабятъ, не разоряютъ, что воеводы никакихъ поборовъ не берутъ. Къ вечеру весь Еглинъ-городъ готовъ былъ, какъ одинъ человѣкъ, за великаго князя стоять.

А московскій князь Иванъ Васильевичъ, потрапезовавъ да малость отдохнувъ, опять принялся за дѣла государскія. Ввелъ къ нему князь Даніилъ новогородскихъ пословъ „опасчиковъ“, что присланы были за „опасными грамотами“ для владыки новогородскаго и посадниковъ. По лукавому совѣту Марѳы Борецкой, вооружаясь и къ бою готовясь, думалъ Новгородъ еще переговоры вести,—время длить до прибытія помоги литовской. Только тому обману великій князь не поддался, быстраго похода не прервалъ, а пословъ „опасчиковъ“ подъ стражу посадилъ и съ собой повезъ. Теперь, стоя уже невдалекѣ отъ Нова-города, надумалъ великій князь отпустить посланцовъ новогородскихъ.

Вошли послы въ горницу къ великому князю съ трепетомъ; было ихъ двое — староста Даньславской улицы Ѳедоръ Калитинъ и житой новогородецъ Иванъ Марковъ. Пали они великому князю въ ноги и не двигались, ожидая слово государева.

— Встаньте, мятежники!—грозно крикнулъ князь Иванъ Васильевичъ.—Нынѣ отпускаю я васъ въ Новгородъ и грамоту опасную для владыки и посадниковъ написать велю.

Встали послы, поднялись, робко посмотрѣли на владыку разгнѣваннаго.

— Скокомъ скачите въ мятежный Новгородъ,—сурово наказывалъ великій князь,—оповѣстите бояръ, посадниковъ и весь черный народъ, что поднята десница моя съ мечомъ карающимъ. Скажите, что великъ гнѣвъ мой такъ-же, какъ велики прегрѣшенія новогородцевъ лукавыхъ. Пусть спѣшитъ владыка и съ нимъ лучшіе люди, чтобы покориться власти великокняжеской, пока не дошелъ я до стѣнъ новогородскихъ.

Блѣдные и перепуганные посланцы новогородскіе еще разъ земно поклонились великому князю и заторопились изъ горницы выйти. Только остановилъ ихъ князь Иванъ Васильевичъ вопросомъ.

— Зовете-ль меня государемъ и великимъ княземъ?—спросилъ онъ, и суровая усмѣшка скользнула по его устамъ строгимъ; очи по орлиному взглянули на посланцовъ.

Дрожмя задрожали Ѳедоръ да Иванъ, едва смогли, заикаючись, великому князю отвѣтъ дать; еле разслышалъ ихъ великій князь.

— Господинъ и великій князь. Звать тебя государемъ мы не смѣемъ. Того намъ вѣче и посадники не приказывали. А въ нашихъ головахъ ты, господинъ, воленъ.

Опять сурово улыбнулся великій князь.

Нѣ, до поры-до времени буду я вамъ „господиномъ“. Такъ поспѣшайте-же и повѣдайте волю мою и слова мои по сказанному.

Только что успѣлъ князь Даніилъ Холмскій, по приказу великокняжескому, проводить и отправить посланцовъ новогородскихъ, какъ пришлось воеводѣ новыхъ гостей вести къ великому князю. Новые гости были новогородскіе Лука да Иванъ Клементьевичи и бывшій посадникъ Григорій Михайловичъ изъ роду Тучиныхъ.

Вошли они къ великому князю смѣло и челомъ ему били, чтобы взялъ онъ ихъ къ себѣ на службу.

– Нынѣ мы,—говорилъ старшій боярынъ Лука Клементьевичъ,—по благословенію владыки Ѳеофила, отрясли отъ ногъ нашихъ прахъ города заблудшаго. Не хотимъ мы идти съ новогородцами мятежными, съ единомышленниками Марѳиными, по пути неправому, на руку литовскую тянуть. Прими насъ къ себѣ, благовѣрный государь и великій князь.

Допустилъ великій князь Иванъ Васильевичъ новогородскихъ бояръ къ рукѣ своей.

- Добро пожаловать въ станѣ моемъ, будьте мнѣ отнынѣ людьми ближними. Радуется душа моя при видѣ васъ, радуется сердце мое, что есть въ Новѣ-

городѣ мужи праведные, которые не плутъ, вмѣстѣ съ мятежниками, противъ истинной вѣры православной.

Великую честь оказалъ князь Иванъ Васильевичъ боярамъ новогородскимъ: зная, что устали они послѣ пути дальняго, дозволилъ онъ имъ при себѣ сѣсть, отдохнуть. По обычаю исконному, бояре великому князю челомъ били дарами богатыми — мѣхами дорогими, серебромъ да золотомъ. Великій князь тѣ дары принялъ, сталъ съ боярами бесѣдовать, сталъ ихъ разспрашивать о дѣлахъ новогородскихъ.

— Марѳа Борецкая теперь всѣмъ городомъ воротитъ, — говорилъ великому князю сѣдой посадникъ Григорій Михайловичъ. — Открыла она всѣ погреба свои несчетные, полными горстями сыплетъ золото да серебро. Въ палатахъ у жены лукавой пиры идутъ безпрерывные; что ни день, — наѣзжаютъ къ ней гости литовскіе. Воевода да посадники въ полномъ у ней послушаніи. Гръшна и лукава Марѳа Борецкая, а нельзя отнять у нея ума великаго. Поистинѣ, стала она княгиней новогородскою, не во гнѣвъ тебѣ будь сказано, государь! Всѣмъ она вершитъ, все помнитъ, обо всемъ заботу несетъ. Въ ту пору, какъ выѣзжали мы изъ Нова-города, пришелъ изъ-за рубежа свейскаго цѣлый обозъ многоконный. Сказывали, что привезли тѣмъ обозомъ въ Новгородъ тысячъ до трехъ бердышей булатныхъ работы нѣмецкой да пищалей нѣмецкихъ-же болѣ двухъ тысячей. Все по Марѳиному приказу привезено, да на Марѳины денежки куплено...

А нарядъ пушечный, — добавилъ бояринъ Лука Клементьевичъ, — тоже теперь умножился, все ея-же заботами. Наняла Марѳа за большія деньги литейщиковъ иноземныхъ, и наготовили тѣ искусники много пушекъ новыхъ. Нынѣ стѣны новогородскія сплошь уставлены; не сочтешь пушекъ мѣдныхъ да чугунныхъ: есть пищали пристѣнныя, пушки верховыя, что бьютъ огнемъ навѣснымъ, есть дробовыя пушки, что палятъ

свинцомъ да чугуномъ рубленнымъ. Ядеръ тоже во множествѣ наготовлено, и каменныхъ, и чугунныхъ, и желѣзныхъ. Воевода новогородскій, князь Шуйскій-Гребенка цѣлую дружину пушкарей набралъ: есть у него „затинщики“, „воротники“ и другіе пушкари.

— А что воевода-то съ Марѳой Борецкой дружитъ?—спросилъ великій князь.

— Нельзя того сказать. Не любитъ князь Василій похмельныхъ, не любитъ лукавства женскаго... А только цѣловалъ крестъ князь Василій Нову-городу и свое цѣлованіе крѣпко держитъ.

Еще много разсказывали бояре новогородскіе о томъ, какъ Новгородъ къ бою готовится, какъ собираютъ повсюду запасы хлѣбные, какъ стѣны крѣпятъ и ратниковъ обучаютъ.

— Тебѣ-бы, государь и великій князь, не медлить, да скорѣе идти на мятежный Новгородъ,—далъ совѣтъ старый посадникъ Григорій Михайловичъ, — а то не легко будетъ добыть его.

— Я и самъ про то знаю,— молвилъ князь Иванъ Васильевичъ,—жду я только теперь ратп псковской— что-то она позамедлилась.

Переглянулись между собою бояре новогородскіе.

— Государь и великій князь!—сказалъ Лука Клементьевичъ. — Ты псковитянамъ вѣрь, да только съ опаскою. Марѳа-то Борецкая и туда закинула ковы лукавыя. Слышно, послала она къ псковичамъ вѣрныхъ людей и съ ними казну богатую. Какъ-бы Новгородъ мятежный не соблазнилъ своего брата меньшого, городъ Псковъ, на путь неправый вступить.

Омрачилось лицо великаго князя.

— Спасибо вамъ за совѣтъ добрый, бояре. Нынѣже пошлю во Псковъ дьяка своего съ наказомъ строгимъ.

До вечера занимался великій князь дѣлами государскими и только, когда ночь наступила, опочилъ онъ отъ трудовъ дневныхъ.

XXI. Во Псковѣ.

Въ то время, какъ вступалъ великій князь Иванъ Васильевичъ въ послѣдній споръ съ мятежнымъ Новымъ-городомъ, старый городъ Псковъ, меньшій братъ Нова-города Великаго, неспокоенъ былъ. Сидѣлъ тогда во Псковѣ княземъ присланный отъ Москвы буйный нравомъ князь Ярославъ. Не ладили съ нимъ псковичи и много отъ него обидъ терпѣли. По ихъ жалобамъ смѣнилъ великій князь намѣстника своего и послалъ къ псковичамъ новаго, князя Шуйскаго, Василія Васильевича...

Въ тотъ самый день, когда великій князь въ городѣ Еглинѣ вершилъ дѣла государскія, намѣстникъ его псковской, князь Василій Васильевичъ во Псковѣ тоже хлопоталъ и заботы несъ по службѣ вѣрной великому князю. Вновѣ былъ онъ еще въ городѣ, мало его псковичи знали — и не легко приходилось намѣстнику великокняжескому.

Съ утра набралось на дворъ княжескій много жалобщиковъ да челобитчиковъ на прежняго князя Ярослава. Тотъ жаловался, что съ него неправо пошлину взяли; другой — что князь Ярославъ изобидѣлъ его и побоями изувѣчилъ; третій — что за княземъ Ярославомъ много у него денегъ пропало... Потерялъ и счетъ жалобамъ князь Василій Васильевичъ... А тутъ еще пріѣхалъ къ нему въ хоромы старый боярин псковской Андрей Рублевъ и повѣдалъ намѣстнику великокняжескому, что завелись во Псковѣ новогородскіе соблазнители-подговорщики.

— Я такъ думаю, князь Василій, — говорилъ боярин Рублевъ, поглаживая бороду сѣдую, — что присланы тѣ люди отъ Марѳы Борецкой: рѣчисты они больно и казной сыплютъ, какъ щепками. Лучшіе-то люди, конечно, ихъ не слушаютъ, а вотъ черный на-

родъ сплыно они прельщаютъ. Восхваляютъ подговорщики литовскія вольности да льготы, зовутъ псковичей на брань съ великимъ княземъ.

Нахмурился намѣстникъ великокняжескій, почуялъ недоброе.

— Да вы-же, псковичи, съ Новымъ-городомъ быть за одно не хотѣли? Вы-же цѣлованія великому князю не преступали?

— Такъ-то такъ, князь Василій, а все-же страшно: такое время смутное настало... И рать наша плохо собирается, неохотно идутъ псковичи супротивъ старшихъ братьевъ своихъ, новогородцевъ.

Тутъ вошелъ къ намѣстнику великокняжескому другой боярин псковской, Трофимъ Дороѳеевичъ, и тоже принесъ худыя вѣсти.

— Нынѣ по твоему приказу, князь Василій, собирать я людей ратныхъ да разсчитывать ихъ по десятнамъ да сотнямъ. Плохо дѣло идетъ, князь Василій: отлынниваютъ ратные люди, кто прячется, кто недугомъ отговаривается. Призывать я къ себѣ старость со всѣхъ пяти концовъ городскихъ—съ Торговаго, Городского, Соловинскаго, Опоцкаго да Острова. Говорятъ старосты, что не слушаетъ ихъ черный народъ, что шныряютъ вездѣ люди невѣдомые, казной сыплютъ, псковичей виномъ поятъ да смущаютъ. Да вотъ, хоть-бы сейчасъ ѣхалъ я къ тебѣ по Торговищу и недоброе видѣлъ... Толпа собралась немѣтная, а середи той толпы нѣкій молодецъ невѣдомый, рѣчи мятежныя, прельстительныя плететъ, соловьемъ весеннимъ разливается. Слушаютъ его псковичи, уши развѣсивши. Надо-бы того смутителя схватить да въ желѣзы заковать; вѣрно, Марѳинъ посланецъ!

— Вдемъ, бояре! — крикнулъ торопливо князь Василій Васильевичъ и велѣлъ холопамъ коней подать.

Не взялъ намѣстникъ съ собою ратниковъ, а поскакалъ на Торговище только съ двумя боярами.

Торговище псковское лежало въ Среднемъ городѣ, близко къ „дѣтинцу“ псковскому. Тутъ, у подножія башни, что выслалась на стѣнѣ Довмонтовой, было мѣсто вѣчевое, и висѣлъ колоколъ вѣчевой. Гулъ и шумъ тысячной толпы народной встрѣтилъ намѣстника съ боярами. Еще издалека завидѣли они, что на помостѣ вѣчевомъ стоитъ какой-то молодецъ ражій и зычнымъ голосомъ къ псковичамъ рѣчь держитъ. Князь и бояре съ коней сошли, стали проталкиваться къ помосту!

— Эй вы, псковичи! кричалъ во весь голосъ молодецъ. Полно вамъ за московскими князьями въ неволѣ жить! Полно вамъ пошлину платить Москвѣ корыстной! Чай, намѣстники великокняжескіе послѣдніе животишки у васъ отобрали! Становитесь, вмѣстѣ съ новогородцами, подъ могучую руку князя литовскаго. Будетъ у васъ вѣче по вольной волѣ, будетъ васъ князь литовскій вотъ такими гостинцами дарить...

Тутъ запустилъ молодецъ руку въ суму кожаную, горсть серебра вынулъ и въ толпу метнулъ. Поднялась въ толпѣ свалка, хватали псковичи деньги серебряныя, громкимъ крикомъ кричали на все Торговище.

— Долой намѣстника московскаго!

— Хотимъ съ новогородцами идти!

— Хотимъ князя литовскаго!..

— Не давайте-же великому князю ратниковъ! — опять сталъ кричать сомутитель. — Противъ родныхъ братьевъ поведетъ васъ воевода московскій! Не берите грѣха на душу, не обездоливайте женъ и дѣтей своихъ! Долой князя московскаго!

Еще хотѣлъ молодецъ невѣдомый что-то крикнуть, да тутъ вбѣжалъ на помостъ князь Василій Васильевичъ съ мечомъ обнаженнымъ. Схватилъ онъ крикуна за воротникъ, пригрозилъ ему оружіемъ.

— Кто ты таковъ? Чего народъ сомущаешь? Именемъ великаго князя Ивана Васильевича беру тебя подъ стражу!

Оробѣлъ крикунъ нежданно схваченный да и толпа псковичей притихла: хорошо знали псковичи мощь и силу князя московскаго. А тутъ еще любимые бояре псковскіе, что съ намѣстникомъ пришли, толпу увѣщевать стали. Замолчали псковичи, потупились, расходиться начали. Подоспѣли ратники московскіе, горластаго молодца связали, увели его къ намѣстнику во дворъ. Никто изъ псковичей не посмѣлъ вступиться за него.

Князь Василій Васильевичъ въ тотъ-же вечеръ велѣлъ схваченнаго молодца передъ свои очи привести, чтобъ допытаться отъ него, кѣмъ онъ подосланъ и зачѣмъ псковичей смущаетъ. Еще какъ схватили крикуна — спрашивалъ его о томъ намѣстникъ; да крикунъ ни въ чемъ не сознался, словно воды въ ротъ набралъ. Велѣлъ князь Василій Васильевичъ придержать молодца въ „сыскной“ избѣ и малость погрѣть его каленымъ желѣзомъ, чтобъ языкъ легче развязывался. Въ сыскной избѣ крикуна хорошо приняли — повеселѣлъ парень, разговорился. А снимаючи съ него одежу, нашли въ кафтанѣ дорогой кошель, шелкомъ шитый, по всѣмъ примѣтамъ боярскій и о томъ кошелѣ допросили молодца, какъ слѣдуетъ.

Ввелъ крикуна къ намѣстнику сыскной дьякъ Кузьма. Поблѣднѣлъ буянъ, но на ногахъ крѣпко держался, дерзкіе взоры на князя бросалъ.

— Батюшка-князь, довѣдались мы отъ сего смутьяна, что онъ изъ новогородцевъ, изъ челяди Марѳы Борецкой. Нашли мы на немъ цѣльный кошель съ серебромъ, что дала ему посадница, чтобы псковскихъ людей закупить, на великаго князя подвинуть.

— Вѣрно-ли говоритъ дьякъ? — спросилъ намѣстникъ молодца.

— Вѣрно, бояринъ. Послалъ я отъ матушки-посадницы Марѳы Борецкой, дай ей Богъ здравія на многія лѣта!

Молодецъ отвѣчалъ смѣлымъ, громкимъ голосомъ, даже подбоченился, взглянулъ на князя съ удалою усмѣшкой.

— А ты, парень, не изъ робкихъ;—сказалъ князь Василій Васильевичъ и головой покачалъ.

— Чего-жъ робѣть-то? За меня матушка-посадница вступится и въ обиду не дастъ. Мы у Борецкихъ всѣ таковы—ни плетей, ни застѣнка не боимся.

Все болѣе и болѣе дивился намѣстникъ великокняжескій дерзости и наглости посланца Марѳина. Головой потому покачалъ князь, что видѣлъ, какъ далеко дѣло зашло, какую силу забрала Марѳа Борецкая... И слуги-то въ нее вѣрятъ, какъ въ княгиню какую, великаго князя не страшатся: одолѣетъ-де его наша матушка-посадница.

— И что-жъ,—спросилъ князь Василій Васильевичъ, — чай, не одного тебя послала къ псковичамъ Марѳа Борецкая?

— Зачѣмъ одного, — съ усмѣшкою отвѣтилъ парень,—у матушки-посадницы холопьевъ много сотенъ наберется. Много такихъ кошелей полныхъ привезли мы изъ Нова-города, закупать псковичей неимущихъ. Хорошій ты ловецъ, князь, да не больно: одного сокола поймалъ, а десять летаютъ...

Разгнѣвался, наконецъ, намѣстникъ на дерзкія рѣчи.

— Эй, взять его опять въ избу сыскную! Погоди ужо, зубоскалъ новогородскій! попался ты намъ соколомъ, а выйдешь отъ насъ вороной ощипанной. Примитесь-ка за него лучше!

— И на томъ спасибо, князь, — сказалъ парень, уходя изъ горницы,—прими за ласку твою низкій поклонъ отъ холопа матушки-посадницы, молодца Леонтія. Можетъ приведетъ Господь встрѣтиться на полѣ ратномъ, тогда поквитаемся.

Долго послѣ ухода его сидѣлъ намѣстникъ великокняжескій въ думѣ глубокой: все раскидывалъ онъ

умомъ, какъ-бы выполнить поскорѣй да получше наказъ великокняжескій, какъ-бы псковскую дружину поскорѣй собрать и въ поле бранное вывести супротивъ новогородцевъ. Не давали заботы тяжелыя покоя намѣстнику и за ужиномъ: едва прикоснулся онъ къ яствамъ обильнымъ, едва хлебнулъ меду крѣпкаго. И передъ сномъ на молитву сталъ князь Василій Васильевичъ съ тѣми-же думами, о томъ-же просилъ онъ Господа Бога, отбивая поклоны частые.

Стукъ нежданный прервалъ молитву княжескую; блѣдный, растерянный вбѣжалъ къ нему сыскной дьякъ Кузьма, въ ноги намѣстнику бросился, завопилъ жалобно, по-бабьему.

— Смилуйся, пощади, не вели казнить, княже Василій Васильевичъ! Охъ, велика вина моя передъ княземъ московскимъ, не миновать мнѣ батоговъ тяжелыхъ!..

— Что такое содѣялось? спросилъ князь, подымаясь съ колѣнъ.

— Охъ, не вели казнить!—еще сильнѣе всплакался дьякъ. Вышла по моему сыскному дѣлу проруха немалая! Стали мы, по приказу твоему, пытать того молодца новогородскаго, про товарищей спрашивать. Прикинулся лукавецъ, что совсѣмъ обезсилѣлъ, попросился на лавку сѣсть, воды испить. Пошли за водой; я-то, грѣшный, отошелъ отъ лавки въ другой уголъ— и онъ-то, проклятый, какъ вскочитъ, какъ ударитъ по окну! Вышибъ оконницу, перемахнулъ туда — и слѣдъ его простылъ. Не иначе думаю я, князь, что были у него согласники изъ моихъ людей сыскныхъ— помогли ему бѣжать и слѣдъ замести.

Кончилъ дьякъ Кузьма разсказывать и на князя воззрился: больно-ль тотъ гнѣвенъ. Но не вспылилъ князь Василій Васильевичъ, не раскричался.

— Богъ тебѣ проститъ!—молвилъ онъ ласково.— Что и говорить, жаль, что убѣжалъ холопъ Маренинъ,

да только не въ немъ вся сила. Теперь пуще всего надо настороже быть, вѣрныхъ людей посылать на площади да на улицы, чтобъ не давали они народъ смущать. Иди себѣ въ свою избу сыскную, да смотри — грамоту напиши ко всѣмъ старостамъ уличнымъ да концовымъ, чтобъ стерегли они и ымали сомутителей новогородскихъ.

XXII. Посолъ московскій.

День за днемъ проходилъ, и все больше заботъ прибавлялось у князя Василія Васильевича. Постоянно приходили къ нему сыскные люди, доносили ему, что бродятъ въ городѣ новогородскіе подговорщики, деньги раздаютъ и людей смущаютъ. Самъ намѣстникъ великокняжескій то и дѣло разъѣзжалъ изъ Застынья въ Большой городъ, потомъ по мосту Смердьему въ Запсковье, оттуда въ Завеличье — вездѣ смотрѣлъ, не собирается-ли народъ, не слушаетъ-ли крикуновъ новогородскихъ. Чуть замѣчалъ онъ гдѣ-нибудь сборище народное, — скакалъ туда, велѣлъ въ желѣзы ковать сомутителей, псковичей разумными да ласковыми рѣчами уговаривалъ.

Послѣ буйнаго и корыстнаго князя Ярослава новый ласковый намѣстникъ былъ псковичамъ по сердцу. Слушали они его рѣчи прямыя, любовались его осанкою ратною, мужественной... Не пошли великій князь во Псковъ такого намѣстника добраго да разумнаго, какъ князь Василій Васильевичъ Шуйскій — давно-бы весь городъ по Марошинымъ подговорамъ противъ Москвы всталъ. Ужь больно старалась лукавая старая посадница: посылала она во Псковъ гонцовъ съ разными вѣстями-небылицами... То оповѣщали псковичей, что великій князь Иванъ Васильевичъ повернулъ рати свои изъ предѣловъ новогородскихъ, потому что-де крымскій царь да казанскій царь съ двухъ сторонъ на

московскую землю нагрянули. То говорили, что князь Михаилъ Тверской отъ Москвы откололся и за Новгородъ сталъ. На другой день приносили вѣсти, что безчисленная рать литовская къ Нову-городу на помогу идетъ, что передовые полки литовскіе московцевъ разбили. Потомъ плели еще небылицы про свейскаго короля да про дацкаго короля...

Псковичи каждому слуху вѣрили, волновались, на площадяхъ сбирались, старостъ не слушались. Псковскіе бояре совсѣмъ голову потеряли, ничего не могли съ чернымъ народомъ сдѣлать.

Однажды пріѣхалъ на княжескій дворъ боярин Андрей Рублевъ и къ намѣстнику поспѣшно вбѣжалъ.

— Новая бѣда, князь Василій Васильевичъ! — закричалъ онъ тревожно.

— Что случилось, боярин? Я сейчасъ по всему городу ѣздилъ, нигдѣ особой смуты не видѣлъ.

— Въ ратныхъ людяхъ смута идетъ, — говорилъ торопливо боярин Андрей.—Сегодня призвалъ я къ себѣ сотниковъ да сталъ имъ наказывать, чтобы скорѣй собрались въ походъ пищальники псковскіе. Самъ вѣдаешь, что по записямъ ратнымъ поручился Псковъ выставить великому князю тысячу пищальниковъ... Такъ вотъ, призвалъ я сотниковъ и говорю имъ, чтобъ поспѣшали. Только вижу, мнутся мои сотники, мнѣ въ глаза не смотрятъ, что-то про себя ворчатъ. Прикрикнулъ я на нихъ, построже приказалъ. Тутъ пошли они, одинъ за другимъ, отговариваться. Одинъ говоритъ, у моихъ-де пищальниковъ у пищалей станки поломались; другой плететъ, что замки пищальные истерлись; третій жалуется, что въ кремняхъ недохватка; четвертый прямо говоритъ, что у него половины людей не хватаетъ—нивѣсть куда разбѣжались.

— Такъ не собрать пищальниковъ?—переспросилъ намѣстникъ.

— Не то, что пищальниковъ, а и простыхъ рат-

никовъ съ бердышами да ратищами не набрать! — отвѣчалъ бояринъ.

— Сильно разгнѣвается великій князь, — молвилъ задумчиво князь Василій Васильевичъ. — А что, боярине, не слыхалъ—можетъ, хотятъ псковичи къ новогородцамъ пристать?

— Этого, князь, не будетъ,—махнулъ рукой боярин,—въ нашемъ городѣ издревле крѣпка вѣра православная, и къ латинству псковичи не потянутъ.

— Вотъ тутъ-то и сдѣлала ты, посадница лукавая, промашку малую, — проговорилъ, словно про себя, намѣстникъ великокняжескій.

Вошелъ въ горницу ратникъ московскій, а за нимъ гонецъ усталый.

— Съ какими вѣстями?—спросилъ князь.

— Посланъ отъ великаго князя дьякъ Большого приказа Григорій Волынъ. Велѣно Григорію, не мѣшкаючи, народъ собрать и городу Пскову грамоту великокняжескую прочесть. Ты бы князь, Василій Васильевичъ, поспѣшалъ къ дьяку Григорію на площадь вѣчевую.

— Не любитъ шутить великій князь и медлить не охочъ!—молвилъ весело намѣстникъ, торопливо пристегивая мечъ къ поясу.—Ишь, какого посла отправилъ: передохнуть не даетъ, прямо на вѣчевую площадь поскакалъ!

Когда подоспѣли намѣстникъ да боярин на площадь,—тамъ уже гудѣлъ во всю мочь старый псковской колоколъ, тамъ уже шумѣла толпа безчисленная.

На помостѣ вѣчевомъ стоялъ посолъ московскій, усталый отъ пути долгаго и съ нимъ рядомъ немногіе ратники московскіе. Когда пробирался князь Василій Васильевичъ сквозь толпу къ помосту, показалось ему, что гдѣ-то въ толпѣ промелькнуло лукавое лицо холопа Матвѣина, молодца Леонтія.

Поздоровался князь съ дьякомъ великокняжескимъ, перемолвился словечкомъ, а потомъ махнулъ толпѣ шапкой и крикнулъ во весь голосъ.

— Помолчите, псковичи! Дьякъ Большого приказа привезъ грамоту отъ великаго князя къ посаднику, боярамъ и всему народу псковскому.

Примолкъ колоколъ; замолчала толпа.

— Мы, государь и великій князь Иванъ Васильевичъ, шлемъ городу Пскову поклонъ и спросъ великокняжескій. Нынѣ оружились мы на мятежный Новгородъ, чтобы покарать его за обиды наши и за грѣхъ великій противъ вѣры православной. Посылали мы городу Пскову наказъ, чтобы выслалъ онъ пищальниковъ и другихъ людей ратныхъ и чтобы шли тѣ ратные люди подъ нашимъ стягомъ великокняжескимъ супротивъ новогородцевъ мятежныхъ. Нынѣ до насъ вѣсти дошли, что городъ Псковъ новогородскую руку тянетъ. Болитъ сердце наше и скорбитъ душа наша, яко у отца за дѣтей, за псковичей неразумныхъ. Иль не вѣдаютъ псковичи, что мятежный Новгородъ, по лукавству жепки посадничьей Марѳы Борецкой, на себя такой грѣхъ принялъ, коему нѣтъ отпущенія ни въ сей жизни, ни въ будущей? Единая правая вѣра на землѣ стоитъ —то вѣра православная, греческая, что идетъ отъ святыхъ отцовъ патріарховъ восточныхъ. На Литвѣ-же да Польшѣ вѣра еретическая, неправая. Святый отецъ нашъ и молитвенникъ, митрополитъ московскій, а съ нимъ и другіе архипастыри земли русской нынѣ отмели отъ паствы своей вѣрной новогородцевъ-отступниковъ. Были они чадами церкви православной, а нынѣ стали отступниками и еретиками, латинщиками, коимъ нѣтъ ни спасенія, ни благословенія. И владыка новогородскій Ѳеофилъ митрополиту московскому въ томъ грѣхѣ паствы своей покаялся.

Перевелъ духъ дьякъ Григорій Волынинъ, а потомъ зачиталъ еще громче и грозиѣе.

— Нынѣ спрашиваемъ мы васъ, псковичи, хотите-ль вы тоже отъ церкви православной отстать, хотите-ль вѣчную муку заслужить на томъ свѣтѣ? Ежели не выйдетъ рать псковская на новогородцевъ-мятежныхъ, ежели не станете вы за наши обиды великокняжескіе—не будете вы чадами церкви православной, и святой отецъ нашъ, митрополитъ московскій, запрещеніе наложитъ на церкви ваши и на священно-служителей вашихъ. Нынѣ выбирай, городъ Псковъ, быть-ли тебѣ съ еретиками или, подъ стягомъ великокняжескимъ, идти на защиту вѣры православной!

Свернулъ дьякъ Григоріи грамоту, вѣчу поклонился и отъѣхалъ вмѣстѣ съ намѣстникомъ на дворъ княжескій.

Послѣ отъѣзда ихъ поднялась на площади вѣчевой цѣлая буря, зашумѣлъ, загудѣлъ народъ...

— Самъ владыка Ѳеофилъ новогородцевъ осудилъ!—кричали одни, напирая на сторонниковъ Марѳиныхъ.—Закроютъ у насъ храмы святые, не будетъ службы церковной!

— Не будемъ отступниками отъ церкви православной! —поддерживали ихъ вторые.

— Съ Литвою у насъ никогда дружбы не было,—говорили ратные люди, помня походы прежніе,—ужели мы съ ней брататься будемъ!

Сторонники Марѳины, благопріятели новогородскіе совсѣмъ заробѣли. Лѣзли на нихъ отовсюду псковичи разгнѣванные, поносили ихъ и грозили. Не смутился въ тотъ часъ одинъ только молодецъ отчаянный, вѣрный холопъ Марѳинъ Леонтій. Выбрался онъ изъ толпы, вскочилъ на помостъ и закричалъ псковичамъ:

— Эхъ вы, псковичи неразумные! Семь у васъ пятницъ на недѣлѣ! Отколь на васъ вѣтеръ подуетъ, туда вы и носъ воротите! Шшь, какъ напугались грамоты московской! Поглядите-ка на старшаго брата, на Великій-Новгородъ... Великій-Новгородъ Москвы не

бонтся, не впервой на псе ратью идетъ. Великій-то князь одну думу таитъ, какъ-бы у новогородцевъ да у псковичей старыя вольности отнять. Когда осплитъ великій князь новогородцевъ, примется тогда онъ за васъ, псковичей. Не будетъ тогда вольныхъ городовъ— Нова-города да Пскова, а будутъ, замѣсто ихъ, удѣлы московскіе... И чего грозитъ вамъ Москва корыстная? Больно нужно вамъ митрополитовъ да архіереевъ московскихъ! Чаи на Литвѣ такіе-жъ митрополиты есть. Наѣдетъ оттуда владыка, сниметъ запрещеніе.

До тѣхъ словъ слушали псковичи молодца спокойно, но лишь помянулъ онъ про митрополитовъ латинскихъ — разгнѣвалась толпа, зашумѣла. Задѣлъ тѣми словами Марѳинъ посланецъ въ душѣ у псковича каждаго любовь горячую къ вѣрѣ исконной, православной, греческой. Мигомъ накинулись сотни людей на молодца, съ помоста стащили, бить стали.

— На смерть его, еретика! — кричали псковичи разъярсиные.

— Ишь, совращать насъ вздумалъ!

— Не пустимъ въ храмы наши Литву!

— Бей его, нечестивца!..

Тутъ-бы и конецъ пришелъ удалому молодцу Леонтію, только вступились за него старосты концовые, толпу удержали.

— Не бейте на смерть, псковичи, -закричали они,— а лучше свяжемъ его да пошлемъ къ великому князю на его судъ великокняжескій.

Насилу, насилу отняли молодца отъ псковичей гнѣвныхъ, скрутили удалому Леонтію руки за спину и, не медля, отвели его на дворъ къ намѣстнику.

Князь Василій Васильевичъ встрѣтилъ подговорщика новогородскаго прибауткою веселою.

— Леталъ-леталъ ясный соколъ да охотнику на рукавицу и попался. Что, добрый молодецъ, видно, не помогли кошели Марѳины? Ишь, какъ тебя псковичи

разукрасили... А кликните-ка сюда сыскного дьяка Кузьму, ждетъ его здѣсь пріятель давнишній.

Отправивъ подговорщика въ избу сыскную, вернулся князь Василій къ гостю своему, дьяку Григорію, котораго угощалъ въ столовой горницѣ.

— Выпьемъ-ка, Григорій Семеновичъ, по стопѣ вина заморскаго, выпьемъ за здравіе и удачу великаго князя! Чую, что теперь пойдетъ дѣло на ладъ— опамятовались псковичи. Не сегодня-завтра поведемъ мы съ тобою рать псковскую великому князю на помогу.

И точно, въ тотъ же вечеръ пришли къ намѣстнику великокняжескому бояре псковскіе, сказали, что вняятся ратные люди въ заблужденіи своемъ и великому князю служить готовы.

Черезъ нѣсколько дней воевода-намѣстникъ вывелъ большую рать псковскую противъ Нова-города. Было въ той рати тысяча пищальниковъ искусныхъ, съ оружіемъ исправнымъ, съ обильнымъ запасомъ пороховымъ. Везли на саняхъ и нарядъ пушечный: осадныя пушки съ ядрами каменными да чугунными, дробовыя пушки и широкожерлыя пушки навѣсныя, по тогдашнему названію „верховыя“. Подъ началомъ у намѣстника было семь воеводъ псковскихъ. Шла псковская рать на берегъ Ильмень-озера къ устью Шелони.

XXIII. Въ Новѣ-городѣ.

Въ этотъ годъ поздно выпалъ снѣгъ по всей землѣ новогородской. Зима стала совсѣмъ только около Введеньева дня. Но даромъ по святой Руси говорилось про зимушку-зиму присловье: „Введенье пришло, зиму на Русь завело“ да еще — „Введенскіе уставщики-братья Морозы Морозовичи рукавицы на мужика надѣли, стужу уставили, зиму на умъ наставили“ да еще—„положило на воду Введенье толстое леденье“. Даже поется на святой Руси про Введеньевъ день пѣсенка-прибауточка:

«Введенье пришло,
Зиму въ хату завело,
Въ сани коней запрягло,
Въ путь-дорожку вывело,
Ледъ на рѣчкѣ вымело,
Съ берегомъ связало,
Къ землѣ приковало,
Снѣгъ заледенило,
Малыхъ ребятъ,
Красныхъ дѣвчатъ
На салазки усадило,
На ледянкѣ съ горы покатило...»

Бытописатель древне-русской народной жизни *) такъ говоритъ о Введеньевомъ днѣ: „Со Введеньева дня встарину,—а мѣстами и въ настоящее время, — начинались не только зимніе торги, но и зимнія гуляньки-катанья. „Дѣлу время, потѣхѣ -часъ!“ — говоритъ и въ наши дни русскій человѣкъ, чередующій свои работы и забавы съ отдыхомъ. Къ первому санному гулянью старинные люди относились, какъ къ особому торжеству. Наиболѣе строго соблюдались и провождавшіе его обычаи въ семьѣ, гдѣ былп къ этому времени молодожены-новобрачные. Въ такой домъ собирались званые-прошеные: всѣ родные, всѣ свойственники, приглашались, по обычаю, „смотрѣть, какъ поѣдетъ молодой князь со своею княгинюшкой“. Выѣзду послѣднихъ предшествовало небольшое столованье, прерывавшееся „на полустолѣ“, чтобы закончиться послѣ возвращенія поѣзда новобрачныхъ во дворъ. Отправлявшіеся на гулянье молодые должны были переступать порогъ своей хоромины не иначе, какъ по вывороченной шерстью вверхъ шубѣ. Этимъ — по словамъ свѣдущихъ, знающихъ всякій обычай, людей—молодая чета предохранялась ото всякой неожиданной бѣды-напасти, могшей, въ противномъ случаѣ,

*) А. А. Коринфскій—«Народная Русь».

перейти ей дорогу на улицѣ. Свекоръ со свекровью, провожая невѣстку на первое санное катанье съ мужемъ молодымъ, упрашивали-умаливали всѣхъ остальныхъ поѣзжанъ-провожатыхъ уберечь „княгинюшку“ ото всякой бѣды встрѣчной и поперечной, а пуще всего—„отъ глаза лихого“:

«Ой, вы, гости, гости званые,
Званые—прошоные!
Ой, вы, братья-сватья,
Эй, вы, милые!
Выводите вы нашу невѣстушку,
На то-ли на крыльцо тесовое,
Вывозите нашу свѣтъ-княгинюшку
Бѣлою лебедушкой...
Берегите—стерегите ее:
Не упало-бы изъ крылышекъ
Ни одного перышка,
Не сглазилъ-бы ее, лебедушку,
Названную нашу доченьку,
Ни лихой удалецъ,
Ни прохожій молодецъ,
Ни старая старуха—баба злющая».

И въ домѣ Марѳы Борецкой было объ эту пору веселье немалое. Въ октябрѣ мѣсяцѣ повѣнчала Марѳа внука своего Василія Ѳедоровича съ внучатной племянницей посадника новогородскаго, юной красавицей Авдотьей Никитишной. Богатую жену выбрала Марѳа для внука своего: въ амбарахъ да подвалахъ у Авдотьи Никитишны сотни сундуковъ стояли, тяжело окованныхъ, и были полны тѣ сундуки всякимъ добромъ: атласами, шелками, бархатами, всякимъ узорочьемъ. А въ ларцахъ желѣзныхъ у молодой много хранилось казны золотой да серебряной.

На Введеньевъ день Марѳа Борецкая провожала молодыхъ на гулянку—на катанье. Сама она вывела внучка дорогого, да внучку дорогую на крыльцо рѣзное, сама въ санки усадила. А были тѣ санки чудо-

заглядѣнье. Такихъ во всемъ Новѣ-городѣ не сыскать было. На облучкѣ серебряномъ красовалась острая голова медвѣдя бѣлаго съ пастью, широко отверстою. По всему кузову набиты были чернобурыя шкурки лисьи, а кругомъ сидѣнья серебрился соболь дорогой; спинка была серебряная, рѣзная. Впряженные въ сани кони бѣлоснѣжной масти, безъ отмѣтины всякой, взрывали пушистый снѣгъ подковами серебряными. За санями молодыхъ „князя со княгинюшкою“ тянулись еще сани да возки на полозьяхъ, гдѣ сидѣли родные да знакомцы молодыхъ. Захватили съ собой гости на катанье сулеи съ винами заморскими да жбаны съ медами крѣпкими, чтобы не заморозили ихъ Морозы Морозовичи Введенскіе.

— Ну, гуляйте себѣ во здравіе, катайтесь въ волюшку!—сказала Марѳа Борецкая молодымъ.

Хлопнули бичи, заржали кони, заскрипѣли полозья по снѣгу,—вылетѣлъ богатый поѣздъ на улицы новогородскія. По сторонамъ саней бѣжали шуты-скороходы дворовые, кувыркались въ снѣгу глубокомъ, другъ съ дружкою въ шутку дрались, чтобы молодыхъ потѣшить да и на морозѣ студеномъ согрѣться.

Густыми толпами собирались новогородцы по пути богатаго поѣзда молодоженовъ; а молодой князь Василій Ѳедоровичъ, да молодая княгинюшка Авдотья Никитишна ласково кланялись на обѣ стороны горожанамъ. Любовались новогородцы молодой женою Василія Ѳедоровича Борецкаго; бабы новогородскія судачили, сколько-де она богачества молодому мужу принесла.

— Тутъ ужъ, матушка моя, не то, что полотенъ тонкихъ, а тафты и шелковъ не перечесть!—говорила одна кумушка другой. — А парчевыхъ-то нарядовъ, сказываютъ, сундуковъ пять было... А цѣпей-то золотыхъ, запястій, кампеи самоцвѣтныхъ сколько!

— Охъ, ты, Господи!—качала головой другая кумушка.—Дастъ-же Господь людямъ такое богачество!..

— Веселитесь, молодой князь со княгинею! —кричали мужики новогородскіе и шапки вверхъ бросали. Помнили они, какъ на славу угостила ихъ Марѳа Борецкая, когда въ октябрѣ мѣсяцѣ, справляла свадьбу внучка своего любимаго. Три дня тогда вся голытьба новогородская сыта и пьяна была; по всѣмъ площадямъ городскимъ Маренна челядь открытые столы держала. Кто хотѣлъ, тотъ и садился за нихъ.

Быстро пролетѣлъ богатый поѣздъ мимо собора Софійскаго, по Вѣчевой площади, по Торговой площади, проѣхался по концу Неревскому, по Славенскому концу—по берегу Волхова-рѣки, добрался до самаго далекаго конца—Плотницкаго, по Никитской улицѣ назадъ повернулъ .. Весело было катанье. Поѣзжане на задпихъ саняхъ пѣсни играли, пили за здравіе молодыхъ полными чарками.

Вдоволь накатавшись, опять стрѣлою подлетѣли молодожены на саняхъ своихъ чудныхъ къ хоромамъ Марѳы Борецкой. Опять вышла Марѳа на крыльцо рѣзное, чтобы молодыхъ встрѣтить. Съ нею былъ и посадникъ Ѳома веселый да радостный.

— Добро пожаловать, внучекъ со внучкою! – говорила Марѳа, обнимая красавицу молодую.—Весело-ль покатались? Не застудились-ли на морозѣ?

— Вдосталь покатались, матушка, не студено было,— молвила Авдотья Никитишна, отряхая снѣгъ съ шубки собольей.

— Инъ, хорошо. Идите-жъ въ горницы. А ты, Ѳома Васильевичъ, зови гостей на столованье.

Опять перешли молодые черезъ шубу и въ покои прошли. А Марѳа да посадникъ Ѳома поѣзжанамъ кланялись, благодарили ихъ за то, что уберегли они молодую Авдотью Никитишну, доченьку богоданную отъ всякаго глаза, ото всякой притчи, ото всякой напасти, и звали гостей къ столу.

Пошло въ хоромахъ столованье веселое, пошелъ

пиръ обильный. Рѣкою лились вина да меды, горами подавались яства вкусныя на блюдахъ серебряныхъ. Пили гости за молодыхъ и за хозяйку ласковую. Веселилась Марѳа Борецкая своею радостью семейной, не хотѣла думать о дѣлахъ да заботахъ—словно-бы и не стоялъ великій князь московскій съ грозною ратью близъ Нова-города. И гости ея безъ всякой заботы пировали: вѣрила она, что выручитъ ихъ князь литовскій.

Пиръ веселый уже къ концу подходилъ, когда подошелъ къ Марѳѣ Борецкой старый холопъ-слуга и шепоткомъ молвилъ ей.

— Матушка посадница! Нынѣ Леонтій объявился. Сказываетъ, изъ московскаго стана бѣжалъ.

Поднялась Марѳа изъ за стола, въ заднія горницы поспѣшила. Сперва сначалу не признала она своего посланца вѣрнаго, удалого молодца Леонтія. Сталъ онъ передъ ней исхудалый, израненый, въ лохмотьяхъ—еле на ногахъ держался.

— Что съ тобой сталось, Леонтій? -спросила Марѳа въ испугѣ великомъ.

— Такъ въ московскомъ станѣ твоихъ слугъ вѣрныхъ привѣчаютъ,—хриплымъ голосомъ отвѣтилъ молодецъ и пошатнулся отъ слабости. Сильно онъ на морозѣ застудился, сильно отощалъ съ голода.

Кликнула Марѳа холопьевъ, велѣла принести стопу вина крѣпкаго да съѣстного, чтобы подкрѣпился посланецъ измученный, дозволила молодцу на скамью сѣсть.

Выпилъ Леонтій вина, голодъ утолилъ и сталъ посадницѣ разсказывать, чего онъ натерпѣлся во Псковѣ и станѣ московскомъ.

— Какъ изымали меня во второй разъ во Псковѣ,— говорилъ онъ, тяжело дыша, -- такъ и отправили, не медля, подъ крѣпкой стражею, въ станъ къ великому князю. Попалъ я тамъ въ руки недобрыя палачей

московскихъ. Великій-то князь отдалъ меня на смотрѣнье воеводѣ своему Даніилѣ Холмскому. Ну, матушка-посадница, жестокъ-же и суровъ воевода Холмскій! Мучилъ онъ меня много дней, все пыталъ да допытывалъ. Чуть утро—приведутъ меня въ избу сыскную, начнутъ огнемъ жечь, на дыбу вздымать, станутъ жилы вытягивать да плетьми сѣчь. Кажись, теперь на тѣлѣ ни единаго мѣста живого не осталось. Все спрашивали меня, не посылала-ль ты кого къ литовскому князю... Видя предъ собой смерть неминучую, согрѣшилъ я кое-въ чемъ, матушка-посадница! Только не всю правду открылъ я москвичамъ.

— Сказывалъ-ли, что идетъ князь литовскій къ намъ на помогу?—спросила Марѳа.

— Сказывалъ, матушка-посадница,— лукаво улыбнулся молодецъ,— наговорилъ я такихъ страховъ, что сами московскіе бояре подивились. Идетъ-де князь литовскій съ такою ратью, какой и не видано. А напередъ послалъ-де онъ въ Новгородъ много пушкарей да пищальниковъ, много снаряду огнестрѣльнаго... Говорилъ я, у нашего-де воеводы пушекъ-то вдвое больше, чѣмъ у васъ. Изрядно напугалъ я московцамъ.

— Добрый ты слуга, Леонтій!— молвила Марѳа посадница.—И разумомъ тебя Господь не обидѣлъ! Иди теперь, отдохни! За муки твои награжу я тебя казною богатою.

XXIV. Въ походѣ.

Когда великій князь Иванъ Васильевичъ дождался гонца отъ намѣстника псковского, князя Василія Васильевича Шуйскаго, то порадовался со всѣми своими воеводами. Большая забота спала съ плечъ великаго князя: долгое время страшился онъ, что псковичи за Новгородъ станутъ и на его зовъ великокняжескій рати не пошлютъ. Дѣло, однако, къ лучшему вышло.

— Добрый слуга князь Василій! -похвалилъ великій князь намѣстника псковского передъ всѣмъ дворомъ своимъ.

Вѣдая, что на Шелони стоитъ крѣпкая рать псковская, можно было двинуть впередъ полки московскіе. Сталъ торопить великій князь воеводъ своихъ и къ 19 ноября былъ уже онъ въ городкѣ Палицѣ. Лѣтописцы передаютъ, что въ Палицѣ Іоаннъ вновь устроилъ войско для начатія непріятельскихъ дѣйствій: ввѣрилъ передовой отрядъ брату своему Андрею Меньшему и тремъ храбрѣйшимъ воеводамъ: Холмскому съ костромитянами, Ѳедору Давидовичу съ коломенцами, князю Ивану Оболенскому-Стригѣ съ владимірцами; въ правой рукѣ велѣлъ быть брату Андрею Большому съ тверскимъ воеводою, княземъ Микулинскимъ, съ Григоріемъ Никитичемъ, съ Иваномъ Житомъ съ дмитровцами и кашинцами; въ лѣвой брату князю Борису Васильевичу, съ княземъ Василіемъ Михайловичемъ Верейскимъ и съ воеводой матери своей, Семеномъ Ѣшкомъ; а въ собственномъ полку великокняжескомъ знатнѣйшему боярину Ивану Юрьевичу Патрикееву, Василію Образцу съ боровичами, Симеону Ряполовскому, князю Александру Васильевичу, Борису Михайловичу Оболенскому и Сабурову съ ихъ дружинами, также всѣмъ переславцамъ и муромцамъ. Передовой отрядъ долженъ былъ занять Броницы.

Въ городѣ Палицѣ остановился великій князь въ домѣ у городского протопопа. Старый батюшка отъ великой чести совсѣмъ потерялся, но ободрилъ его великій князь ласковымъ словомъ, обласкалъ всячески. Матушка протопопица принялась было за хлопоты, чтобы встрѣтить и угостить гостя пресвѣтлаго, но и ей, старушкѣ, трудиться не пришлось: съ великимъ княземъ цѣлый обозъ шелъ; спальники да постельники тотчасъ-же убрали пышно горницу для великаго князя, а стольники московскіе озаботились трапезой

обильной. Только и было заботы протопопу палинскому, что попросилъ его великій князь обѣдню отслужить и къ святой службѣ пришелъ со всѣми боярами да воеводами. Никогда еще бѣдный храмъ городка малаго не видалъ такихъ богомольцевъ знатныхъ; никогда еще бѣдныя, тусклыя паникадила храма палинскаго не озаряли такихъ одѣяній богатыхъ, столько цѣпей да гривенъ золотыхъ, столько доспѣховъ блистающихъ. Приложившись ко кресту и сказавши спасибо протопопу старому, великій князь Иванъ Васильевичъ далъ на украшеніе храма городского цѣлый кошель съ червонцами. Горожане-палинцы, уже провѣдавъ о томъ, что московскіе ратники никого не обижаютъ, тоже въ церковь набрались, молились вмѣстѣ съ великимъ княземъ и поглядывали исподтишка на владыку московскаго. Когда возгласили многолѣтіе великому князю, стали палинцы горячо молиться... Всѣхъ усерднѣе поклоны клалъ и всѣхъ чаще поглядывалъ на великаго князя старый рыбакъ палинскій, дѣдушка Дементій, что пришелъ въ церковь со своими сыновьями да внучатами. Шелъ старику чуть не сотый годъ, но еще не оставлялъ его Господь своей милостью: былъ дѣдушка Дементій свѣжъ и крѣпокъ и никакой работы не боялся. Съ испоконъ вѣку жилъ онъ съ большой семьей своей рыбачьимъ промысломъ; всѣ рыбныя мѣста въ рѣкѣ сосѣдней зналъ дѣдушка Дементій на память, и всегда сѣти его приносили уловъ богатый. По немъ пошли сыновья и внуки—такіе-жъ были рыболовы ловкіе да удачливые. Жила семья Дементьева въ достаткѣ; въ городѣ его любили и частенько шли къ нему на судъ, когда споръ или тяжба приключались.

Великій князь, отслушавъ обѣдню да потрапезовавъ, занялся дѣлами ратными, распорядкомъ походнымъ. Много заботъ у него было, и почти до вечера просидѣлъ онъ въ горницѣ, призывая къ себѣ то

одного воеводу, то другого, то боярина, то окольничаго. Только подъ вечеръ малость передохнулъ великій князь. Видя, что князь Иванъ Васильевичъ покончилъ заботы свои, вошелъ въ горницу стольникъ и молвилъ съ низкимъ поклономъ.

— Пришелъ какой-то старикъ древній, проситъ твои свѣтлыя очи увидѣть.

Велѣлъ великій князь старика впустить, и ступилъ робко въ горницу дѣдушка Дементій.

— Государь и великій князь!—заговорилъ старикъ, поклонившись въ землю.—Больно ты ласковъ къ чернымъ людямъ и за то тебѣ отъ старика древняго, рыбака Дементія, поклонъ земной. Не осуди, государь-батюшка, смѣлость мою — дозволь поклониться тебѣ подарочкомъ малымъ.

— Спасибо, старче, — отвѣтилъ великій князь ласково,—гдѣ-жъ твой подарочекъ?

— Инъ, государь-батюшка, выйди на крылечко,— попросилъ старикъ:—сюда-то тащить неспособно.

Усмѣхнулся великій князь Иванъ Васильевичъ и пошелъ за старымъ рыбакомъ на крыльцо. Около самаго крыльца протопопова стояли сыновья да внуки рыбака древняго, держали они въ рукахъ могучихъ сѣть немалую, четвертей въ двѣнадцать, полнымъ-полнехонькую.

— Бью тебѣ челомъ, государь-батюшка, свѣжей рыбкою!— и старый рыбакъ опять упалъ въ ноги великому князю. Поклонились въ землю и другіе рыбаки.

— Спасибо, старче, показывай твою рыбку,— молвилъ милостиво великій князь.

Поднесли рыбаки сѣть поближе, раскрыли. Цѣлой горою лежала въ ней рыба крупная, свѣжая. Были тутъ окуни, щуки, лини да сиги и всякая другая рыба.

— Ишь ты сколько наловилъ, старче Божій! —

удивился великій князь.— Какъ-же ты зимою столько рыбы добылъ?

— На то наша сноровка рыбачья,—радостно отвѣтилъ старикъ,—я съ сынками да внучками прорубей надѣлалъ, на всю ночь сѣти завелъ. На твое счастье, государь-батюшка, попался уловъ богатый. Кушай во здравіе рыбку свѣжую со своими боярами. Наша рыбка—хорошая, въ самый Новгородъ ее везутъ.

— Спасибо, старче! — сказалъ великій князь и крикнулъ стольникамъ: —принесите-ка старику стопку меда сладкаго!

Заторопились стольники, побѣжали въ горницу, вынесли оттуда стопку серебряную, старику подали.

— Велика ласка твоя, государь-батюшка, — молвилъ старецъ Дементій.—Много лѣтъ тебѣ здравствовать и землю Русскую хранить. Да покоритъ Господь подъ ноги твои всякаго супостата!

Выпилъ старикъ медъ, хотѣлъ стопку назадъ отдать стольникамъ.

— Нѣтъ, старче Божій,— ласково усмѣхнулся великій князь, — такъ у насъ, на Москвѣ, не водится. Возьми-жъ и ты мой подарочекъ—ту стопку серебряную. А тѣмъ молодцамъ дайте всѣмъ по деньгѣ серебряной!

Обрадованные лаской великокняжеской рыбаки палицкіе опять земно поклонились, а великій князь надумалъ еще со старымъ Дементіемъ побесѣдовать.

— Такъ ты говоришь, старче, что отсель рыбу въ самый Новгородъ возятъ?

— Возятъ, государь-батюшка,—махнулъ рукой старый рыбакъ, — Новгородъ-то до всего жаденъ — и рыбкой не брезгуетъ. Какъ пріѣдутъ приказчики новогородскіе —весь уловъ оберутъ. Иной разъ самимъ ничего не останется: опять поѣзжай, сѣти закидывай.

И опять махнулъ рукой старый рыбакъ и сердито крякнулъ. Великому князю было то на руку; сталъ

онъ дальше старика допытывать о поборахъ новогородскихъ.

— Ужли приказчики-то рыбу у тебя берутъ безъ всякаго счету? Кажись, это не по правдѣ... Что-то больно велика, выходитъ, пошлина новогородская. Ты-бы суда искалъ праваго.

— Эхъ, батюшка великій князь! — вздохнулъ старый рыбакъ.—Въ Новѣ-городѣ суда искать праваго— все одно, что воду рѣшетомъ черпать. Забрали тамъ бояре да посадники великую власть, правду забыли.

— А чьей вы вотчины?— спросилъ великій князь.

— Мы, государь-батюшка, испоконъ вѣку за Борецкими живемъ. Недобрые бояре, сильно жмутъ бѣдный народъ. И прежде худо было, а за Марѳой-отъ, посадницей—вдвое горше стало. Приказчики-то у нея все корыстные да страсть злые. Не угодишь которому, поперечишь, — сейчасъ бить велитъ нещадно. Лѣтось отобралъ у меня приказчикъ такой уловъ богатый, какого отъ малыхъ лѣтъ не запомню... Болѣ сотни сиговъ полномѣрныхъ въ сѣти попало.. Всѣхъ отобралъ, ничего не оставилъ! Я что-то въ ту пору приказчику молвилъ — такъ хотѣлъ онъ плетьми меня бить. Насилу протопопъ отмолилъ.

— Вижу, что много вамъ обидъ отъ Нова-города!— сказалъ, хмуря брови, великій князь. — А та злая женка Марѳа Борецкая и мнѣ согрубила, супротивъ меня мятежъ завела. Ну, да мы съ тобой, старче, ту Марѳу укоротимъ. Такъ-ли?

— Укороти ее, батюшка великій князь! Полно ей бѣдныхъ людей обижать.

Усмѣхнулся великій князь, отпустилъ старика.

XXV. Посольство.

Въ то время, какъ въ Новѣ-городѣ по соблазнамъ лукавой Марѳы Борецкой веселились да радовались,

да праздники справляли — великій князь Иванъ Васильевичъ все приближалъ свои грозныя рати къ стѣнамъ новогородскимъ. Поступалъ великій князь, какъ стратегъ предусмотрительный, велъ своихъ воиновъ, не торопясь, шелъ цѣлою стѣною ратною, чтобы разомъ обложить городъ мятежный.

Стараніями и увѣщаніями архіепископа Ѳеофила стали, наконецъ, новогородцы подумывать о той опаспости непнучей; надумали, наконецъ, послать къ великому князю выборныхъ людей и просить о мирѣ. Противъ того кричали и всячески лукавили Марѳа Борецкая и сторонники ея... Но князь литовскій на выручку не шелъ,—и порѣшили новогородцы еще разъ испытать незлобивость и великодушіе великаго князя Ивана Васильевича. Объ этомъ посольствѣ такъ разсказываютъ лѣтописцы новогородскіе и московскіе: Ноября 23 великій князь находился въ Ситиѣ, когда донесли ему о прибытіи архіепископа Ѳеофила и знатнѣйшихъ сановниковъ новогородскихъ. Они явились. Ѳеофилъ сказалъ: „Государь князь великій! Я, богомолецъ твой, архимандриты, игумены и священники всѣхъ семи соборовъ бьемъ тебѣ челомъ. Ты возложилъ гнѣвъ на свою отчину, на Великій Новгородъ; огонь и мечь твой ходятъ по землѣ нашей; кровь христіанская льется. Государь! смилуйся: молимъ тебя со слезами; дай намъ миръ и освободи бояръ новогородскихъ, заточенныхъ въ Москвѣ!“ А посадники и житые люди говорили такъ: „Государь князь великій! Степенный посадникъ Ѳома Васильевичъ и старые посадники, степенный тысячскій Василій Максимовъ и старые тысячскіе, бояре, житые, купцы, черные люди и весь Великій Новгородъ, твоя отчина, мужи вольные, бьютъ тебѣ челомъ и молятъ о мирѣ и свободѣ нашихъ бояръ заключенныхъ“. Посадникъ Лука Ѳедоровъ примолвилъ: „Государь! Челобитье Великаго Нова-города предъ тобою: повели намъ говорить съ твоими

боярами". Іоаннъ не отвѣтствовалъ ни слова, но пригласилъ ихъ обѣдать за столомъ своимъ.

На другой день послы новогородскіе были съ дарами у брата Іоаннова, Андрея Меньшого, требуя его заступленія. Іоаннъ приказалъ говорить съ ними боярину князю Ивану Юрьевичу. Посадникъ Яковъ Коробъ сказалъ: „Желаемъ, чтобы государь принялъ въ милость Великій-Новгородъ, мужей вольныхъ и мечъ свой унялъ".—Ѳеофилактъ посадникъ: „Желаемъ освобожденія бояръ новогородскихъ". Лука посадникъ: „Желаемъ, чтобы государь всякіе четыре года ѣздилъ въ свою отчину, Великій-Новгородъ, и бралъ съ насъ по тысячѣ рублей; чтобы намѣстникъ его судилъ съ посадникомъ въ городѣ; а чего они не управятъ, то рѣшитъ самъ великій князь, пріѣхавъ къ намъ на четвертый годъ; но въ Москву да не зоветъ судящихся!"—Яковъ Ѳедоровъ: „Да не велитъ государь вступаться своему намѣстнику въ особенные суды архіепископа и посадника!" Житые люди сказали, что подданные великокняжескіе зовутъ ихъ на судъ къ намѣстнику и посаднику въ Новѣ-городѣ; а сами хотятъ судиться единственно на Городищѣ; что сіе несправедливо и что они просятъ великаго князя подчинить тѣхъ и другихъ суду новогородскому. — Посадникъ Яковъ Коробъ заключилъ сими словами: „Челобитье наше предъ государемъ: да сдѣлаетъ, что ему Богъ положитъ на сердце!"

25-го ноября бояре великокняжескіе, Иванъ Юрьевичъ, Василій и Иванъ Борисовичи дали отвѣтъ посламъ. Первый сказалъ: „Князь великій Іоаннъ Васильевичъ всея Руси тебѣ, своему богомольцу, владыкѣ, посадникамъ и житымъ людямъ такъ отвѣтствуетъ на ваше челобитье". Боярин Василій Борисовичъ продолжалъ: „Вѣдаете сами, что вы предлагали намъ, мнѣ и сыну моему, черезъ сановника Назарія и дьяка вѣчевого Захарію, быть вашими государями;

а мы послали бояръ своихъ въ Новгородъ узнать, что разумѣете подъ симъ именемъ? Но вы заперлися, укоряя насъ, великихъ князей, насиліемъ и ложью; сверхъ того дѣлали намъ и многія иныя досады. Мы терпѣли, ожидая вашего исправленія; но вы болѣе и болѣе лукавствовали, и мы обнажили мечъ, по слову Господню: „Аще согрѣшитъ къ тебѣ братъ твоій, обличи его наединѣ; аще не послушаетъ, поими съ собою два или три свидѣтеля; аще ли и тѣхъ не послушаетъ, повѣждь церкви; аще ли и о церкви не радѣти начнетъ, будетъ якоже язычникъ и мытарь“. Мы посылали къ вамъ и говорили: „уймитесь—и будемъ васъ жаловать“; но вы не захотѣли того и сдѣлались намъ какъ-бы чужды. И такъ, возложивъ упованіе на Бога и на молитву нашихъ предковъ, великихъ князей русскихъ, идемъ наказать дерзость“. Боярин Иванъ Борисовичъ говорилъ далѣе именемъ великаго князя: „Вы хотите свободы бояръ вашихъ, мною осужденныхъ; но вѣдаете, что весь Новгородъ жаловался мнѣ на ихъ беззаконія, грабежи, убійства; ты самъ, Лука Исаковъ, находился въ числѣ истцовъ; и ты, Григорій Кипріяновъ, отъ Никитиной улицы; и ты, владыка, и вы, посадники, были свидѣтелями ихъ уличенія. Я мыслилъ казнить преступниковъ, но даровалъ имъ жизнь, ибо вы молили меня о томъ. Пристойно-ли вамъ нынѣ упоминать о сихъ людяхъ?“—Князь Иванъ Юрьевичъ заключилъ сими словами отвѣтъ государевъ: „Буде Новгородъ дѣйствительно желаетъ нашей милости, то ему извѣстны условія“.

Архіепископъ и посадники отправились назадъ съ великокняжескимъ приставомъ для ихъ безопасности.

Послѣ отъѣзда пословъ новогородскихъ позвалъ великій князь къ себѣ любимыхъ воеводъ своихъ, князя Даніила Холмскаго, боярина Ѳедора Давидовича и князя Оболенскаго-Стригу; тутъ же былъ и братъ великаго князя Андрей Васильевичъ. Не вѣдали вое-

воды, зачѣмъ позваны были. Молча поклонились они и ждали наказа великокняжескаго.

— Надумалъ я одно дѣло ратное, — молвилъ раздумчиво великій князь Иванъ Васильевичъ,—надо новогородцевъ мятежныхъ попугать, больно они спесивы стали: и пословъ-то шлютъ не милости просить, а съ нами спорить и власть нашу умалять.

Помолчалъ потомъ великій князь, собираясь съ мыслями, и спросилъ князя Холмскаго.

— Посылалъ-ли ты разъѣзды на Ильмень-озеро? Крѣпко-ли его льдомъ затянуло?

— Крѣпокъ ледъ, сдержитъ и конныхъ людей и нарядъ пушечный!—отвѣчалъ вѣрный воевода.—Черезъ все озеро можно пройти.

— Слушай, князь Андрей!—молвилъ великій князь младшему брату.—Даю тебѣ подъ началъ моихъ воеводъ храбрыхъ, а съ ними большую рать конную. Возьми пять полковъ татарскихъ да два полка добрсконныхъ дѣтей боярскихъ да стрѣльцовъ конныхъ сотъ пять; перекинься ты на тотъ берегъ Ильмень-озера, въ самое сердце земли новогородской... Много стоитъ на томъ берегу богатыхъ обителей новогородскихъ за крѣпкими стѣнами... Самыя-то крѣпкія обители—Хутынская, Богородицкая да Вяжицкая; богатыя тоже обители—Вишерская да Броницкая да Юрьевская... Вотъ тебѣ мой наказъ: окружи ты обители ратными людьми, возьми ихъ подъ мою руку великокняжескую. Отъ того нашей рати великая выгода будетъ—много запасовъ наберемъ для ратниковъ. Только спѣши, князь Андрей, въ сей-же вечеръ выступай въ набѣгъ. А вы, мои воеводы вѣрные, брату моему молодшему помогайте, мужествомъ своимъ и опытомъ браннымъ.

Поклонился князь Андрей старшему брату, въ ноги упали великому князю воеводы. Великій князь благословилъ брата иконою.

Въ студеную лунную ночь быстро двинулись отбор-

ныя рати московскія къ Ильменю-озеру. Глубокіе снѣга на пути лежали; вязли въ нихъ кони ратниковъ московскихъ. Трудно было передовымъ пробивать дорогу, за то задніе конники по слѣду утоптанному шли легко и бодро. Тутъ старый воевода Даніилъ Холмскій подалъ князю Андрею совѣтъ добрый.

— Ты, князь Андрей Васильевичъ, передовую рать посмѣнно посылай; какъ устанутъ одни—пусть другіе дорогу прокладываютъ, а тамъ третьи, да четвертые, да пятые.

По совѣту князя Холмскаго быстро и споро пошло дѣло. Несмотря на морозъ крѣпкій, до поту разогрѣлись кони и люди. Вѣтра не было, вьюга не мела, проводниковъ взяли воеводы надежныхъ,—и къ зорькѣ утренней была рать московская на другомъ берегу Ильмень-озера...

Вотъ завидѣли ратники первую обитель новогородскую. Возвышались вокругъ храмовъ святыхъ стѣны крѣпкія; наглухо заперты были ворота желѣзныя. По наказу воеводы Холмскаго окружили ратники московскіе новогородскую обитель кольцомъ живымъ. Воеводы съ княземъ Андреемъ Васильевичемъ къ воротамъ подъѣхали. Въ эту пору раннюю безлюдны были стѣны обительскія. Послѣ долгаго стука въ двери желѣзныя насилу выглянулъ привратникъ сонный.

— Открывай ворота!—властно крикнулъ князь Холмскій.—Отъ великаго князя Ивана Васильевича къ отцу игумену послы пріѣхали. Живѣе отворяй!

Растерялся привратникъ, отомкнулъ поспѣшно ворота желѣзныя и московскимъ ратникамъ въ руки попалъ. Не успѣли отцы обительскіе изъ келій выйти на шумъ, какъ ужъ былъ монастырь полонъ стрѣльцами да дѣтьми боярскими. Въ испугѣ спѣшилъ навстрѣчу воеводамъ сѣдой игуменъ.

— Покорись, отецъ игуменъ,—молвилъ ему князь Андрей Васильевичъ,—взята обитель твоя подъ руку великаго князя московскаго Ивана Васильевича.

Покорился игуменъ, воеводъ благословилъ. Такъ-же были взяты и другія обители новогородскія въ этомъ набѣгѣ быстромъ и умѣломъ.

XXVI. Передъ Новымъ-городомъ.

Взявъ обители новогородскія, набравъ запасу для ратей своихъ, смѣло двинулся великій князь впередъ. Съ нимъ тучею шли безчисленные полки московскіе, облегли Новгородъ кольцомъ. 27-го ноября,—говорятъ лѣтописцы,—Іоаннъ, подступивъ къ Нову-городу съ братомъ Андреемъ Меньшимъ и съ юнымъ верейскимъ княземъ Васпліемъ Михайловичемъ, расположился у Троицы Паозерской на берегу Волхова, въ трехъ верстахъ отъ города, въ селѣ Лошинскаго, гдѣ былъ нѣкогда домъ Ярослава Великаго, именуемый Ракомлею; велѣлъ брату стать въ монастырѣ Благовѣщенія, князю Ивану Юрьевичу въ Юрьевѣ, Холмскому въ Аркадьевскомъ, Сабурову у св. Пантелеймона, Александру Оболенскому у Николы на Мостищахъ, Борису Оболенскому на Соковѣ у Богоявленія, Ряполовскому на Пидьбѣ, князю Василію Верейскому на Лисьей Горкѣ, а боярину Ѳедору Давидовичу и князю Ивану Стригѣ на Городищѣ. 29-го ноября пришелъ съ полкомъ братъ Іоанновъ князь Борисъ Васильевичъ и сталъ на берегу Волхова въ Кречневѣ, селѣ архіепископа. 30-го ноября государь велѣлъ воеводамъ отпускать половину людей для собранія съѣстныхъ припасовъ до 10-го декабря, а 11-го числа быть всѣмъ на-лицо, каждому на своемъ мѣстѣ; и въ тотъ-же день послалъ гонца сказать намѣстнику псковскому, князю Василію Шуйскому, чтобы онъ спѣшилъ къ Нову-городу съ огнестрѣльнымъ снарядомъ.

Въ ясное утро морозное выѣхалъ великій князь съ ближними воеводами въ обитель недалекую на бого-

молье. Неспокоенъ былъ духомъ князь Иванъ Васильевичъ: монастырскіе запасы на исходѣ были, а отпущенные ратные люди, Богъ вѣсть, найдутъ-ли что въ деревняхъ голодныхъ, снѣгами заваленныхъ... Новгородцы тоже что-то примолкли, не шлютъословъ милости и пощады просить. Молча ѣхалъ великій князь, нахмуривъ брови; безмолвно двигались за нимъ воеводы и князья-братья. Отъ коней на морозѣ паръ шелъ; придорожные лѣса бѣлѣли и серебрились густымъ инеемъ.

— Князь Данила!—позвалъ велпкій князь.

Воевода Холмскій подъѣхалъ ближе.

— Послалъ-ли ты гонца къ Троицкому игумену, отцу Арсенію? Ждетъ-ли насъ игуменъ?

— Съ вечера послалъ, князь-государь!

— Безпокойна душа моя, князь Данила,—молвилъ, помолчавъ, великій князь,—пуще всего боюсь я, чтобы не было въ ратяхъ моихъ голода. Коли такіе морозы будутъ, да еще ратники безъ припасовъ останутся, — тогда великая бѣда будетъ. Ты, князь—воевода старый, опытомъ богатый, раскинь-ка умомъ, какъ горю помочь.

Но на этотъ разъ и князь Даніилъ Холмскій не могъ утѣшить великаго князя.

— Надо на волю Божью положиться,—сумрачно отвѣтилъ онъ,—мы за правое дѣло идемъ, и Господь охранитъ насъ.

— Я и уповаю на Его святую волю,—сказалъ великій князь и перекрестился.

Близка уже была обитель Троицкая, что стояла на Варяжѣ-рѣкѣ около села Ѳедотина. Изъ обители примѣтили поѣздъ великокняжескій, раздался звонъ колокольный, вышли изъ воротъ иноки на встрѣчу великому князю, двумя рядами стали по сторонамъ. Сѣдовласый игуменъ, отецъ Арсеній, съ крестомъ въ рукѣ встрѣтилъ гостя державнаго.

Иско ный новогородецъ былъ отецъ Арсеній; въ юныхъ лѣтахъ отрекся онъ отъ міра, оставилъ домъ богатый, семью любимую и себя Богу посвятилъ. Не прельщали его почести, не прельщалъ и санъ архимандрита, который принялъ онъ только послѣ долгихъ моленій всей братіи обительской. Былъ отецъ Арсеній въ давней пріязни съ владыкой Ѳеофиломъ; вмѣстѣ съ нимъ словомъ и молитвой боролся противъ прельщенія литовскаго, вмѣстѣ съ нимъ видѣлъ въ Маѳѣ Борецкой злую соблазнительницу народа новогородскаго. Встрѣтилъ онъ великаго князя съ почестью и провозгласилъ громко:

— Благословенъ приходъ твой, государь и великій князь!

Въ церкви обительской отстоялъ велнкій князь службу, а потомъ въ келью прошелъ къ отцу-игумену; не взялъ онъ съ собой ни воеводъ, ни князей-братьевъ.

— Недаромъ я, отецъ игуменъ, наѣхалъ къ тебѣ сегодня изъ стана своего.

Отецъ Арсеній усадилъ велнкаго князя за столъ за скудную трапезу монастырскую.

— Нынѣ, государь и великій князь, облегчилъ ты душу молитвою, подкрѣпи силы тѣлесныя. Много заботъ у тебя, стоитъ за тобой вся Земля Русская, на тебя, какъ на единаго владыку послѣ Господа, смотритъ.

— Вѣрно сказалъ ты, отецъ игуменъ,—молвилъ великій князь, отвѣдавъ яствъ монастырскихъ,—охъ, много у меня заботъ тяжкихъ. А пуще всего заботитъ меня Новгородъ мятежный. Нынѣ заперся онъ, укрѣпился въ гордынѣ своей, измѣнилъ вѣрѣ православной, предался прельщенію литовскому. Сподобитъ-ли меня Господь побороть злой умыселъ бояръ новогородскихъ и лукавства Маѳы Борецкой? Дарустъ-ли Богъ побѣду оружію моему? Охъ, тяжко и горько, отецъ

игуменъ, проливать кровь братскую—христіанскую!.. Но—Господь свидѣтель, что не вольной волею иду я на рать. Много вины тяжкихъ отпускалъ я новогородцамъ,—одной вины отпустить не могу, что забылп они правую вѣру, къ латинству склонились.

Благословилъ игуменъ великаго князя и сказалъ ему голосомъ твердымъ, ободряющимъ.

— Не кручинься, князь-государь, и надежды не теряй. Истинно говорю тебѣ, что поможетъ тебѣ Господь Богъ, и доведешь ты до конца свое дѣло правое—и покорится тебѣ мятежный Новгородъ безъ кровопролитія братскаго.

Радостно взглянулъ великій князь на игумена

— Хочется мнѣ вѣрить тебѣ, отецъ святой, а все-же сомнѣніе тяготитъ душу мою.

— Вѣрь словамъ моимъ!—такъ-же твердо повторилъ игуменъ. — Недавно получилъ я отъ владыки Ѳеофила грамотку. Пишетъ мнѣ архіепископъ, что велика еще смута въ Новѣ-городѣ, что еще крѣпка и властна Марѳа Борецкая. Но ужъ народъ новогородскій сталъ понимать грѣхъ свой великій, заблужденіе свое, и образумиться не прочь. Обожди только, князь-государь, дай новогородцамъ одуматься.

— Не ладны и дѣла мои ратныя,—сказалъ задумчиво великій князь,—ратникамъ запасу не хватаетъ, морозы стоятъ крѣпкіе, голодно и холодно полкамъ моимъ.

— Уповай на помощь Божію. Онъ—Спаситель и Покровитель нашъ—не оставитъ тебя, пошлетъ помощь нежданную-негаданную.

Побесѣдовалъ еще великій князь съ игуменомъ, милостиво съ братіей простился и выѣхалъ за ворота обительскія. Не успѣлъ онъ съ воеводами далеко отъѣхать, какъ зачернѣлся навстрѣчу ему обозъ великій.

— Экій обозище валитъ!—заговорили межъ собой бояре.—Откудова это, что везутъ?

Тутъ подскакалъ торопливо къ великому князю незнакомый боярин, съ коня сошелъ, въ землю поклонился.

— Я—боярин псковской Товарковъ, Иванъ Ѳедоровъ. Привелъ я тебѣ, государь и великій князь, отъ города Пскова обозъ съ припасами всякими. Бьютъ тебѣ челомъ псковичи хлѣбомъ ржанымъ, мукой пшеничною, да калачами, да рыбою, да медомъ, да виномъ заморскимъ.

Съ великой радости обнялъ князь Иванъ Васильевичъ псковского боярина, золотою гривною подарилъ.

— Въ пору ты прибылъ, боярин. Велпкое спасибо моимъ псковичамъ вѣрнымъ. Много-ль саней привезъ ты боярин?

— Поболѣ двухъ тысячей, князь-государь,—отвѣчалъ Иванъ Ѳедоровичъ Товарковъ, великокняжеской милостью обрадованный. — Проситъ городъ Псковъ отпустить ему вину прошлую и на него не гнѣваться.

— Я о той винѣ и думать забылъ!—весело молвилъ великій князь.—Эй, бояре, воеводы, принимайте честью новаго дружка, гостя дорогого!

Московскіе бояре встрѣтили псковского боярина по дружески, благодарили его за помощь великую.

Около самаго стана встрѣтилъ великаго князя гонецъ и еще принесъ ему вѣсточку радостную.

— Государь и великій князь! Пріѣхалъ изъ Москвы твой зодчій великокняжескій Аристотелесъ. Привезъ онъ съ собою пушки осадныя, привелъ пушкарей и мостниковъ.

— Экій сегодня день удачливый!—воскликнулъ великій князь. — Не даромъ напророчилъ мнѣ отецъ игуменъ помощь нежданную-негаданную.

XXVII. Зодчій московскій.

Пріѣхавъ изъ обители варяжской въ свой станъ, тотчасъ-же велѣлъ великій князь позвать къ себѣ своего зодчаго любимаго, иноземца Аристотелеса. Великій искусникъ былъ тотъ иноземецъ: не только строилъ онъ на Москвѣ храмы и башни, но отливалъ еще пушки мѣдныя, монету чеканилъ, колокола лилъ и во всякое время — ратное и мирное — пригожался великому князю Ивану Васильевичу. Родомъ былъ Аристотелесъ Фіоравентусъ изъ земли италійской изъ славнаго города Болоньи. Лѣтописцы разсказываютъ объ этомъ любимцѣ великокняжескомъ, что отыскалъ его въ Венеціи-градѣ посолъ великокняжескій Семенъ Толбузинъ. Въ ту пору Аристотелеса звалъ къ себѣ султанъ турецкій Магометъ II для строенія палатъ цареградскихъ. Но, говорятъ лѣтописцы, славный зодчій Аристотелесъ Фіоравентусъ захотѣлъ лучше ѣхать въ государство московское. Уговорился съ нимъ Семенъ Толбузинъ, что будетъ онъ получать ежемѣсячно десять рублей жалованья, что по тогдашнему составляло два фунта серебра и было платою неслыханной. Прибывъ въ Москву, зодчій Аристотелесъ принялся за перестройку новаго соборнаго храма кремлевскаго. О семъ такъ повѣствуютъ лѣтописцы: Соборный храмъ Успенія, основанный св. митрополитомъ Петромъ, уже нѣсколько лѣтъ грозилъ паденіемъ, и митрополитъ Филиппъ желалъ воздвигнуть новый по образцу Владимірскаго. Долго готовились; вызывали отовсюду строителей; заложили церковь съ торжественными обрядами, съ колокольнымъ звономъ, въ присутствіи всего двора; перенесли въ оную изъ старой гробы князя Георгія Даніиловича и всѣхъ митрополитовъ (самъ государь, сынъ его, братья, знатнѣйшіе люди несли мощи св. чудотворца Петра, особеннаго покровителя Москвы). Сей храмъ еще не былъ достроенъ,

когда Филиппъ митрополитъ, скоро послѣ Іоаннова бракосочетанія, преставился, испуганный пожаромъ, который обратилъ въ пепелъ его кремлевскій домъ; обливаясь слезами надъ гробомъ св. Петра и съ любовью утѣшаемый великимъ княземъ, Филиппъ почувствовалъ слабость въ рукѣ отъ паралича; велѣлъ отвезти себя въ монастырь Богоявленскій и жилъ только одинъ день, до послѣдней минуты говоривъ Іоанну о совершеніи новой церкви. Преемникъ его Геронтій (бывшій коломенскій епископъ, избранный въ митрополиты соборомъ нашихъ святителей) также ревностно пекся о ея строеніи; но едва складенная до сводовъ, она съ ужаснымъ трескомъ упала, къ великому огорченію государя и народа. Видя необходимость имѣть лучшихъ художниковъ, чтобы воздвигнуть храмъ, достойный быть первымъ въ Россійской державѣ, Іоаннъ послалъ во Псковъ за тамошними каменщиками, учениками нѣмцевъ и велѣлъ Толбузину, что-бы то ни стоило, сыскать въ Италіи архитектора опытнаго для сооруженія Успенской каѳедральной церкви.

Искусный зодчій иноземный сразу увидалъ въ чемъ дѣло; онъ осмотрѣлъ развалины кремлевской церкви, хвалилъ гладкость работы, но сказалъ, что известь наша не имѣетъ достаточно вязкости, а камень не твердъ и что лучше дѣлать своды изъ плиты. Онъ ѣздилъ во Владиміръ, видѣлъ тамъ древнюю соборную церковь и дивился въ ней произведенію великаго искусства; далъ мѣру кирпича; указалъ, какъ надобно обжигать его, какъ растворять известь; нашелъ лучшую глину за Андроньевымъ монастыремъ машиною, неизвѣстною тогдашнимъ москвитянамъ и называемою „барномъ“, разрушилъ до основанія стѣны кремлевской церкви, которыя уцѣлѣли въ ея паденіи; выкопалъ новые рвы и наконецъ заложилъ великолѣпный храмъ Успенія, донынѣ стоящій предъ

нами, какъ, знаменитый памятникъ греко-итальянской архитектуры XV вѣка, чудесный для современниковъ, достойный хвалы и самыхъ новѣйшихъ знатоковъ искусства своимъ твердымъ основаніемъ, расположеніемъ, соразмѣрностью, величіемъ. Построенная въ четыре года, сія церковь была освящена въ 1479 году, августа 12-го, митрополитомъ Геронтіемъ съ епископами.

Вошелъ зодчій Аристотелесъ въ ставку великокняжескую смѣло и спокойно, поклонился великому князю не въ землю, а только въ поясъ. На иноземцѣ былъ бархатный камзолъ короткій; на ногахъ чулки, гладко обтянутые; на башмакахъ блестѣли серебряныя пряжки; вокругъ шеи белѣлъ кружевной воротникъ широкій; на груди блестѣла золотая цѣпь съ гривной—даръ великаго князя. Носилъ Аристотелесъ бородку маленькую, клиномъ, по иноземному; усы были кверху закручены. Черные большіе глаза иноземца горѣли пламенемъ солнца италійскаго.

— Добро пожаловать, искусникъ мой,—привѣтствовалъ его ласково великій князь,—ужъ я тебя заждался. Въ цѣлости-ли привезъ ты парядъ пушечный? Всѣ-ли пушки захватилъ?

— Государь и великій князь,—отвѣтилъ чистымъ говоромъ московскимъ зодчій Аристотелесъ,—спѣшилъ я къ твоему величеству всячески, да много задержекъ было. Пришлось пушки исправлять, ядра лить. Изъ большихъ пушекъ осадныхъ привезъ я „Барса“, „Единорога“ да „Трескотуху“, малыхъ пушекъ болѣ десятка и пищалей осадныхъ около сотни. Пороху и ядеръ привезъ запасъ большой.

— Спасибо тебѣ!—молвилъ великій князь.—Чай скоро начнемъ палить по мятежному городу. Ты-бы, Аристотелесъ, присмотрѣлъ, какъ валы роютъ да какъ туры земляные ставятъ. А то мои пушкари къ сему дѣлу не привычны.

— За всѣмъ присмотрю, государь, — поклонился иноземецъ;—а вотъ, еще собираючись на рать, сдѣлалъ я чертежъ нѣкій, измыслилъ нѣкую „махину“ осадную.

Вынулъ иноземецъ большой листъ съ чертежомъ и положилъ передъ великимъ княземъ.

— Строятъ у васъ въ ратяхъ московскихъ гуляй-города полевые; я-же измыслилъ гуляй-городъ-осадный. Видишь, государь, сей чертежъ башни деревянной? На такую башню можно и пушки поставить и ратниковъ посадить до двухъ десятковъ. Вышиною тѣ башни вровень со стѣнами городскими; въ лѣтнее время можно ихъ на колесахъ двигать, а зимой ставить на полоза большіе. Настроимъ мы такихъ башенъ, къ стѣнамъ придвинемъ да огнемъ пушечнымъ перебьемъ ратниковъ новогородскихъ... Такъ у насъ въ иноземщинѣ осады городскія ведутся.

— Изрядно, изрядно! — любовался великій князь чертежами, искусно сдѣланными.

— А еще надумалъ я, государь, для приступа твоихъ ратей храбрыхъ выстроить мостъ черезъ Волховъ-рѣку къ самому Городищу новогородскому. Будетъ тотъ мостъ держаться на судахъ крѣпкихъ, не страшны ему будутъ, ни оттепель, ни половодье весеннее. Какъ по-суху пройдутъ по нему твои рати черезъ Волховъ-рѣку.

— Экій ты у меня искусникъ!—радостно вымолвилъ великій князь.—Правду говорятъ, что у васъ въ иноземщинѣ великая мудрость живетъ. Строй мостъ, Аристотелесъ! Мятежники его устрашатся.

— А вотъ еще чертежъ нѣкой „махины“ метательной,—показывалъ далѣе зодчій,—будетъ она метать великіе камни въ стѣны новогородскія. А то можно еще чаны со смолою зажечь и черезъ стѣну метнуть, чтобы весь городъ загорѣлся.

Долго еще показывалъ зодчій Аристотелесъ вели-

кому князю московскому разныя орудія осадныя; не уставалъ великій князь хвалить иноземца разумнаго. Пришли въ ставку къ великому князю любимые бояре и воеводы: князь Холмскій, Ѳедоръ Давидовичъ, князь Оболенскій-Стрига; и имъ сталъ показывать великій князь чертежи хитроумные, зодчаго италійскаго.

— Супротивъ этого не выстоитъ Новгородъ, — молвилъ воевода Ѳедоръ Давидовичъ.

— Да полно, будетъ-ли Новгородъ противиться? Дошли до меня кой-какія вѣсточки,—сказалъ князь Даніилъ Холмскій.

— Какія вѣсти?—спросилъ великій князь.

— А стали новогородцы посговорчивѣе, нашей рати испугались. Нынѣ ночью поймали мои ратники перебѣжчика новогородскаго. Сказываетъ онъ, что стали новогородцы слушать разумныхъ рѣчей владыки Ѳеофила; отъ лукавой же Марѳы Борецкой мало-по-малу отпадаютъ. Сказывалъ онъ, что опять посылаютъ новогородцы къ тебѣ, князь-государь, пословъ, хотятъ о мирѣ молить.

— Доколѣ меня государемъ не назовутъ,—не будетъ имъ мира!—сурово отвѣтилъ великій князь.—А ты вотъ что скажи, воевода: посылалъ-ли гонцовъ къ воеводѣ Образцу да князю Андрею Васильевичу? Скоро-ли они подойдутъ, да идетъ-ли съ ними тверская рать? Давно мы ихъ дожидаемся.

— Воевода Василій Образецъ да князь Андрей Васильевичъ сегодня о-полдень пришли, съ ними-же и рать тверская,—отвѣтилъ князь Холмскій,—стали они, по указу твоему, въ обителяхъ Кирилловской, Андреевской, Ковалевской, Волотовской, на Деревенцѣ да у св. Николы на Островкѣ.

Радостно усмѣхнулся великій князь, услышавъ, что прибыла сила его. Отпуская воеводъ, далъ онъ имъ такой наказъ:

*

— Коли пріѣдутъ посли новогородскіе, скажите имъ, что не велѣлъ я ихъ къ себѣ на очи пускать. Доколѣ не назовутъ меня государемъ новогородскимъ — до тѣхъ поръ не быть межъ нами дружбѣ и миру.

XXVIII. Заботы Марѳины.

Снова Марѳа Борецкая сидѣла въ хоромахъ своихъ, и скорбныя думы надъ нею витали. Очи ея были опущены въ землю, складка глубокая лежала на бѣломъ челѣ бывшей красавицы, посадницы новогородской. Съ нѣкоторыхъ поръ примѣтили домашніе, что стала Марѳа гнѣвна и безпокойна, за малую провинность жестоко наказывала она холопьевъ своихъ, часто ссорилась и пререкалась съ боярами сторонниками своими. Молодая жена Василія Ѳедоровича даже прятаться стала отъ суровой, сердитой свекрови, чтобы на глаза не попасться.

И было отчего Марѳѣ Борецкой горевать, было отчего гнѣваться. Одна за другой обманули вдову властолюбивую надежды прежнія. Чуяла Марѳа Борецкая, что у ней земля изъ подъ ногъ уходитъ. Князь литовскій не подавалъ ни слуху, ни вѣсточки, московскія рати все плотнѣе облегали Новгородъ, бояре и посадники духомъ пали, черный народъ опять роптать сталъ. Рѣками золотыми да серебряными лилась на всѣхъ казна Марѳина. Стали уже пустѣть ея погреба глубокіе, а все ничто не помогало. Часто думалось Марѳѣ: „Ой, въ пору-ль ты, вдова злосчастная, съ великимъ княземъ московскимъ спорить стала? По плечу-ли ты себѣ выбрала противника? Ой, не сносить тебѣ сѣдой головы, ой, не одолѣть тебѣ Москву могучую“... Стала къ тому-же Марѳа недомогать, цѣлыя ночи напролетъ безъ сна проводила, днемъ ходила вся разбитая, съ мыслями туманными. Всѣ-то люди казались

ей лукавцами, измѣнниками, во всякомъ она врага видѣла.

Спдѣла Марѳа у окна, поглядывала на сугробы снѣжные, вспоминала сонъ необычайный, таинственный, что привидѣлся ей подъ утро, когда забылась она недужной дремотою послѣ почи мучительной... Къ чему-бы такой сонъ былъ?.. Или Господь Богъ послалъ ей во снѣ знаменіе? И мучилась —догадывалась Марѳа Борецкая, припоминая сонъ тревожный. Снилось Марѳѣ, что стоитъ она на площади новогородской на помостѣ вѣчевомъ, что не старуха она, не вдова, а прежняя молодая красавица... Одѣта Марѳа въ нарядъ пышный, на головѣ у Марѳы вѣнецъ золотой—не то вѣнчальный, не то княжескій. А площадь новогородская народомъ залита; волнуется она, словно морюшко-море. Тысячи голосовъ кричатъ Марѳѣ Борецкой хвалу, именуютъ ее княгинею. „Да живетъ многія лѣта Марѳа Борецкая, княгиня новогородская!“... И радуется Марѳа тѣмъ кликамъ, горделиво кругомъ глядитъ, улыбается... Вдругъ видитъ Марѳа—среди толпы шумной крестнымъ ходомъ идетъ духовенство новогородское. Впереди всѣхъ архіепископъ Ѳеофилъ съ крестомъ золотымъ... Думаетъ во снѣ Марѳа посадница: вотъ-де идетъ владыка меня на княжество вѣнчать. Но, молча, не глядя на нее, проходятъ мимо архіепископъ, игумены и іереи, а за ними съ площади вѣчевой толпою повалили и новогородцы. Глядитъ Марѳа—опустѣла площадь вѣчевая, одна она стоитъ на помостѣ въ гордынѣ одинокой... Смутилась Марѳа, схватилась рукою за вѣнецъ золотой княжескій, и разсыпался тотъ вѣнецъ прахомъ. Смотритъ Марѳа—волосы ея посѣдѣли, по лицу пошли морщины старческія, вмѣсто наряда драгоцѣннаго на ней рубище...

Не кончается еще сонъ страшный... Вотъ входитъ Марѳа въ свои хоромы богатые и диву дается: встрѣчаетъ ея супругъ покойный, посадникъ Исакъ Борец-

кій, беретъ ее за бѣлыя руки, крѣпко обнимаетъ.— „Здравствуй, супруга моя любезная!“—говоритъ онъ.— „Какъ ты живешь—поживаешь? Воротился я изъ пути далекаго по Господней милости. Принимай меня съ почестью и радостью, зови сюда дѣтокъ моихъ дорогихъ, Митю да Ѳедю посадничей. Чай, ты ихъ выкормила—выростила, на добро наставила. Чай, стали они теперь мужами добрыми, служатъ честью и правдой городу родному?“

И вотъ, помертвѣвъ отъ ужаса, видитъ Марѳа Борецкая во снѣ, что отворяются двери, входятъ въ горницу сыны ея—Дмитрій Исаковичъ да Ѳедоръ Исаковичъ. Подходятъ они къ родителю своему, и спрашиваетъ ихъ покойный посадникъ страшнымъ голосомъ: „Что съ вами, дѣтки мои любезные? Такъ-ли васъ матушка родная сохранила да на добро наставила?“ Смотритъ Марѳа Борецкая на сыновъ своихъ и трепетомъ смертельнымъ трепещетъ... У Дмитрія, у старшаго шея топоромъ перерублена, кровь алая застыла на панцырѣ серебряномъ, остановились мертвые глаза остекленѣлые... Младшій Ѳедоръ—тоже мертвецъ-мертвецомъ: на всемъ тѣлѣ у него язвы отъ пытокъ московскихъ; до костей исхудалъ онъ отъ голода тюремнаго... „Жена лукавая, грѣшная, такъ-то ты соблюла моихъ дѣтушекъ!“—загремѣлъ страшный голосъ посадника покойнаго,—„будь-же ты отъ меня и отъ нихъ проклята на вѣки-вѣчные!“ Холодомъ могильнымъ повѣяло на Марѳу, загремѣли вокругъ нея голоса страшные: „Проклята, проклята на вѣки-вѣчные!“—и проснулась Марѳа въ трепетѣ, плача и крестясь...

И теперь, вспомнивъ тотъ сонъ страшный, опять задрожала Марѳа всѣмъ тѣломъ. Поспѣшно поднялась она со скамейки, подошла къ образамъ и стала молиться. Только не ладилась молитва у грѣшницы, сбивалась она въ словахъ святыхъ; десница, какъ свинцовая, уставала класть знаменіе крестное...

Вошелъ въ горницу холопъ, оповѣстилъ, что пріѣхалъ посадникъ Ѳома Васильевичъ. Вошелъ онъ въ горницу медленно, словно недужный, поздоровался съ Марѳой Борецкой глухимъ голосомъ, хмуро сѣлъ на лавку.

— Али недужится?—спросилъ онъ, глядя на блѣдное лицо Марѳино.

— Еле жива,—молвила она.

— Всѣ мы еле живы,—скорбно сказалъ посадникъ,—да и Новгородъ Великій, кажись, послѣдніе дни доживаетъ, на ладонъ дышетъ.

Упрямымъ огнемъ вспыхнули очи Марѳины.

— Ну, посадникъ, Великій-то Новгородъ, чай, не намъ чета; Великому Нову-городу еще до конца далеко, поспоритъ еще съ Москвой.

— Охъ, не далеко, матушка посадница,—закачалъ сѣдой головой Ѳома Васпльевичъ,—истинно тебѣ говорю, что послѣдніе дни настали!

— Есть еще у меня казна, съ головою засыплю черныхъ людей,—спесиво промолвила Марѳа,—ничего не пожалѣю, сама безъ угла останусь. Говори, сколько надо ратникамъ серебра.

— Охъ, матушка Марѳа,—все качалъ головой посадникъ,—что проку-то съ твоего серебра, коли ратникамъ скоро хлѣба не хватитъ. Купить-бы можно, да гдѣ укупишь? Окружила насъ Москва кольцомъ крѣпкимъ, нѣтъ подвозу ни откуда. Еще мечей не обнажали ратники наши, еще ни одной пушки затравку не подожгли, а идетъ уже среди нихъ шатаніе великое, духомъ совсѣмъ упали.

— Что-жъ, воевода тоже не надеженъ?—спросила Марѳа Борецкая,—тоже шатается?

— Нѣтъ, князь Василій въ своей клятвѣ не пошатнется, цѣлованье крестное крѣпко блюдетъ. Да что-жъ онъ одинъ сдѣлаетъ? А тутъ еще владыка Ѳеофилъ отступничествомъ укоряетъ и гнѣвомъ Божі-

имъ грозитъ. До сихъ поръ-то владыку не слушали, а теперь на иное пошло. Каждый день собираются къ Ѳеофилу въ хоромы посадники да бояре да начальные люди ратные.

Помолчалъ посадникъ, тяжело вздохнулъ и понурился.

— Знаю я,—заговорила сумрачно Марѳа,—что владыка Ѳеофилъ московскую руку держитъ. Да только теперь боярамъ новогородскимъ нечего его слушать. Великій князь Иванъ Васильевичъ не малымъ гнѣвомъ распалился на насъ, да и мы ему не малое супротивство учинили. Теперь ужъ великій князь новогородцамъ вины не отпуститъ. Теперь надо намъ до смерти стоять, до послѣдней капли крови биться. Больше некуда дѣваться.

Посадникъ молча слушалъ пылкія рѣчи Марѳины, смущенно покашливалъ, виноватыми глазами по сторонамъ водилъ.

— А вотъ вчера вечеромъ,—началъ опъ робкимъ голосомъ,—говорилъ намъ владыка...

— Али ты, посадникъ, тоже у владыки былъ?—гнѣвно спросила Марѳа Ѳому Васильевича и уставила на него очи горячія.

Чуяла Марѳа что-то недоброе, тревожно забилось у нея сердце, хотѣлось ей скорѣе до истины допытаться.

— Былъ, матушка Марѳа,—уже смѣлѣе отвѣтилъ посадникъ,—бояре уговорили. Такъ вотъ собрались мы у владыки, стали думать, какъ дѣлу помочь. Владыка-то былъ такой ласковый, привѣтливый, все говорилъ: надѣйтесь на помощь Божію, да на милость великаго князя... И зашла тутъ, матушка Марѳа, рѣчь о томъ, чтобы быть великому князю въ Новѣ-городѣ государемъ.

— Государемъ!..—крикнула Марѳа и поднялась, встала во весь ростъ передъ посадникомъ. Гнѣвный румянецъ залилъ ея лицо блѣдное, очи такъ засверкали, что посадникъ испугался, потупился.

— Безъ того,—говоритъ владыка,—великій князь намъ вину не отпуститъ,—тихо промолвилъ онъ.—Намедни посылали мы бояръ о мирѣ просить, такъ онъ ихъ и на очи къ себѣ не пустилъ. Разъ, говоритъ, государемъ меня назвали,—такъ и всегда зовите, моей чести не умаляйте... А владыка сулится за насъ челобитчикомъ быть... Что-жъ, матушка Марѳа, сила солому ломитъ!

— Охъ, вы, посадники, бояре новогородскіе!—гнѣвно закричала Марѳа, наступая на посадника испуганнаго.—Али вамъ не стыдно, не зазорно? Али не были отцы и дѣды ваши новогородцами вольными? Али не повернутся кости ихъ въ гробахъ, когда своими руками отдадите вы Новгородъ Великій Москвѣ корыстной, данницѣ татарской! Одѣть-бы на васъ лѣтники бабьи, заплести-бы вамъ волосы въ косы... Вы не мужи, а бабы трусливыя! Прочь уходи съ глазъ моихъ, посадникъ новогородскій! Теперь вонстину правда, что конецъ пришелъ великому Нову-городу!

Упала Марѳа посадница на лавку, стала на себѣ волосы рвать, забилась въ припадкѣ, зарыдала, завопила страшнымъ голосомъ.

Перепугался посадникъ, наспу убрался изъ горницы; не хотѣлъ онъ связываться съ бѣшеною, разгнѣванной бабой. Къ Марѳѣ,что въ безпамятствѣ билась, поспѣшили ея домашніе.

XXIX. Первый шагъ.

Не обмануло Марѳу предчувствіе злое. Недаромъ жена гордая передъ посадникомъ слезами горючими заливалась. въ припадкѣ бѣшеномъ билась, забывъ свой стыдъ женскій, сбросивъ повязку вдовью. Съ того самого дня стали къ Марѳѣ приходить вѣсти, да и своими глазами стала она видѣть, что пошатнулись новогородцы, подъ руку московскую потянули.

Наступилъ декабрь мѣсяцъ. 5 числа утромъ собрались въ хоромы архіепископскія всѣ посадники, всѣ бояре новогородскіе, житые и торговые люди, старосты концовые и военачальники. Входили они въ горницу къ владыкѣ съ бородами заиндевѣлыми отъ великаго мороза, съ лицами румяными, холодомъ тронутыми. У крыльца владычнаго толпою собрались холопья, десятки копеій стояли, а тѣ бояре, что постарше, и въ возкахъ пріѣхали.

Молча встрѣчалъ владыка бояръ и другихъ гостей, молча благословлялъ ихъ и разсаживалъ по лавкамъ въ горницѣ просторной. Также молчаливо садились новогородцы, тяжело вздыхая, очи потупивъ: чуяли всѣ, что камнемъ тяжелымъ виспъ надъ ними бѣда неминучая. Вотъ наконецъ и всѣ собрались, разсѣлись по лавкамъ по старшинству да по богачеству. Возлѣ владыки сидѣли: степенный посадникъ Ѳома Васильевичъ и степенный тысяцкій Василій Максимовичъ. Оглянулъ владыка гостей своихъ, но еще рѣчи не зачиналъ, словно ждалъ чего-то.

— Не время-ли, владыка, совѣтъ начать? — спросилъ старый тысяцкій.— Кажись, всѣ собрались.

— Еще одного гостя жду,— отозвался владыка:— гость-то не простой и въ нашемъ дѣлѣ свѣдомый.

Какъ разъ въ эту пору отворились двери и вошелъ въ горницу игуменъ обители Троицкой, старецъ Арсеній. Ласково встрѣтилъ его архіепископъ, радостно промолвилъ:

— Добро пожаловать, отецъ игуменъ! Какъ разъ ты поспѣлъ къ совѣту нашему. Спасибо великому князю, что отпустилъ тебя изъ обители. Въ добромъ-ли здоровьи государь князь?

— Государь и великій князь здравствуетъ и тебѣ, владыка, богомольцу своему, поклонъ шлетъ.

Сѣлъ игуменъ Арсеній около архіепископа Ѳеофила, оглянулъ хмурыя лица новогородцевъ и глубоко вздох-

пулъ. Владыка Θеофилъ поднялся съ мѣста, помолился на иконы и совѣтъ открылъ.

— Да вразумитъ васъ Господь Богъ Вседержитель, да наведетъ васъ на путь правый! Слушайте меня, мужи новогородскіе, я—вашъ пастырь передъ Богомъ и за грѣхи ваши передъ Нимъ отвѣтчикъ. Всѣмъ вамъ вѣдомо, какая настала бѣда черная. Стоитъ Великій Новгородъ на краю погибели; вынуты мечи изъ ноженъ для битвы братоубійственной; единовѣрные сыны церкви православной другъ на друга возстали! На кого-же ополчились мы и кто на насъ ополчился? Встали новогородцы противъ великаго князя, противъ стольнаго города земли русской. Пришелъ на насъ съ грозной ратью великій князь московскій, нашъ заступникъ и защитникъ, первый изъ чадъ церкви православной... Поразмыслимъ-же, братья новогородцы, на чьей тутъ сторонѣ вина великая? Не на нашей-ли? И первая наша вина, что обижали и тѣснили мы меньшую братію—народъ черный... И вторая наша вина. что хотѣли мы призвать князя иноземнаго, иновѣрнаго, отъ старой вѣры православной отшатнуться къ еретичеству западному, къ прельщенію литовскому... И третья наша вина, что мы великому князю чести подобающей не отдали, сана его государскаго не уважили. Вспомните, братья новогородцы, слово евангельское: „кесарево — кесареву“... И еще скажу вамъ, братья новогородцы, что не все на землѣ неизмѣнно стоитъ. По волѣ Божіей упадаютъ города гордые и богатые, цѣлыя царства въ прахъ обращаются. Не Господня-ли то воля, не Онъ-ли въ премудрости Своей пресвятой хочетъ отнять отъ насъ старыя вольности мятежныя? Славенъ былъ тѣми вольностями Великій Новгородъ, за то и невзгоды многія были отъ той жизни вольной... Покоримтесь, братья новогородцы, волѣ Божіей! Нынѣ великій князь московскій крѣпкое государство строитъ, нынѣ сплотилъ онъ въ одно цѣлое княжества слабыя, раздробленныя — и

могуча и сильна стала земля русская. Трепещутъ враги иноземные, расцвѣтаетъ и возвеличивается церковь православная... Ужели мы одни, новогородцы мятежные, будемъ недругами земли родной, отдѣлимся отъ нея въ гордынѣ неразумной?

Замолчалъ архіепископъ Ѳеофилъ, снова на иконы перекрестился и на мѣсто сѣлъ. Молчали еще бояре и посадники и другіе мужи новогородскіе, не смѣлъ никто слова вымолвить, первымъ начать. Тогда поднялся игуменъ Арсеній, тоже задумалъ рѣчью разумною бояръ новогородскихъ на умъ наставить.

— Истинно было слово твое, владыка Ѳеофилъ, про великаго князя. Давно уже не было на землѣ русской такого государя, разумомъ богатаго, сердцемъ твердаго... Послѣ князя Димитрія Донского никто не держалъ бразды правленія съ такою твердостью, никто не заботился столько о землѣ русской, о вѣрѣ православной. Нѣтъ стыда въ томъ, что будетъ Новгородъ подъ рукой у великаго князя Ивана Васильевича. Благо отъ того будетъ всей землѣ новогородской. Боится великаго князя царь крымскій, дрожитъ царь казанскій, свейскій и дацкій короли, литовцы, ливонцы — всѣ ищутъ дружбы великаго князя, всѣ дивятся величію государства Московскаго. Станемъ-же и мы, братья новогородцы, со всею землей нашею подъ великокняжескій стягъ московскій, какъ сыны единой Земли Русской. Милостивъ великій князь, отпуститъ вины наши, будетъ насъ беречь и охранять супротивъ враговъ иноземныхъ... Минетъ пора, пора мятежная самоуправства да самоволія, въ мирѣ и счастіи заживетъ Великій Новгородъ!

Замолчалъ и старецъ Арсеній. Но все еще безмолвно сидѣли бояре новогородскіе, никто не рѣшался голосъ подать. Задумалъ тогда владыка Ѳеофилъ помочь дѣлу, ободрить робкихъ.

— Что-же вы безмолствуете, мужи новогородскіе?—

спросилъ онъ. — До сей поры ходили вы ко мнѣ подвое да по-трое, рѣчи вели согласныя, готовы были стать подъ руку великаго князя. Теперь-же, собравшись вмѣстѣ, молчите вы и робѣете. Полно, братья новогородцы! Единая дума у васъ на сердцѣ, единое слово на устахъ. Начинай-же совѣтъ, посадникъ.

Поднялся посадникъ, откашлялся, бороду огладилъ, обвелъ очами лица знакомыя.

— Таково будетъ слово мое, мужи новогородскіе. Супротивъ великаго князя намъ не идти,—государемъ его звать и милости просить. Авось, Господь пошлетъ смягченіе сердцу его гнѣвному, авось великій князь не всѣ вольности у насъ отыметъ... Пошлемъ опять пословъ въ станъ великокняжескій, велимъ сказать что отдаемся на волю его... Пусть скажетъ великій князь, какъ онъ надъ нами государствовать хочетъ... Разумно-ли слово мое, мужи новогородскіе?

— Разумно сказалъ посадникъ!.. — послышалось отовсюду. Обрадовались новогородцы, что еще малая надежда остается у нихъ, что, можетъ быть, великій князь, видя покорность ихъ, оставитъ Великому Новугороду вольности. Даже степенный тысяцкій Василій Максимовичъ, другъ и единомышленникъ владыки Ѳеофила, согласился съ лукавымъ посадникомъ.

— Да будетъ такъ!—молвилъ онъ.—Пошлемъ спросить великаго князя, какъ онъ надъ нами государствовать хочетъ.

Прозрѣвая тайныя мысли новогородцевъ, омрачился владыка Ѳеофилъ. Игуменъ Арсеній тоже горестно вздохнулъ и понурился. Не по сердцу имъ было, что новогородцы съ великимъ княземъ еще спорить хотѣли, дерзали его о чемъ-то спрашивать. Поднялся опять владыка и хотѣлъ посадника да бояръ вразумить, но нежданно помѣшали ему...

Быстро отворилась дверь въ горницу, и передъ совѣтомъ бояръ новогородскихъ, къ ихъ диву великому,

появилась Марѳа посадница, блѣдная, съ очами, гнѣвомъ горящими. Почти вбѣжала она въ горницу, остановилась, тяжело дыша, среди мужей новогородскихъ. Какъ глянули на нее бояре, такъ и смутились: поразила ихъ и дерзость великая жены мятежной, припомнились имъ и тѣ клятвы, тѣ обѣщанія крѣпкія, что выманила у нихъ своимъ лукавствомъ женскимъ сомутительница хитроумная.

— Почто пришла ты въ совѣтъ мужей новогородскихъ?—сурово возгласилъ владыка.—Кто звалъ тебя, Марѳа Борецкая? Здѣсь-ли тебѣ мѣсто?

— Не къ тебѣ пришла я, владыка Ѳеофилъ! — гнѣвно отвѣтила Марѳа.—Пришла я къ посаднику да боярамъ, съ ними говорю, ихъ спрашиваю.

Словно вѣтеръ прошелъ по горницѣ: понурились бояре, въ гнѣвное лицо Марѳѣ взглянуть не смѣли. А Марѳа Борецкая еще ближе къ нимъ подступила, еще суровѣе стала рѣчь держать.

— Эхъ, вы, бояре новогородскіе! Али ваши клятвы да обѣщанія вѣтромъ унесло? Не у меня-ль вы пиры пировали, не у меня-ль вы клялись-зарекались, что съ Москвою въ миру не будете? Я — вдова старая, жена слабая, а мое слово крѣпче вашего. Двое сыновъ моихъ сгибли за волю новогородскую; отдавала я безъ счету казну богатую—и все духомъ не пала и все на своемъ крѣпко стою! Вы обѣщались костями лечь за вольность новогородскую, нынѣ-же, меча не обнаживъ, врагу покоряетесь... Стыдъ ляжетъ на дѣтей вашихъ и на внуковъ вашихъ, проклянетъ Великій Новгородъ память вашу!

Гнѣвно звучалъ голосъ Марѳы посадницы, подступала она то къ одному, то къ другому боярину, перстомъ имъ грозила, словно сжечь хотѣла очами сверкающими.

— Изыди изъ совѣта нашего, жена мятежная! — грозно крикнулъ владыка Ѳеофилъ.—Не смущай бояръ,

не порочь имени великаго князя. Нынѣ разрушены твои ковы лукавые, нынѣ отрекся Новгородъ отъ прельщенія литовскаго. Изыди изъ совѣта нашего.

Вмѣстѣ съ владыкою разгнѣвались на дерзость Марѳину житые люди новогородскіе, заропгали и старосты городскіе и ратные люди. Только бояре ни слова вымолвить не могли, давилъ ихъ старый грѣхъ, старыя клятвы неправедныя.

— Не слушайте Марѳу Борецкую! — крикнулъ старый купецъ Олферій Максимовичъ.—Горько отъ нея Нову-городу пришлось, довела она его до бѣды!

— Не слушайте жену лукавую!..— закричали старосты концовые и ратные люди.

Поднялся архіепископъ Ѳеофилъ и къ женѣ разгнѣванной подошелъ.

— Третій разъ реку тебѣ: изыди отсюда, жена мятежная! Не смущай новогородцевъ: вступили они на путь правый. Ты-же иди своимъ путемъ къ погибели. Не слушаемъ мы тебя.

— Ухожу, владыка!—строптиво отвѣтила Марѳа.— Коли хотите, оставайтесь холопьями московскими. А на тѣхъ боярахъ да лежитъ мое проклятіе.

Еще разъ метнула Марѳа взоръ гнѣвный на бывшихъ друзей своихъ и поспѣшно вышла изъ горницы. Робко посмотрѣли бояре вслѣдъ ей.

— Не страшитесь, бояре, проклятія неправеднаго,— успокоилъ ихъ владыка.

Пошелъ потомъ совѣтъ новогородскій своимъ череломъ. Какъ ни бился архіепископъ,—все-же поставили посадникъ и бояре по-ихнему. Порѣшили не прямо покориться великому князю, а еще слукавить—спросить, какого государства онъ хочетъ.

Лѣтописецъ новогородскій повѣствуетъ, что декабря 5 владыка Ѳеофилъ съ посадниками и людьми житыми, ударивъ челомъ великому князю въ присутствіи его трехъ братьевъ, именемъ Нова-города ска-

залъ: „Государь, мы, виновные, ожидаемъ твоей милости: признаемъ истину посольства Назаріева и дьяка Захарія; но какую власть желаешь имѣть надъ нами?“ Іоаннъ отвѣтствовалъ имъ черезъ бояръ: „Я доволенъ, что вы признаете вину свою и сами на себя свидѣтельствуете. Хочу властвовать въ Новѣ-городѣ, какъ властвую въ Москвѣ“.

Архіепископъ и посадники требовали времени для размышленія. Онъ отпустилъ ихъ съ повелѣніемъ дать рѣшительный отвѣтъ въ третій день.

XXX. Переговоры.

Воротившись въ Новгородъ съ послѣдней волей великаго князя, архіепископъ Ѳеофилъ опять принялся за свое дѣло трудное: сталъ новогородцевъ убѣждать, чтобы покорились они великому князю безъ всякаго пререканія. Но еще не вполнѣ образумились бояре новогородскіе; надѣясь на терпѣніе великаго князя, мыслили они продлить переговоры, поторговаться по исконной привычкѣ купеческой. Лѣтописцы московскіе и новогородскіе подробно разсказываютъ о тѣхъ переговорахъ: „7 декабря Ѳеофилъ возвратился въ станъ великокняжескій съ посадниками и съ выборными отъ пяти концовъ новогородскихъ. Іоаннъ выслалъ къ нимъ бояръ. Архіепископъ молчалъ; говорили только посадники. Яковъ Коробъ: „Желаемъ, чтобы государь велѣлъ намѣстнику своему судить вмѣстѣ съ нашимъ степеннымъ посадникомъ“. — Ѳеофилактъ: „Предлагаемъ государю ежегодную дань со всѣхъ волостей новогородскихъ, съ двухъ сохъ гривну“.—Лука: „Пусть государь держитъ намѣстниковъ въ нашихъ пригородахъ, но судъ да будетъ по старинѣ“. Яковъ Ѳедоровъ билъ челомъ, чтобы великій князь не выводилъ людей изъ владѣній новогородскихъ, не вступался въ отчины и

земли боярскія, не звалъ никого на судъ въ Москву. Наконецъ, всѣ просили, чтобы государь на требовалъ новогородцевъ къ себѣ на службу и поручилъ имъ единственно оберегать сѣверо-западные предѣлы Россіи. Бояре донесли о томъ великому князю и вышли отъ него съ слѣдующимъ отвѣтомъ: „Ты, богомолецъ нашъ, и весь Новгородъ признали меня государемъ; а теперь хотите мнѣ указывать, какъ править вами?“ Θеофилъ и посадники били челомъ и сказали: „Не смѣемъ указывать; но только желаемъ вѣдать, какъ государь намѣренъ властвовать въ своей новогородской отчинѣ: ибо московскихъ обыкновеній не знаемъ“. Великій князь велѣлъ своему боярину Ивану Юрьевичу отвѣтствовать такъ: „Знайте-же, что въ Новѣ-городѣ не быть ни вѣчевому колоколу, ни посаднику, а будетъ одна власть государева; что какъ и въ странѣ Московской, такъ и здѣсь хочу имѣть волости и села; что древнія земли великокняжескія, вами отнятыя, суть отнынѣ моя собственность. Но, снисходя на ваше моленіе, обѣщаю не выводить людей изъ Нова-города, не вступаться въ отчины бояръ и судъ оставить по старинѣ“.

Послѣ того посольства цѣлыхъ семь дней не являлись новогородцы въ станъ московскій. Терпѣливо ждалъ ихъ великій князь. А тѣмъ временемъ иноземный искусникъ Аристотелесъ строилъ башни подвижныя— „гуляй-городъ“ осадный; подвигался и мостъ, на большихъ судахъ перекинутый, совсѣмъ ужъ доставалъ до Городища новогородскаго. Зима стояла студеная, снѣжныя метели разгуливали, но тепло и сытно было ратникамъ московскимъ. Съ утра до ночи пылали въ станѣ ихъ костры жаркіе, изъ Пскова и изъ монастырей сосѣднихъ присылали цѣлыми обозами запасы съѣстные. Было вдоволь хлѣба и рыбы — и сытые, веселые стояли ратники московскіе вокругъ стѣнъ новогородскихъ.

Наступилъ и переломъ зимы — „Спиридонъ-солноворотъ“, 12 декабря. Въ этотъ день, по старинному повѣрью, солнце на лѣто поворачиваетъ, а зима на морозъ. Вся Русь православная отмѣчала Спиридоновъ день особыми обычаями, праздновала его радостно. Коли-бы великій князь на Москвѣ былъ, то Спиридоновъ день встрѣтилъ-бы онъ по старому обычаю... Въ XVI—XVII столѣтіяхъ на Москвѣ Бѣлокаменной поворотъ солнца ознаменовывался наособицу и въ царскихъ палатахъ. По свидѣтельству бытописателей старины, въ день св. Спиридона представалъ изъ года въ годъ „предъ свѣтлыя очи государевы“ звонарный староста московскаго Успенскаго собора, смиренно билъ царю челомъ и докладывалъ про то, что „отселѣ возвратъ солнцу съ зимы на лѣто, день прибываетъ, а ночь умаляется“. Царь-государь жаловалъ старосту за его радостную для всей Земли Русской вѣсть деньгами (выдавалось, обыкновенно, двадцать четыре рубля). На лѣтній солноворотъ (12 іюня) тотъ-же самый докладчикъ приносилъ въ царскія палаты вѣсть, что „отселѣ возвратъ солнцу съ лѣта на зиму, день умаляется, а ночь прибываетъ“. За эту прискорбную вѣсть его немедленно запирали, по указу цареву, на цѣлыя сутки въ темную палатку на Ивановской колокольнѣ.

Но, будучи въ станѣ ратномъ, великій князь Иванъ Васильевичъ справилъ Спиридоновъ день только особой службой церковной.

14 декабря снова дожидались пословъ новогородскихъ; снова явился архіепископъ Ѳеофилъ съ боярами и сказалъ московскимъ боярамъ: „Соглашаемся не имѣть ни вѣча, ни посадника; молимъ только, чтобы государь утолилъ на вѣки гнѣвъ свой и простилъ насъ искренно, съ условіемъ не выводить новогородцевъ въ Низовскую землю, не касаться собственности боярской, не судить насъ въ Москвѣ и не звать туда на службу“. Великій князь далъ слово. Они требовали присяги.

Іоаннъ отвѣтствовалъ, по словамъ лѣтописцевъ, что государь не присягаетъ. „Удовольствуемся клятвою бояръ великокняжескихъ или его будущаго намѣстника новогородскаго“, — сказали Ѳеофилъ и посадники, но и въ томъ получили отказъ; просили опасной грамоты: и той имъ не дали. Бояре московскіе объявили, что переговоры прервались.

Снова надъ Новымъ-городомъ нависла туча-бѣда, но опять, по милости Божіей, пронеслась туча, грозой не разразившись. Уговорилъ архіепископъ Ѳеофилъ новогородцевъ покориться. Какъ разсказываютъ лѣтописцы, 29 декабря послы вѣча, архіепископъ Ѳеофилъ и знатнѣйшіе граждане, снова прибыли въ великокняжескій станъ, хотя и не имѣли опаса; изъявили смиреніе и молили, чтобы государь, отложивъ гнѣвъ, сказалъ имъ изустно, чѣмъ жалуетъ свою новогородскую отчину. Іоаннъ приказалъ впустить ихъ и говорилъ такъ: „Милость моя не измѣнилась; что обѣщалъ, то обѣщаю и нынѣ: забвеніе прошедшаго, судъ по старинѣ, цѣлость собственности частной, увольненіе отъ низовской службы; не буду звать васъ въ Москву; не буду выводить людей изъ страны новогородской“. Послы ударили челомъ и вышли; а бояре великокняжескіе напомнили имъ, что государь требуетъ волостей и селъ въ землѣ ихъ.

Корыстолюбивые новогородцы заупрямились сначала: жалко имъ было поступиться волостями для спасенія города родного. Но выручилъ и тутъ владыка Ѳеофилъ. Молвилъ онъ боярамъ великокняжескимъ.

— Пусть беретъ великій князь мои волости владычнія, пусть володѣетъ ими во здравіе, Великому Нову-городу во спасеніе!

Новогородскій лѣтописецъ говоритъ своей рѣчью старинною: „И князь великій у владыки взялъ 10 волостей, порогъ Ладожскій и земля Порожская по обѣ стороны Волхова, да въ пагоріи Емелегежскій погостъ,

да Колбалской, а сохъ въ нихъ 43½; да въ Дреглехъ погостъ, да Кременицкой, 50 сохъ; да на мѣстѣ Бѣлая 39½ сохъ; да Удомля 50 сохъ; да Кирва, да Ахона 52½ сохъ; да Перосъ, а въ ней 80 купцъ и двѣ... да прежде писанныхъ шести монастырей по половинѣ волостей; а Юрьева монастыря въ половинѣ, что взялъ Князь Великій 720 обежъ; а у Аркажа 332, у Благовѣщенскаго 253; а у Никольскихъ Неревскаго конца 251; а у Антонова монастыря 50 сохъ; а у Михайловскаго 97 обжей да шесть селъ, которыя были за Княземъ Василіемъ Шуйскимъ, а сохъ 58".

Января 10 бояре московскіе требовали отъ Ѳеофила и посадниковъ, чтобы Дворъ Ярославовъ былъ немедленно очищенъ для великаго князя и чтобы народъ далъ ему клятву въ вѣрности. Новогородцы хотѣли слышать присягу: государь послалъ ее къ нимъ въ архіепископскую палату съ своимъ подъячимъ. На третій день владыка и сановники ихъ сказали боярамъ Іоанновымъ: „Дворъ Ярославовъ есть наслѣдіе государей, великихъ князей: когда имъ угодно взять его и съ площадью, да будетъ ихъ воля. Народъ слышалъ присягу и готовъ цѣловать крестъ, ожидая всего отъ государей, какъ Богъ положитъ имъ на сердце и не имѣя уже иного упованія". Дьякъ новогородскій списалъ сію клятвенную грамоту, а владыка и пять концовъ утвердили оную печатями. Января 13 многіе бояре новогородскіе, житые люди и купцы присягнули въ станѣ Іоанновомъ. Тутъ государь велѣлъ сказать имъ, что пригороды ихъ, Заволочане и Двиняне будутъ оттолѣ цѣловать крестъ на имя великихъ князей, не упоминая о Новѣ-городѣ; чтобы они не дерзали мстить своимъ единоземцамъ, находящимся у него въ службѣ, ни псковитянамъ и, въ случаѣ споровъ о земляхъ, ждали рѣшенія отъ намѣстниковъ, не присвоивая себѣ никакой своевольной управы. Новогородцы обѣщались и, вмѣстѣ съ Ѳеофиломъ, просили,

чтобы государь благоволилъ изустно и громко объявить имъ свое милосердіе. Іоаннъ, возвысивъ голосъ, сказалъ: „Прощаю и буду отнынѣ жаловать тебя, своего богомольца, и нашу отчину, Великій-Новгородъ“.

XXXI. Конецъ вѣчу.

Наступило 15 января 1478 года. То былъ послѣдній день буйной вольности новогородской: Великій-Новгородъ цѣловалъ крестъ великому князю Ивану Васильевичу, клялся служить вѣрой и правдою, не измѣняя ни дѣломъ, ни мыслію. Цѣловать крестъ приготовились всѣ, отъ мала до велика — посадники, бояре, житые люди, купцы и черный народъ.

Воевода новогородскій, князь Василій Шуйскій-Гребенка, еще ранѣе отъѣхалъ изъ города въ станъ великокняжескій и отдался на милость великаго князя. Ласково принялъ великій князь отважнаго воеводу, допустилъ къ своей рукѣ и молвилъ:

— Вѣрно ты служилъ Великому Нову-городу, князь Василій Васильевичъ, теперь и мнѣ тако-же послужи! Твои родичи, князья Шуйскіе-Горбатые, давно ужъ мнѣ вѣрой и правдой служатъ.

И далъ великій князь Иванъ Васильевичъ князю Василію Шуйскому-Гребенкѣ для воеводства и на кормленіе волжскій городъ Новгородъ-Нижній.

Въ день присяги надъ всѣмъ Великимъ Новымъ-городомъ гремѣлъ звонъ колокольный. Старались звонари на колокольняхъ всѣхъ храмовъ новогородскихъ: въ соборѣ св. Софіи, въ церкви св. Сергія Радонежскаго, въ церкви Покрова, въ церкви Андрея Стратилата, въ Знаменскомъ соборѣ, въ Николо-дворищенскомъ соборѣ, въ пригородныхъ монастыряхъ Антоніевомъ и Юрьевомъ. Одинъ громче другого гремѣли колокола новогородскіе, словно пытаясь перекричать

другъ друга. Только не слышали новогородцы знакомаго густого звона, копмъ обычно говорилъ древній вѣчевой колоколъ: старинушка замолчалъ навѣки по волѣ великаго князя.

Съ самаго ранняго утра по всѣмъ концамъ своимъ да улицамъ проснулись новогородцы: кипѣли народомъ на Софійской сторонѣ Неревскій, Гончарскій и Загородный концы, на Торговой сторонѣ Славенскій и Плотницкій. По приказу великаго князя не собирался народъ на вѣчевой площади, а въ каждомъ концѣ особо бояре московскіе и священники новогородскіе приводили кончанъ къ присягѣ.

У архіепископа Ѳеофила въ хоромахъ собрались лучшіе люди и ждали посланцовъ отъ великаго князя, чтобы при нихъ крестъ цѣловать московскому владыкѣ. Были тутъ посадники и бояре—ждали всѣ съ трепетомъ, въ молчаніи строгомъ. Самъ владыка еще не выходилъ. Невольно вспоминалось боярамъ новогородскимъ, какъ еще недавно сидѣли они въ той-же горницѣ, какъ совѣтъ держали, чтобы умилостивить великаго князя, спасти отъ кары справедливой городъ родной. Посереди палаты архіепископской, за большимъ столомъ, крытымъ сукномъ алымъ, сидѣли дьяки вѣчевые, изготовляли и дописывали грамоту крестоцѣловальную. Изъ узкихъ оконъ лился въ горницу яркій свѣтъ яснаго утра морознаго, озаряя хмурыя лица бояръ, золотые оклады иконъ, богатые наряды боярскіе.

Мало-по-малу, въ ожиданіи владыки, пошла кругомъ тихая, робкая молвь.

— Пришелъ конецъ нашей волюшкѣ, — тяжело вздыхая, шепнулъ посадникъ Ѳома Васильевичъ тысяцкому Василію Максимовичу.

— Сами виноваты,— отвѣчалъ старый тысяцкій,— у бодливой коровы рога отняли, по присловью старинному. Не мало вины и на твоей душѣ, посадникъ!

Вспомни-ка, какъ вы съ Марѳой Борецкой народъ мутили... Чего-жъ теперь роптать?

— Не помнинай про то!—испуганно молвилъ посадникъ Ѳома Васильевичъ. — За ту вину великій князь карать не будетъ. Вишь, до сихъ поръ никого не тронули, даже Марѳу Борецкую оставили, не тревожатъ!

— А можетъ, то—до поры до времени?—сказалъ, вздыхая, старый тысяцкій.—Можетъ, еще судъ великокняжескій впереди?

— Не дай-то Богъ!—перекрестился посадникъ.

Помолчали оба, а потомъ посадникъ словоохотливый опять тихую бесѣду началъ.

— А Марѳа-то Борецкая все еще въ своемъ непокорствѣ твердо стоитъ. Дастъ-же Господь женѣ слабой такое сердце буйное, строптивое! Вчера посылалъ я къ ней въ хоромы, велѣлъ тайкомъ спросить Борецкаго, Василія Ѳедоровича, какъ-де матушка. И прислали мнѣ сказать, что по прежнему дерзкими рѣчами чернитъ она великаго князя, Москву клянетъ, а намъ, боярамъ новогородскимъ, муки адовы сулитъ.

— Гордая и строптивая жена, что говорить!—отозвался Василій Максимовичъ.—Не будетъ ей добраго конца! Экій грѣхъ взяла себѣ на душу: цѣлый городъ на великаго князя подняла, цѣлый городъ отъ истой вѣры православной отторгнуть хотѣла. Я-то, посадникъ, какъ самъ знаешь, съ вами въ согласіи не былъ а со стороны смотрѣлъ да дивился: какую силу забрала жена мятежная! Охъ, памятны будутъ Великому Нову-городу Марѳа Борецкая да ея прельщеніе литовское!

— Вѣрно ты говоришь, Василій Максимовичъ. Я такъ думаю, что было здѣсь колдовство какое, чары нѣкія... Вѣришь-ли, какъ отрекся я отъ замысловъ Марѳиныхъ, такъ сразу на душѣ полегчало. Какъ покорились мы великому князю — въ дому-то у меня словно свѣтлый праздникъ. До той поры жена горь-

кими слезами заливалась, малыя дѣтушки смутными ходили. Истинно, Господь спасъ Новгородъ, во-время мы образумились.

— Пожалуй, что и поздненько,—сказалъ вздыхая, тысяцкій, — иль забылъ ты про битвы Коростынскую да Шелонскую? Мало-ль тамъ полегло новогородцевъ? А на чью голову пала кровь ихъ?

— Въ ту пору я посадникомъ не былъ, — испуганно пробормоталъ Ѳома Васильевичъ.—Все Марѳа Борецкая измыслила да намутила.

Тутъ прервалась бесѣда ихъ: вышелъ въ палату архіепископъ Ѳеофилъ въ полномъ облаченіи; за владыкою шли игумены, архимандриты да іереи. Благословилъ владыка собравшихся; сіяло лицо его свѣтлой радостью.

— Нынѣ, посадники да бояре новогородскіе, Господь спасаетъ нашъ городъ родной. Нынѣ выводитъ онъ насъ на стезю правую. Много разъ собирались вы, бояре новогородскіе, въ сей палатѣ, и скорбѣлъ я съ вами душою. Нынѣ-же всѣ возрадуемся и возвеселимся! Великій князь Иванъ Васильевичъ указалъ мнѣ, бояре новогородскіе, привести васъ сегодня къ цѣлованію крестному. Съ сего дня будетъ земля новогородская подъ рукою великаго князя; защититъ онъ ее отъ всѣхъ враговъ иноземныхъ, отъ всякой смуты междуусобной. Вѣдомо мнѣ, бояре новогородскіе, что многіе изъ васъ смущены были прельщеніемъ литовскимъ и, вкупѣ со злодѣйкою Марѳою Борецкою, замышляли отдѣлиться отъ православнаго государства русскаго... Иные въ томъ грѣхѣ тяжкомъ покаялись, омыли душу свою слезами горячими, воротились на путь истинный по совѣсти. Иные-же, сдается мнѣ, и до сей поры таятъ въ умѣ своемъ нѣкое шатаніе, великому князю крестъ цѣлуютъ лишь изъ страха явнаго... Симъ послѣднимъ таково будетъ слово мое архипастырское: да изженутъ они изъ сердецъ своихъ

всякое помышленіе объ измѣнѣ, да забудутъ всѣ злые помыслы, да боятся они не только суда великокняжескаго, но и суда Божія, осужденія вѣчнаго!

При этихъ словахъ, сказанныхъ суровымъ голосомъ, строго оглядѣлъ владыка бояръ новогородскихъ, словно піца очами непокорныхъ злоумышляющихъ. Кое-кто изъ бояръ передъ тѣмъ взоромъ испытующимъ потупился. Когда окончилъ владыка увѣщаніе свое, вошли въ палату бояре великокняжескіе. Впереди шествовалъ старый боярпнъ, князь Иванъ Юрьевичъ, за нимъ бояре, воеводы Ѳедоръ Давидовичъ и Стрига-Оболенскій, а послѣднимъ шелъ дьякъ Долматовъ. Были московскіе бояре въ большомъ нарядѣ, въ парчевыхъ шубахъ, въ высокихъ шапкахъ горлатныхъ. На груди у бояръ блистали гривны золотыя съ именемъ и ликомъ великаго князя. Дьякъ Долматовъ направился къ дьякамъ новогородскимъ и тотчасъ-же взялся за грамоту крестоцѣловальную. Просмотрѣлъ онъ очами быстрыми, наметавшимися, вѣрно-ли писаны титла великокняжескія, отмѣчены-ли червонной краской и золотомъ буквы заглавныя. Оглядѣлъ онъ и печати посадника да тысяцкаго, все осмотрѣлъ, въ порядкѣ-ли.

При входѣ бояръ московскихъ поднялись всѣ и низко поклонились посламъ великокняжескимъ. Бояре на поклонъ не отвѣчая, подошли къ владыкѣ подъ благословеніе и потомъ лишь головы наклонили въ отвѣтъ новогородцамъ. Гордо держали себя бояре, потому что въ лицѣ своемъ являли нынѣ самого великаго князя и его устами говорить готовились.

У стола съ грамотой стали дьяки, духовенство и московскіе бояре, а насупротивъ ихъ новогородцы. Откашлялся старый боярпнъ Иванъ Юрьевичъ и началъ говорить:

— Великій князь Иванъ Васильевичъ, государь и благодѣтель всей земли московской, новогородской и иныхъ, сказываетъ вамъ, посадники, бояре, житые и

горговые люди, свою милость и привѣтъ свой велпкокняжескій. Исконп велось, при отцѣ, при дѣдѣ п прадѣдахъ велпкаго князя московскаго, что земля Новогородская подъ ихъ рукою держалась. Но по мятежпому своеволію своему чпнплп вы, повогородцы, великимъ князьямъ всякія непокорства п супротивства. Подпимали вы мечъ противъ князей Володпмірскпхъ, вступали вы въ споръ и съ благовѣрнымъ княземъ Александромъ Ярославовичемъ. Много разъ отпускались Нову-городу его вины великія и оставлялись ему вольности пскопныя. Нынѣ, сами вѣдаете, взяли вы, повогородцы, на душу грѣхъ велпкій: замыслили передаться ворогамъ земли русской, литовцамъ нечестивымъ, задумали отъ истой вѣры православной обратиться въ еретичество латинское. Не по своей волѣ, а скорбя сердцемъ, проливая слезы горячія, обпажилъ мечъ великій князь Иванъ Васпльевичъ на распрю братоубійственную. Господь Богъ Вседержитель, видя правду, благословилъ оружіе великаго князя, даровалъ ему побѣду надъ вашимп полками мятежными... И тогда, новогородцы, просили вы милосердія и пощады... Яко отецъ благой, дѣтямъ заблудшимъ, отпустилъ вамъ впны великій князь... Но вновь возгордились вы и вновь возстали на великаго князя, не щадя спокойствія Земли Русской, отрекаясь отъ вѣры православной... Нынѣ карающій мечъ великокняжескій занесенъ надъ вами, новогородцы мятежные, и готовъ былъ упасть на главы виновныя... Но, внимая моленію архіепископа Ѳеофпла, богомольца своего, архипастыря праведнаго, влагаетъ великій князь Иванъ Васпльевичъ мечъ карающій въ ножны и вины ваши отпускаетъ. Дабы не смущали васъ впредь сомутители и злоумышленники, беретъ у васъ великій князь старыя вольности ваши—отнимаетъ вѣче и судъ новогородскій, даетъ вамъ намѣстника и тіуновъ своихъ. Нынѣ цѣлуйте крестъ великому князю, что будете вы

служить и прямить ему, что не покривите вы ни словомъ, ни мыслію... Воздвигни крестъ святой, владыка, для цѣлованія клятвеннаго. Цѣлуйте крестъ, люди новогородскіе, и грамоту сію клятвенную утвердите именами своими... Вѣрно-ли грамота писана, дьякъ государевъ?

— Вѣрно, бояринъ!—отвѣтилъ дьякъ Долматовъ.

Архіепископъ Ѳеофилъ поднялъ крестъ золотой, и стали новогородцы, начиная съ посадника, подходить къ святынѣ и клятвенно цѣловать ее. А потомъ шелъ каждый къ столу съ грамотою и ставилъ имя свое, печать свою утверждалъ. Шло цѣлованіе при молчаніи торжественномъ, лишь звучали въ палатѣ клятвенныя слова новогородцевъ. Московскіе бояре глядѣли сурово на присягающихъ. Долго длилась присяга...

Въ тотъ-же часъ во всѣхъ концахъ новогородскихъ бояре московскіе и священники тоже отбирали клятвы и цѣлованіе крестное отъ кончанъ новогородскихъ.

XXXII. Непокорство Марѳино.

Въ день крестнаго цѣлованія въ дому у Марѳы посадницы было тихо и безлюдно. Надъ палатами богатыми нависла тишина могильная, царило унынie скорбное. Сама хозяйка заперлась въ опочивальной горницѣ, холопья куда-то попрятались; только молодожены Василій Ѳедоровичъ да Авдотья Никитишна пугливо бродили по горницамъ, богато убраннымъ. Въ окна свѣтило ясное солнышко зимнее, звало молодыхъ на улицу, покататься на санкахъ быстрыхъ, погулять, повеселиться на морозцѣ крѣпкомъ. Но не смотрѣлъ въ окно молодой посадничъ Василій Ѳедоровичъ, не любовалась солнышкомъ молодая жена его, красавица Авдотья Никитишна. Быстрыми шагами ходилъ Василій Борецкій по горницѣ, къ чему-то прислушиваясь, без-

престанно вздрагивая. Блѣдно было лицо его, рукою трепетной поглаживалъ онъ бородку шелковистую, русую. Авдотью Никитишну тоже дрожь пробирала, хоть жарко была горница натоплена, хоть надѣла красавица душегрѣю соболью. Слѣдила Авдотья Никитишна очами пуглпвыми за супругомъ своимъ любпмымъ, слезы навертывались на тѣ очи прекрасныя, туманили молодой взоръ ясный.

— Василька,—молвила она,—что-то съ нами теперь будетъ? Чай, матушку-свекровь великій князь не помилуетъ... И намъ съ тобой худо будетъ, ушлютъ насъ въ далекій край въ заточеніе.

— На насъ-то вины нѣтъ!—хмуро отвѣтилъ Василій Ѳедоровичъ. –Полно, Овдотьюшка, не крушись и не плачь. Чай, великій князь знаетъ, что молодшимъ супротивъ старшихъ не идти было.

— А вспомни, Василька, батюшку своего роднаго,—скорбно сказала Авдотья Никитишна.—Чай и онъ не самъ шелъ на мятежъ и непокорство... А гдѣ теперь онъ, что съ нимъ сталось?

Понурился Василій Борецкій, тяжело вздохнулъ.

— Сгибъ батюшка въ темницѣ муромской, вѣчная ему память. Авось, Господь Богъ охранитъ насъ съ тобой отъ такого конца злого... Я на великаго князя меча не подымалъ и въ совѣтѣ боярскомъ не былъ...

Не прояснилось лицо Авдотьи Никитишны, все такъ же туманились слезами очи ея. Прорвались, наконецъ, рыданія тяжкія, заголосила, запричитала молодая жена Василія Борецкаго.

— Охъ, супругъ мой дорогой, Василій-свѣтъ Ѳедоровичъ! Не жить намъ съ тобою въ городѣ родимомъ, не вести дни въ богачествѣ да роскошествѣ! Не растить намъ съ тобою малыхъ дѣтушекъ, не ходить намъ съ тобою на могилки родительскія!.. Не носить мнѣ, молодешенькѣ, уборовъ богатыхъ, не пить, не ѣсть сладко съ золота да серебра; не веселиться мнѣ

подъ кровомъ роднымъ... Возьмутъ насъ вороги немилостивые, отнимутъ у насъ богачество, увезутъ насъ изъ города родного, заточатъ въ темницу тѣсную! Не видать мнѣ больше Волхова-рѣки, не видать святого храма Софійскаго, не видать родимой стороны новогородской!.. Изсохнетъ отъ тоски-печали тѣло мое бѣлое, потухнутъ отъ слезъ горючихъ очи мои свѣтлыя, истомится мое сердечушко скорбью лютою! Охъ, не на счастье вѣнчали насъ вѣнцомъ святымъ супружескимъ! Въ недобрый часъ мы съ тобой свидѣлись, въ недобрый часъ слюбилися!

Залилась слезами молодая Авдотья Никитишна, заглушили ея причитаніе рыданія тяжкія. Хотѣлъ Василій Борецкій утѣшить жену-красавицу, да слова съ языка не шли.

— Полно тебѣ, Овдотьюшка!—молвилъ онъ и рукою махнулъ.

Вошелъ тутъ въ горницу нежданный гость, дьякъ концовый, поклонился молодому посаднику и оповѣстилъ его голосомъ строгимъ.

— Время тебѣ, Василій Борецкій, да бабкѣ твоей Марѳѣ Борецкой идти цѣлованье принимать великому князю московскому.

Испуганно встрепенулся Василій Ѳедоровичъ, не зналъ, что отвѣтить дьяку. А дьякъ, забывъ милости и дары Марѳы Борецкой, грозно брови нахмурилъ, сталъ посадника понукать, торопить.

— Живѣй собирайся, Василій Ѳедоровичъ! Да что-жъ не идетъ бабка твоя, вдова Борецкая? По указу государя и великаго князя Ивана Васильевича, надо и ей крестное цѣлованье принять. Зови бабку свою, Василій Ѳедоровичъ, чтобы шла, не мѣшкаючи.

Замѣтался изъ стороны въ сторону Василій Ѳедоровичъ, а потомъ кинулся изъ горницы звать бабку. Остался дьякъ съ молодой Авдотьей Никитишной. Та горько плакала, утирала очи шелковой ширинкою;

дьякъ, спесиво подбоченившись, глядѣлъ на красавицу молодую... Не было въ лицѣ его жалости, не утѣшилъ онъ скорбную жену ни единымъ словомъ.

Скоро распахнулась дверь, спѣшно и гнѣвно вошла въ горницу Марѳа Борецкая. Сверкнула она очами пламенными на гостя нежданнаго и спросила его сурово и властно:

— Что тебѣ надобно въ дому моемъ, дьякъ концовый? Я за тобой не посылала, и у меня къ тебѣ дѣла нѣтъ... Чай, ты не къ первому встрѣчному пришелъ — здѣсь палаты посадниковъ Борецкихъ. Что тебѣ надобно?

Смутился дьякъ передъ вдовою разгнѣванной, передъ знатною родомъ и богачествомъ Марѳой Борецкою, низко поклонился.

— Не по своей волѣ пришелъ я, матушка-посадница... Пришелъ я по указу великаго князя московскаго, чтобы вести тебя и домашнихъ твоихъ крестное цѣлованіе принимать.

— Кому будетъ Марѳа Борецкая крестъ цѣловать!—гнѣвно спросила вдова и горделиво вскинула голову непокорную.

— Нынѣ весь Новгородъ-Великій крестъ цѣлуетъ великому князю московскому Ивану Васильевичу,— гладко, по заученому, отвѣтилъ дьякъ и опять пріосанился.

— Ну, а ты скажи пославшимъ тебя, что Марѳа, вдова Исакова Борецкая того цѣлованія крестнаго не дастъ! — гнѣвно крикнула Марѳа во весь голосъ и дьяку испуганному на дверь указала.—Скажи, что не дастъ она цѣлованія ни вольной волею, ни принужденіемъ! Уходи изъ палатъ моихъ, не о чемъ мнѣ съ тобой разговаривать. Вотъ тебѣ дверь!

— Неразумны и дерзки рѣчи твои, посадница, — заупрямился дьякъ,—накликаешь ты на голову свою бѣду великую...

— Вонъ иди, строка приказная!—снова закричала Марѳа, грозя дьяку очами сверкающими. — Никого не послушаетъ Марѳа Борецкая, и некому ей приказывать!

Опять указала она рукою на дверь, и послушался дьякъ перепуганный, спѣшно вышелъ онъ изъ горницы. Не глядя на внука и на молодую, тяжко дыша, опустилась Марѳа Борецкая на лавку, угрюмый взоръ въ землю потупила. Робко молчали Василій Ѳедоровичъ и молодая Авдотья Никитишна.

— Идите къ себѣ!—отослала ихъ Марѳа.

Покорно вышли молодые изъ горницы.

„Вотъ до чего я дошла!--думалось Марѳѣ Борецкой.—Ко мнѣ-же въ домъ дьяки новогородскіе приходятъ, отъ меня цѣлованье брать хотятъ великому князю московскому! Знать, послѣднія времена настали! Только ужъ буду я до конца стоять. Я вѣдь не изъ бояръ-переметчиковъ, душой не покривлю, клятву свою не забуду... Славенъ родъ посадниковъ Борецкихъ; ни передъ кѣмъ Борецкіе главы не склоняли. Пускай рубятъ мою голову сѣдую, вдовью—и того не пострашусь!“

Долго еще оставалась Марѳа одна со своими думами гнѣвными; время далеко за полдень перешло. Вдругъ за окномъ на дворѣ голоса послышались громкіе. Взглянула Марѳа въ окошко и злобно усмѣхнулась.

— Бояринъ московскій пріѣхалъ... Что-жъ и его встрѣтимъ, не испугаемся...

Не успѣли испуганные холопы оповѣстить Марѳу о боярскомъ пріѣздѣ, какъ вошелъ въ горницу ближній воевода великокняжескій, князь Даніилъ Холмскій. Предсталъ московскій бояринъ передъ мятежной женой, какъ судія грозный. Сурово были нахмурены брови его густыя, очами строгими глядѣлъ онъ на Марѳу Борецкую, ожидая, что оробѣетъ вдова Борец-

кая передъ посланцемъ великокняжескимъ. Марѳа-же какъ и прежде, осталась на лавкѣ сидѣть, даже головы не повернула къ боярину.

— Ты-ли Марѳа Борецкая?—спросилъ князь Холмскій, еще больше нахмурившись.

— Я—Марѳа-посадница, изъ роду Борецкихъ!—гордо отвѣтила Марѳа.

— Почти въ лицѣ моемъ посла великаго князя, встань и поклонись, жена мятежная! — крикнулъ воевода.—Слушай указъ великаго князя!

Попрежнему оставалась Марѳа на мѣстѣ своемъ, попрежнему даже взора не бросила на боярина, словно-бы его и не было.

— Встрѣчаю я гостей званыхъ да прошеныхъ, а незваным гостямъ отъ меня чести не будетъ!

Еще больше вскипѣлъ гнѣвомъ бояринъ, подошелъ ближе къ Марѳѣ Борецкой.

— Нынѣ весь Новгородъ крестъ цѣлуетъ великому князю. Ты-ли одна, жена мятежная, противиться будешь? Почто прогнала ты дьяка концоваго? Почто не шла цѣловать крестъ государю московскому?

— Нѣтъ надо мной ни государя, ни великаго князя! — твердо отвѣтила Марѳа. — Родъ Борецкихъ искони вольнымъ былъ, крестъ цѣловалъ только вѣчу новогородскому да святой Софіи.

— Оставь непокорство свое! — опять крикнулъ во весь голосъ воевода.—Не жди грозной кары велнкаго князя, вставай, Марѳа Борецкая, иди крестное цѣлованіе принимать!

Протянулъ князь Холмскій руку мощную, взялъ вдову мятежную за плечо и хотѣлъ съ мѣста поднять. Но вырвалась изъ его рукъ Марѳа-посадница, оттолкнула воеводу и, уставившись на него очами гнѣвными, сверкающими, разразилась громкими рѣчами дерзкими.

— Не тронь меня, воевода московскій! Передъ то-

бой не холопка сидитъ, батогами битая, передъ тобой вдова честная новогородская, изъ славнаго рода Борецкихъ. У отцовъ и дѣдовъ моихъ такіе воеводы, какъ ты, на жалованьи были! Тебѣ-ли позорить меня да надо мною властвовать? Иль не зналъ великій князь, кого послать къ Маѳѣ Борецкой... Какъ взгляну на тебя, такъ сердце мое пепелится, кровь въ жилахъ холодѣетъ! Не твоей-ли рукой взятъ былъ въ неволю московскую сынъ мой любимый Дмитрій Борецкій? Не ты-ли глядѣлъ, какъ скатилась головушка его подъ сѣкирой московской? Не ты-ли посѣкъ рати новогородскія, юныхъ женъ и дѣтей малыхъ спротами оставилъ? Страшенъ и отвратителенъ мнѣ ликъ твой свирѣпый! Прочь уходи, воевода московскій, больше ты отъ меня слова не услышишь!

И опять отвернулась Маѳа отъ боярина, закуталась-закрылась черной тѣлогрѣей атласной. Изумился князь Холмскій, головою закачалъ, да что-жъ тутъ было подѣлать!..

„Легче-бы мнѣ съ ордою татарской справиться чѣмъ съ этой женой гнѣвной, бѣшеной, — подумалъ боярин. Силкомъ ее тащить не годится, не пристойно. Видно, пойти доложить великому князю о супротивствѣ ея, пускай ее самъ государь-батюшка судитъ“.

— Сей же часъ ѣду къ великому князю, доведу до него о буйствѣ твоемъ, о рѣчахъ мятежныхъ.

Обернулся боярин и вышелъ. Недвижима сидѣла Маѳа Борецкая, словно не слышала ни угрозы, ни гнѣва его. Хмурыми очами глядѣла она въ окошко.

XXXIII. Великій князь и Маѳа.

Послѣ того, какъ новогородцы великому князю крестъ цѣловали, сталъ Иванъ Васильевичъ московскій свой уставъ вводить въ землю Новогородскую

Покорялись ему новогородцы безъ перечепья, всѣ уже поняли, что поставилъ надъ ними Господь владыку законнаго, мощнаго и милостиваго. Объ этихъ дняхъ такъ разсказываетъ историкъ *): „Января 18 всѣ бояре новогородскіе, дѣти боярскія и житые люди били челомъ Іоанну, чтобы онъ принялъ ихъ въ свою службу. Имъ объявили, что сія служба, сверхъ иныхъ обязанностей, повелѣваетъ каждому изъ нихъ извѣщать великаго князя о всѣхъ злыхъ противъ него умыслахъ, не исключая ни брата, ни друга, и требуетъ скромности въ тайнахъ государевыхъ. Они обѣщали то и другое. Въ сей день Іоаннъ позволилъ городу имѣть свободное сообщеніе съ окрестностями; января 20 отправилъ гонца въ Москву къ матери своей (которая безъ него постриглась въ иноки), къ митрополиту и къ сыну, съ извѣстіемъ, что онъ привелъ Великій-Новгородъ во всю волю свою; на другой день допустилъ къ себѣ тамошнихъ бояръ, житыхъ людей и купцовъ съ дарами и послалъ своихъ намѣстниковъ, князя Ивана Стригу и брата его Ярослава, занять дворъ Ярославовъ; а самъ не ѣхалъ въ городъ, ибо тамъ свирѣпствовали болѣзни.

„Наконецъ, 29 января, въ четвертокъ масляной недѣли, онъ съ тремя братьями и съ княземъ Василіемъ Верейскимъ прибылъ въ церковь Софійскую, отслушалъ литургію, возвратился на Паозерье и пригласилъ къ себѣ на обѣдъ всѣхъ знатнѣйшихъ новогородцевъ. Архіепископъ передъ столомъ поднесъ ему въ даръ панагію, обложенную золотомъ и жемчугами-струѳово яйцо, окованное серебромъ, въ видѣ кубка, чарку сердоликовую, хрустальную бочку, серебряную мису въ 6 фунтовъ и 200 корабельниковъ или 400 червонцевъ. Гости пили, ѣли и бесѣдовали съ Іоанномъ“.

---

*) Н. М. Карамзинъ.

Когда кончилась трапеза великокняжеская, когда отпустилъ великій князь гостей своихъ, позвалъ онъ къ себѣ воеводу Холмскаго и молвилъ ему ласково, положа руку на плечо.

— Поѣдемъ-ка, княже, со мной еще одного ворога усмирять послѣдняго! Ты сказываешь, сильно лютуетъ Марѳа Борецкая?

— Совсѣмъ въ безуміе впала, — отвѣчалъ князь Холмскій, обрадованный лаской великокняжеской,— не женскій духъ кроется въ той вдовѣ мятежной. Не знаю, что дѣлать съ нею.

— А поставилъ-ли ты стражу у палатъ ея?

— Поставилъ, князь-государь!

— Инъ, поѣду, вгляну на нее,— говорилъ великій князь, принимая отъ стольника богатую шапку золотную съ мѣховымъ околомъ. Двое другихъ стольниковъ надѣвали на великаго князя лисью шубу, крытую бархатомъ темно-вишневымъ.

Около ставки великокняжеской дожидались сани большія, узорами расписанныя, персидскими коврами обитыя. Восемь коней, по два въ рядъ, красовались въ уборѣ богатомъ. Сѣлъ великій князь Иванъ Васильевичъ въ сани, переднее мѣсто воеводѣ указалъ. На облучкѣ рѣзномъ сидѣлъ стольникъ, „на ухабѣ“—на запяткахъ—стоялъ другой. Сотня ратниковъ конныхъ окружила сани великокняжескія—и стрѣлой понеслись борзые кони по гладкой дорогѣ укатанной въ городъ. На пути велъ великій князь бесѣду все о той-же Марѳѣ Борецкой.

— Я ее, Марѳу, и допрежь зналъ. Какъ наѣзжалъ въ Новгородъ, частенько у нея гостилъ. Хозяйка была добрая, благоувѣтливая. Мужъ-то ея Исакъ Борецкій—добрый боярищъ былъ. Только померъ онъ рано, вдову на вольной волѣ оставилъ съ богачествомъ великимъ... Экое дѣло задумала жена неразумная—къ литовцамъ перекинуться, а? Супротивъ вѣры православной пошла И дѣтей своихъ погубила.

*

Быстро мчался поѣздъ великокняжескій, и скоро подъѣхали сани къ пустынымъ хоромамъ Марѳинымъ. Ни души не видно было на дворѣ, только у воротъ стояла стража московская. Не велѣлъ великій князь стольникамъ впередъ бѣжать, а, самъ-другъ, съ княземъ Холмскимъ вошелъ на крыльцо и оттуда въ горницу большую, гдѣ въ недавніе дни пировали у Марѳы Борецкой бояре новогородскіе.

Услыхавъ пріѣздъ великокняжескій, блѣдная и суровая, стояла вдова Борецкая посередь горницы. Изъподъ черной повязки вдовьей выбивались волосы сѣдые, очи ввалившіяся огнемъ горѣли...

— Здравствуй, Марѳа,—промолвилъ великій князь, идя въ передній уголъ и садясь на скамью.—Прослышалъ я про твое супротивство, самъ къ тебѣ пріѣхалъ на умъ на разумъ наставить. Вижу, что не рада ты гостямъ, да ужъ прости за неучливость!

Усмѣшка прозвучала въ послѣднихъ словахъ великаго князя и величаво остановилъ онъ на мятежной женѣ свой взоръ великокняжескій. Стояла Марѳа посередь горницы, словно вкопанная, не думала отдавать великому князю земного поклона, не спѣшила благодарить за честь великую. Были очи ея потуплены, крѣпко стиснуты уста блѣдныя.

— Заспесивилась ты, Марѳа вдова Борецкая,—опять заговорилъ великій князь, и омрачилось лицо его величавое.—Такъ-ли встрѣчаешь ты государя своего? Вся земля новогородская мнѣ крестъ цѣловала, лишь ты одна противишься. Мнишь-ли возстать со своей гордынею женскою противъ всѣхъ законовъ людскихъ и Божіихъ? Многимъ ты, Марѳа, грѣшна передо мною, великимъ княземъ, и передъ всею Землей Русскою... Не гордиться-бы тебѣ, а во прахѣ лежать, плакать слезами покаянными.

— Нѣтъ во мнѣ силы, князь Иванъ Васильевичъ, крестъ тебѣ цѣловать,—глухо промолвила Марѳа, держа

очи въ землю потупленными.—Нѣтъ во мнѣ силы поклониться тебѣ, честь воздать... Истинно говорю тебѣ, словно кто-то невѣдомый держитъ меня, не пускаетъ. Не гнѣвись на меня, не своей волей я супротивствую,

— То пустыя слова, Марѳа!—сурово отвѣтилъ великій князь.—Скинь съ себя ту силу невѣдомую, то врагъ рода человѣческаго осилилъ тебя и смущаетъ гордыней сатанинской. Заблудилась ты, Марѳа, на путяхъ ложныхъ, неправедныхъ, великій ты грѣхъ пріяла на душу свою... Оглянись назадъ, Марѳа: за тобою кровь многихъ убіенныхъ, за тобою могилы многихъ погубленныхъ... Сотвори крестное знаменіе, отгони отъ себя духа лукаваго!

— Не могу, рука не поднимается,—опять также глухо промолвила Марѳа Борецкая.

— Глядп, къ чему привели тебя замыслы лукавые,—сказалъ сурово великій князь.—Жила ты въ довольствѣ и богачествѣ, была ты въ чести у всѣхъ новогородцевъ и у меня, великаго князя. Вокругъ тебя жили счастливо и привольно сыны твои любимые... А вступила ты на стезю нечестивыхъ—и нависла надъ тобой кара Господня. Одного сына ты на мятежъ толкнула, своими руками подъ сѣкиру подвела; другого злыми дѣла своими послала ты въ темницу смрадную, въ оковы тяжелыя. Люди новогородскіе, тобой соблазненные, клянутъ теперь имя твое, отъ тебя отрекаются... Нынѣ говорю тебѣ, Марѳа, опомнись! Многомилостиво и многотерпѣливо сердце мое великокняжеское, и для такой грѣшницы великой обрѣту я въ немъ слово прощенія. Забуду я вины твои, отпущу тебя на покой доживать дни въ мирѣ и молитвѣ... Цѣлуй-же мнѣ крестъ, какъ государю и великому князю, отрекись отъ твоихъ помысловъ черныхъ и дай на томъ клятву великую. Поразмысли, Марѳа, еще открытъ предъ тобою праведный путь, путь спасенія!

Замолчалъ великій князь, остановилъ на Марѳѣ взоръ выжидающій... Князь Холмскій, стоя близъ владыки своего, недовольно хмурился. Не по сердцу ему была милость великаго князя къ женѣ мятежной. Марѳа попрежнему недвижима стояла. Трепетали уста ея отъ муки скрытой; очи, мрачнымъ огнемъ горящія, не поднимались на великаго князя.

— Я жду, Марѳа! Увижу-ли я раскаяніе твое?— грозно вымолвилъ великій князь.

Встрепенулась вдова мятежная, исказилось лицо ея судорогой, схватилась она обѣими руками за голову сѣдую и выкрикнула глухо и рѣзко.

— Нѣту силушки моей! Не могу крестъ цѣловать!

— А!—молвилъ, вставая, великій князь, —даромъ-же я тратилъ слова милостивыя передъ грѣшницей закоренѣлой... Еще кроются въ сей головѣ мятежной замыслы черные, еще думаетъ спорить Марѳа Борецкая съ великимъ княземъ московскимъ... Помни-же, Марѳа, что сама ты въ своей гибели виновна. Отсѣку я тебя отъ Великаго Нова-города, какъ сухую вѣтвь отъ дерева цвѣтущаго! Нынѣ познаешь мой гнѣвъ великокняжескій! Князь Холмскій, слушай повелѣніе мое— обыщи хоромы жены мятежной; всѣхъ, кого найдешь, въ оковы заключи, никому воли не давай. Марѳѣ-же и домашнимъ ея укажи въ путь готовиться. Нечего мятежницѣ въ Новѣ-городѣ жить, людей смущать!..

Гнѣвно вышелъ великій князь изъ горницы, сѣлъ въ сани и спѣшно уѣхалъ. Марѳа пала на скамью, лицо руками закрыла...

По наказу великокняжескому, сталъ воевода Холмскій обыскивать хоромы Марѳины. Позвалъ онъ для того ратниковъ московскихъ, начали они каждый уголокъ перерывать. Кромѣ Василія Борецкаго съ молодой женой, нашли въ хоромахъ не болѣе десятка холопьевъ; остальная дворня Марѳина давно разбѣжалась, давно хозяйку покинула, чуя бѣду неминучую.

Въ спальной горницѣ у Марѳы Борецкой подъ постелью ларецъ кованый отыскали. Велѣлъ его князь Холмскій вытащить да раскрыть. Ключей не нашли, отбили затворъ топорами и тяжелую крышку откинули. Какъ заглянулъ воевода московскій въ ларецъ, такъ и возрадовался: лежали въ ларцѣ все грамоты съ печатями, писанныя по-русски да по-литовски. Бросился ихъ разбирать князь Даніилъ и тотчасъ-же понялъ, что въ тѣхъ грамотахъ сокрыта вся хитрая затѣя Марѳина, всѣ ея договоры да рукобитья съ княземъ литовскимъ. Бережно связавъ находку, отдалъ ее князь стражникамъ со строгимъ наказомъ беречь. Покончивъ съ этимъ дѣломъ, хотѣлъ ужъ уходить изъ горницы воевода московскій, да остановилъ его одинъ старый ратникъ.

— Надо-бы, воевода, посмотрѣть подъ той постелью. Какъ доставалъ я ларецъ, нащупалъ въ половицѣ кольцо желѣзное: должно, тайникъ какой-нибудь.

— И впрямь, попщемъ,—согласился князь.—Спасибо тебѣ, дѣдушка, за службу да за сметку!

Мигомъ отодвинули постель, нащупали половицу подъемную, отворили ее за кольцо желѣзное. Открылась дыра темная въ подземелье глубокое. Зоркія очи воеводы сразу разглядѣли крутыя ступеньки лѣстницы каменной.

— Вотъ оно что!—молвилъ онъ, усмѣхаючись.—Хитро живетъ Марѳа посадница, совсѣмъ по-лисьему: и нора-то у ней съ ходами потайными. Дайте-ка сюда свѣчу да каждый по свѣчѣ возьмите, пойдемъ въ подземелье: можетъ, что и найдемъ!

Ратники московскіе взяли съ десятокъ толстыхъ свѣчей восковыхъ, что горѣли въ подсвѣчникахъ серебряныхъ у образницы. Первымъ сошелъ по лѣстницѣ воевода, а за нимъ потянулись стражники.

Крута была лѣстница; за пятьдесятъ ступенекъ насчитали въ ней ратники. Сначала по бокамъ тяну

лась стѣнка каменная, гладко обтесанная, потомъ пошли стѣны земляныя, досками обшитыя; кое-гдѣ низкій потолокъ досчатый подпирался крѣпкими столбами деревянными. Наконецъ, кончились ступеньки, потянулся въ темноту длинный прямой ходъ.

— Живѣй, живѣй, молодцы!—подбодрялъ ратниковъ князь Холмскій.—Можетъ, ждетъ насъ кто-нибудь на другомъ концѣ...

„Знать, правду болтали въ станѣ у насъ,—думалъ межъ тѣмъ воевода—что отъ однихъ хоромъ Марѳиныхъ до другихъ ведетъ ходъ подземный подъ самымъ Волховомъ-рѣкой. Я-то тѣмъ росказнямъ не вѣрилъ, думалъ, что старыя бабы плетутъ. Апъ, все вышло на правду... И жутко-же здѣсь идти! Чай, тамъ, наверху, бѣжитъ - шумитъ Волховъ - рѣка, пѣною плещетъ... Вдругъ сюда прорвется да насъ затопитъ! Да нѣтъ, пустое... Сколько ужъ лѣтъ сія лазейка прокопана,—крѣпко стоитъ. Надо поскорѣе въ другія хоромы нагрянуть, врасплохъ застать дружковъ Марѳиныхъ.

Бѣгомъ бѣжали ратники, краснымъ пламянемъ горѣли свѣчи восковыя, откуда-то вѣтерокъ повѣвалъ, колебалъ языки огненные, шаталъ на стѣнахъ тѣни дрожащія. Вотъ, наконецъ, снова нащупалъ князь Холмскій лѣстницу. Мигомъ одолѣли ее ратники; уперся воевода рукой въ потолокъ,—подались доски, въ щель забѣлѣлъ свѣтъ дневной. Откинулъ князь Холмскій половицу и выбрался въ горницу малую, всю сундуками заставленную. Потихоньку и ратники за воеводой выползли.

— Стой, не стучи! — вполголоса наказалъ князь, услышавъ за дверью сосѣдней говоръ голосовъ многихъ. Подошелъ воевода къ двери, прислушался.

— Эге, о нашей ратн рѣчь идетъ, великаго князя попосятъ! Ладно-же, голубчики, попались!

Подозвалъ князь Холмскій ратниковъ, распахнулъ дверь, и бросились всѣ въ горницу сосѣднюю. Сразу

насчиталъ воевода въ той горницѣ пять человѣкъ, по одежѣ—житыхъ людей новогородскихъ. Отъ нападенія нежданнаго замерли они въ испугѣ, остались, какъ сидѣли, на скамьяхъ да на лавкахъ. Не зѣвали дружишники князя Холмскаго, разомъ схватили и связали они присѣшниковъ Марѳиныхъ. Изъ пяти были двое старыхъ лѣтъ, трое—еще молодцы молодые.

— Ага, попались, голубчики!—радовался воевода московскій.—Теперь отъ меня не уйдете. Слышалъ я ваши рѣчи крамольныя, теперь поведу васъ на пытку да на розыскъ, а потомъ на судъ къ великому князю. Да какихъ Марѳа-то Борецкая молодцовъ подобрала. Вотъ жена-то лукавая!.. Ну-ка, добрые молодцы, сказывайте, какъ васъ звать-величать, какъ чествовать? Къ великому-то князю въ гости идти, да имени не сказать—негоже будетъ! Ну-ка, молвите словечко!..

Опомнились, наконецъ, новогородцы, да уже поздно было: крѣпко стянули ихъ кушаками дюжіе ратники; сверкали вокругъ нихъ мечи обнаженные. Оба старика понурились, а трое молодцовъ отъ злобы безсильной зубами заскрипѣли.

— Ну-ка, сказывай, дѣдушка, какъ тебя звать?—спросилъ перваго старика воевода.

— Григоріемъ Киприяновымъ,—молвилъ старикъ сквозь зубы, косясь на мечи.

— Чай, ты изъ дружковъ Марѳиныхъ?—допрашивалъ князь.

— Марѳѣ посадницѣ вѣрный слуга,—твердо сказалъ Григорій Киприяновъ.

— Вижу, вижу,—лукаво усмѣхнулся воевода.—А тебя, старичекъ, какъ кличутъ?

— Акиѳомъ Семеновымъ. Тоже матушкѣ Марѳѣ слуга исконный! — строптиво отозвался второй старикъ.

— Хорошее дѣло!—молвилъ князь.—А тебя какъ звать, молодецъ?

— Романомъ Аѳинѳіевымъ, пробурчалъ одинъ изъ парней, рослый и плечистый.

— Сынокъ, значитъ, будешь Аѳинѳу-то Семенову?— освѣдомился воевода.

— Ему сынъ, Марѳѣ Борецкой — слуга! — дерзко крикнулъ молодецъ.

— Ладно, ладно. Вижу, ты—десятка не робкаго.

— А тебя какъ звать?

— Иваномъ Кузьминымъ.

— А тебя?

— Юріемъ Репеховымъ.

— И всѣ Марѳѣ Борецкой слуги вѣрные?—усмѣхаясь, снова повторилъ князь Даніилъ.

— Голову отдадимъ за матушку Марѳу!—въ одинъ голосъ отвѣчали новогородцы.

— Изрядно! Правду сказалъ батюшка великій князь, что еще таитъ Марѳа замыслы черные. Ишь, какую шайку себѣ подобрала! А что-жъ вы тутъ замышляли, молодцы новогородскіе? Чай, не для одной бесѣдушки сошлись, здѣсь схоронились?

— Нечего теперь таить! —смѣло молвилъ Романъ Аѳинѳіевъ, тряхнувъ кудрями русыми.—Намъ теперь изъ московскихъ желѣзъ не вырваться. Пусть-же знаютъ, каковы у Марѳы слуги вѣрные!

— Говори, говори, молодецъ!— подбодрялъ его воевода московскій.

— И то, скажу, бояринъ, хоть мой сказъ тебѣ не по сердцу будетъ. Собрались мы, вѣрные слуги матушки Марѳы Борецкой, вотъ за какимъ дѣломъ... Коли-бы ты, боринъ, намъ не помѣшалъ, досидѣли-бы мы здѣсь до ночки темной, а потомъ прошли-бы мы потайнымъ ходомъ къ матушкѣ Марѳѣ. Взяли-бы мы съ собой посадницу да Василія Ѳедоровича да молодую Авдотью Никитишну, увезли-бы ихъ ночкой темною изъ Нова-города. Припасены у насъ здѣсь и кони лихіе, и припасы и оружіе, Утромъ-бы, моск-

вичи, рты разинули да диву дались-бы. А матушка Марѳа съ ближними своими была-бы ужъ на рубежѣ литовскомъ. Вотъ тебѣ мой сказъ, боярин, не взыщи, коль не понравится!..

— Красно ты говоришь, молодецъ,—усмѣхнулся князь Холмскій,—люблю парня за обычай: не отпирается, не отпѣкивается. Ну-ка, ведите ихъ за мной въ станъ! Тамъ еще розыскъ учинимъ, можетъ, еще чего-нибудь разскажутъ!

Подъ крѣпкой стражей вышли изъ горницы послѣдніе сторонники Марѳины.

XXXIV. Конецъ Нову-городу.

Въ современныхъ лѣтописяхъ послѣдніе дни покоренія Нова-города великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ изложены кратко и сильно. Тамъ говорится, что великій князь февраля 1 велѣлъ взять подъ стражу купеческаго старосту Марка Памфильева, февраля 2 славную Марѳу Борецкую съ ея внукомъ Василіемъ Ѳедоровымъ (коего отецъ умеръ въ муромской темницѣ), а послѣ изъ житыхъ людей Григорія Кипріянова, Ивана Кузьмина, Акинѳа съ сыномъ Романомъ и Юрія Репехова, отвезти въ Москву и все ихъ имѣніе описать въ казну. Сіи люди были единственной жертвой грознаго московскаго самодержавія, или какъ явные непримиримые враги его, или какъ извѣстные друзья Литвы. Никто не смѣлъ за нихъ вступиться. Февраля 3 намѣстникъ великокняжескій Иванъ Оболенскій-Стрига отыскалъ всѣ письменные договоры, заключенные новогородцами съ Литвою, и вручилъ ихъ Іоанну. Великій князь прислалъ въ городъ еще двухъ юныхъ намѣстниковъ, Василія Китая и боярина Ивана Зиновьевича, для соблюденія тишины, велѣвъ имъ занять домъ архіепископскій. Февраля 8 Іоаннъ

вторично слушалъ литургію въ Софійской церкви и обѣдалъ у себя въ станѣ съ братомъ Андреемъ Меньшимъ, съ архіепископомъ и знатнѣйшими новогородцами; февраля 12 владыка Ѳеофилъ предъ обѣднею вручилъ государю дары: цѣпь, двѣ чары и ковшъ золотые, вѣсомъ около девяти фунтовъ, вызолоченную кружку, два кубка, мису и поясъ серебряные, вѣсомъ въ тридцать одинъ фунтъ съ половиною и 200 корабельниковъ. Февраля 17, рано по утру, великій князь отправился въ Москву; на первомъ станѣ, въ Ямнахъ, угостилъ обѣдомъ архіепископа, бояръ и житыхъ людей новогородскихъ; принялъ отъ нихъ нѣсколько бочекъ вина и меда; самъ отдарилъ всѣхъ и отпустилъ съ милостію въ Новгородъ.

Проводивши великаго князя, архіепископъ Ѳеофилъ, посадники и бояре возвращались въ Новгородъ. 17 февраля—Ѳедоровъ день стоялъ теплый и солнечный. Начинали уже таять снѣга зимніе, вѣяло изъ лѣсовъ и съ полей весенней сыростью.

Владыка Ѳеофилъ ѣхалъ въ просторномъ возкѣ на полозьяхъ, запряженномъ четырьмя конями; велѣлъ онъ откинуть по обоимъ бокамъ завѣсы кожаныя, вдыхалъ полной грудью теплый вѣтерокъ вешній, поглядывалъ кругомъ на поля, что готовились сбросить покровъ снѣжный. Чувствовалъ владыка, что и съ его души спадаютъ тяжесть и холодъ невзгодъ отжитыхъ. Одинъ за другимъ припоминались архіепископу суровые дни бѣды новогородской. Припоминались долгія ночи, безъ сна проведенныя, когда со слезами жаркими молилъ онъ Господа Бога спасти отчій городъ, вразумить новогородцевъ мятежныхъ. Да, тяжелы были дни испытанія, но миновали они и дастъ Богъ—не вернутся болѣе. Не любилъ добрый владыка даже передъ самимъ собой превозносить заслуги свои, но все-же въ это мгновеніе чувствовалъ онъ съ великой радостью, что больше всѣхъ послу-

жилъ родному городу, больше всѣхъ сдѣлалъ. Не даромъ великій князь, обнимая владыку, молвилъ на прощаніе.

— Твоими молитвами, владыка, сохраненъ Новгородъ отъ погрома великаго. Ежели-бы не ты, не образумились-бы во вѣкъ бояре да посадники!

Вотъ отчего было легко на сердцѣ у владыки, вотъ отчего съ духомъ спокойнымъ любовался онъ красою творенія Божьяго — яркимъ солнцемъ, небесами синими, далью полей, чащею лѣсовъ дремучихъ. Рядомъ съ владыкою ѣхалъ старый тысяцкій Василій Максимовичъ. Онъ тоже былъ лицомъ и духомъ свѣтелъ, радовался, что избылъ Новгородъ невзгоду великую. Зато бояре и посадники, что слѣдомъ тянулись, были скучны и сумрачны. Больше всего жалѣли они о тѣхъ дарахъ дорогихъ, что пришлось имъ отдать великому князю и ближнимъ его... А еще знали своевольные бояре, что конецъ пришелъ власти ихъ, что теперь не будетъ имъ воли тѣшиться надъ чернымъ людомъ, давить его своей силой и богачествомъ. Строгихъ намѣстниковъ оставилъ великій князь въ Новѣ-городѣ, и тѣ ужъ не дадутъ потачки своевольцамъ...

Вдругъ завидѣлъ впереди себя старый тысяцкій какой-то поѣздъ встрѣчной — много подводъ и конныхъ людей ратныхъ. Тотчасъ догадался Василій Максимовичъ, что тѣмъ поѣздомъ везутъ за великимъ княземъ мятежниковъ схваченныхъ.

— Посмотри, владыка, — молвилъ онъ архіепископу,—никакъ вдову Борецкую везутъ. А слѣдомъ за ней и вѣчевой колоколъ.

Велѣлъ владыка остановиться, изъ возка вышелъ, спѣшились и бояре съ посадниками.

Впереди шла конная рать, и велъ ее воевода Ѳедоръ Давидовичъ. На первыхъ саняхъ, тройкой запряженныхъ, высился древній мѣдный колоколъ ново-

городскій, что много вѣковъ гулкимъ звономъ сзывалъ на вѣче горожанъ великаго Нова-города. Окружали колоколъ стражники; рядомъ съ нимъ ѣхалъ дьякъ московскаго приказа. Бояре новогородскіе шапки скинули, крестились и вздыхали, глядя на колоколъ; многіе чуть не плакали.

— Увозятъ нашу волю новогородскую!—послышалось въ ихъ толпѣ.

— Воля-то волей, бояре,— остановилъ ихъ сурово владыка,—а больше отъ сего колокола своеволія было. Сколько разъ звонъ колокола сего знаменовалъ убійство кровавое, мятежъ и буйство всякое! Нынѣ ужъ того не будетъ...

На вторыхъ саняхъ одна - одинешенька сидѣла Марѳа Борецкая, закрывшись отъ свѣта дневного платкомъ чернымъ. Внучекъ ея съ женою на третьихъ саняхъ ѣхали, въ одеждѣ простой, безъ слугъ, безъ холопьевъ. Подошелъ владыка къ санямъ Марѳинымъ и назвалъ по имени вдову мятежную.

— Марѳа, Марѳа! Вотъ до чего довела тебя гордыня твоя! Вразумилъ-ли Господь своей карою сердце твое буйное? Со смиреніемъ-ли несешь крестъ свой? Не по пустому тебя спрашиваю: готовъ я за тебя предстательствовать передъ великимъ княземъ, готовъ облегчить участь твою горькую. Слышишь-ли меня, Марѳа Борецкая?

Открыла Марѳа лицо, взглянула на встрѣчныхъ, гнѣвно отвела взоръ отъ бояръ новогородскихъ... Прежняя гордыня свѣтилась въ очахъ ея.

— Никто не облегчитъ участи моей, владыка,— глухо промолвила она,—не уймется сердце мое гнѣвное, не вернется счастье былое. Нынѣ предъ тобою, владыка, не Марѳа Борецкая, а лишь бренный прахъ ея, готовый лечь въ могилу сырую на сторонѣ чуждой. Все у меня отнято, нечего мнѣ больше на бѣломъ свѣтѣ ждать.

— Подумай о душѣ своей, Марѳа!—сказалъ архіепископъ Ѳеофилъ, и жалость сердечная звучала въ голосѣ его. — Тяжко будетъ передъ смертью душѣ твоей озлобленной... Прости враговъ своихъ, Марѳа, покорись со смиреніемъ и молитвою участи своей... Вижу я, что ты еще во власти злого духа соблазнителя... Борись съ тѣмъ соблазномъ, Марѳа, врачуй душу свою слезами и покаяніемъ!

— Не могу я, владыка!—простонала Марѳа, закрывая лицо руками дрожащими.—Праведны слова твои и благъ совѣтъ твой архипастырскій, да нѣтъ во мнѣ силы, владыка, нѣтъ воли позабыть невзгоды прошлыя...

— И тому вѣрю я, вдова злосчастная,—еще съ большей жалостью отвѣтилъ архіепископъ.

— Каждый день, каждую ночь буду я молиться за тебя, буду призывать къ душѣ твоей мятежной миръ и раскаяніе... И ты, жена грѣшная, пищи спасенія въ молитвѣ... Когда-же просвѣтлѣетъ тьма въ сердцѣ твоемъ, тогда вспомни обо мнѣ, Марѳа... Буду я ждать отъ тебя вѣсточки и разрѣшу тебя властью, Богомъ мнѣ данною, отъ великихъ прегрѣшеній твоихъ. Помни же слова мои, Марѳа, помни обѣщаніе мое, Нынѣ благословляю тебя на путь далекій, на страданіе великое. Молю Господа, чтобы очистило оно отъ всякой скверны сердце твое, чтобы предстала ты предъ Господомъ, омывшись слезами покаянными. Господь да будетъ съ тобой, Марѳа!

Благословилъ владыка вдову Борецкую... Марѳа всѣмъ тѣломъ затрепетала, увлажнились очи ея слезами, и припала она къ рукѣ пастыря добраго лобзаніемъ порывистымъ.

— Буду помнить слова твои, владыка! Жди отъ меня вѣсточки. Поклонись отъ меня родному Новугороду...

Дальше двинулись сани; мягкосердечный владыка

отеръ слезы жалости съ очей своихъ и къ другимъ санямъ подошелъ, гдѣ молодые Борецкіе сидѣли.

— Вы, дѣти мои,—молвилъ онъ имъ ласково,—страждете за грѣхи отцовъ и дѣдовъ своихъ. Видя юность вашу, скорблю о васъ скорбью отеческой... Всюду будутъ съ вами молитвы мои; передъ великимъ княземъ буду я вашимъ защитникомъ и ходатаемъ.

Василій и Авдотья Борецкіе упали въ ноги владыкѣ. Благословилъ онъ ихъ тоже со слезами жалости великой, а потомъ къ третьимъ санямъ перешелъ. На широкихъ большихъ розвальняхъ лежали и сидѣли связанные новогородцы, единомышленники Марѳы. Старики скорбно молчали, молодые кляли судьбу свою, жаловались на долю злосчастную. И съ ними благостно поговорилъ владыка и ихъ утѣшилъ словами святыми, благословилъ на искупленіе вины тяжкой, ободрилъ надеждою грядущею.

— Молись за насъ, владыка!—молвилъ старый Григорій Кипріяновъ.—Не видать намъ больше родной сторонушки, не слыхать святыхъ колоколовъ софійскихъ. Истлѣютъ кости наши въ краю чуждомъ, забудется память наша въ Новѣ-городѣ...

Не долго говорилъ владыка съ плѣнниками, заторопились ратники московскіе догонять поѣздъ великокняжескій. Заскрипѣли полозья по дорогѣ укатанной, увезли новогородцевъ въ неволю. Со слезами на очахъ глядѣлъ имъ вслѣдъ архіепископъ Ѳеофилъ...

— Вотъ, бояре,—молвилъ онъ торжественно,—вотъ какъ караетъ Господь Богъ за грѣхъ великій—отреченіе отъ вѣры православной! Радуйтесь, бояре новогородскіе, что въ добрый часъ сошли вы съ пути ложнаго, на стезю праведную обратились... Быть-бы и вамъ въ оковахъ, ѣхать-бы и вамъ въ неволю на чужую сторонушку. Воздайте хвалу Господу Богу, что избавилъ онъ васъ и весь Великій Новгородъ отъ такой участи злой.

Понурили головы бояре новогородскіе, обмѣнялись взорами скорбными, потомъ на коней сѣли и поѣхали въ Новгородъ.

XXXV. Кончина Марѳина.

Прошло около года съ того дня, какъ мятежную жену Марѳу Борецкую подъ крѣпкой стражею вывезли изъ усмиреннаго Нова-города.

Стояла весна, теплая, солнечная. По всей землѣ тверской принимались уже мужички хлѣбороды за плугъ да борону. И въ обителяхъ святыхъ начиналась работа вешняя: снаряжали отцы крестьянъ монастырскихъ въ поле на пахоту. Въ Млевскомъ Троицкомъ монастырѣ, что стоялъ на берегу Тверцы-рѣки, тоже собиралъ отецъ-игуменъ обительскихъ трудниковъ на работу. Обитель была богатая, многолюдная; два села да три деревни приписаны были къ монастырскимъ угодіямъ. По обычаю старинному, отецъ игуменъ передъ началомъ работъ вешнихъ учредилъ для крестьянъ монастырскихъ трапезу обильную. На дворѣ обительскомъ сколочены были столы длинные; послушники монастырскіе наготовили всякаго варева, всякихъ пироговъ, калачей, рыбныхъ блюдъ, каши крупитчатой для гостей многочисленныхъ. Мужички съ радостью шли на трапезу къ добрымъ отцамъ. Встрѣтилъ ихъ игуменъ со старшими иноками, разсадили работничковъ Божьихъ по скамьямъ, стали угощать. Вкусны и обильны были яства монастырскія, крѣпка и сладка брага обительская. Пили-ѣли мужички, иноковъ похваливали, обѣщались работать во всю силу молодецкую.

Въ серединѣ трапезы подошелъ къ отцу игумену молодой послушникъ, тронулъ его за мантію, отозвалъ въ сторону.

- Прислали меня за тобою, отецъ игуменъ, новогородская-то боярыня, кажись, кончается!

Перемолвился игуменъ съ отцомъ келаремъ, покипулъ гостей, поспѣшилъ туда, гдѣ стояли обширныя кельи страннопріимныя.

Уже третій мѣсяцъ бывшая вдова Борецкая, нынѣ инокиня Марія, жила въ обители Млевской, борясь съ недугомъ тяжкимъ. Заѣхала она въ монастырь по пути въ Нижній Новгородъ, въ тамошній дѣвичій монастырь. По дорогѣ сильно занедужила Марѳа, не могла дальше ѣхать, хотѣла отлежаться въ обители встрѣчной. Съ нею жили въ монастырѣ и молодые Борецкіе. Не былъ радъ игуменъ гостямъ нежданнымъ, зналъ онъ, что на старицѣ Маріи тяжкая вина лежала передъ великимъ княземъ; надо было за нею строго смотрѣть, отъ недуга пользовать, сторонних людей къ ней не пускать. Лечилъ недужную отецъ казначей, старый инокъ, собиратель травъ лекарственныхъ. Только не поддавался ему недугъ: болѣла старица не тѣломъ, а душою.

Поспѣшно дошелъ отецъ игуменъ до кельи страннопріимной и,ославъ за Дарами Святыми, приблизился къ одру болящей старицы. Кожа да кости остались отъ бывшей красавицы новогородской, отъ богатой и славной Марѳы Борецкой. Огнемъ болѣзненнымъ горѣли очи, порывисто дышала грудь исхудалая. Тутъ-же въ кельѣ сидѣли Василій да Авдотья Борецкіе, не сводя очей съ бабки умирающей, не зная, чѣмъ помочь страдалицѣ.

— Пришелъ я, инока Марія, по зову твоему, — молвилъ игуменъ.—Али тяжко пришлось, али ждешь кончины?

— Да, отецъ святой, пришелъ конецъ мой,— слабымъ голосомъ отвѣтила Марѳа,—выслушай мою волю послѣднюю, прими покаяніе мое. Великая я грѣшница и боюсь предстать передъ Господомъ, Ему-же вѣдомы

тяжкія вины мои. На духу открою я тебѣ, отецъ игуменъ, всѣ прегрѣшенія, но прежде того исполни, отецъ святой, единую просьбу мою...

— Чего-же хочешь ты, инока Марія? — спросилъ кротко отецъ игуменъ, садясь у постели недужной.— Не откажу тебѣ ни въ чемъ...

Приподнялась Марѳа на постели, перекрестилась на иконы, обратила на отца игумена взоръ молящій.

— Вотъ въ чемъ предсмертное желаніе мое, отецъ святой... Великая я грѣшница, долго не открывалась душа моя раскаянію. Нынѣ-же, по благости Господней, умягчилось сердце мое, отошла гордыня мятежная, познала я сладкія слезы покаянныя. Обѣщала я новогородскому владыкѣ послать вѣсточку, когда снизойдетъ на меня сія милость Божія... Сядь, отецъ игуменъ, за столъ, напиши отъ меня грамоту архіепископу новогородскому, владыкѣ Ѳеофилу. А когда отдамъ я душу Господу Богу, отошли то писаніе владыкѣ въ Новгородъ. Возрадуется онъ о душѣ спасенной, помолится о грѣшницѣ раскаявшейся.

Досталъ отецъ игуменъ трость для писанія, досталъ свитокъ бумажный и писать приготовился. Стала болящая старица говорить голосомъ прерывающимся.

— Сіе писаніе тебѣ, святой владыка Ѳеофилъ, отъ инокини Маріи, въ мірѣ Марѳы Исаковой Борецкой, посадницы новогородской. Послалъ Господь по душу мою. Нынѣ лежу я на одрѣ смертномъ, готовлюсь предстать передъ судомъ Божіимъ. Вспомни, святой владыка, обѣщаніе свое благостное, помолись за мою душу грѣшную, помоги ей войти во царствіе небесное... Нынѣ передъ очами моими духовными проходитъ вся жизнь моя долгая, отъ юныхъ лѣтъ ее глубокой старости. Вижу я, сколько въ ней было грѣшнаго и неправеднаго. Съ младенчества моего была я судьбою возвеличена и взыскана. Родилась я въ знатной, богатой семьѣ новогородскихъ бояръ Ловинскихъ

Славны были предки мои. Дѣдъ мой Ѳеодосій Обакумовичъ велъ родъ свой отъ воеводы Ратміра, друга и сподвижника святого князя Александра Невскаго. Выросла я въ богачествѣ да излишествѣ. Въ первомъ замужествѣ была я за боярином Филиппомъ Григорьевичемъ. Въ томъ бракѣ послалъ мнѣ Господь двухъ сыновей, но за грѣхи мои грядущіе погибли они еще отроками, въ Бѣломъ морѣ потонули отъ бури нежданной... А во второмъ замужествѣ, знаешь ты, владыка святой, была я за богатымъ боярином Исакомъ Борецкимъ... Славна и любима была я въ Великомъ Новѣ-городѣ, и закралась ко мнѣ въ душу гордыня великая: заалкала я еще большей славы, еще большихъ почестей... Лестью да богатыми дарами привлекла я къ себѣ и бояръ, и черныхъ людей новогородскихъ... Задумала я стать княгиней новогородской и родной городъ въ удѣлъ отдать князю литовскому. Внѣдрился въ меня тотъ замыселъ лукавый, не далъ мнѣ ни сна, ни покоя. Самъ ты вѣдаешь, владыка святой, каковы были дѣянія мои, какъ наказалъ меня за нихъ Господь Вседержитель... Въ оковахъ, въ заточеніи, въ постриженіи иноческомъ—все не разлучалась я съ гордынею моею, все горѣло сердце мое гнѣвомъ и враждою. Отъѣзжая въ чуждый край въ изгнаніе, все еще измышляла я ковы лукавыя, все еще таила месть въ сердцѣ моемъ... И послалъ мнѣ Господь недугъ смертный, а вмѣстѣ съ тѣмъ недугомъ и милость великую... Нынѣ уразумѣла я, владыка святой, какъ велики прегрѣшенія мои, какъ справедлива моя кара тяжкая. Согрѣшила я противъ вѣры православной,—хотѣла, въ заблужденіи своемъ, повлечь съ собою въ пропасть грѣховную весь народъ новогородскій. Но Господь не допустилъ сего грѣха великаго... Нынѣ радуюсь тому и славлю имя Божіе! Знай-же, владыка святой, что отрекается Марѳа Борецкая отъ черныхъ замысловъ своихъ, что несетъ

она раскаяніе и моленіе къ престолу Всевышняго. Возрадуйся со мной, владыка, и молись обо мнѣ, по обѣщанію своему. Нѣтъ болѣе на свѣтѣ старицы Маріи, нѣтъ мятежной жены Марѳы Борецкой... Одна душа, полная слезами покаянными, отлетаетъ изъ міра тлѣннаго на судъ и милость Вседержителя... Еще разъ говорю тебѣ, владыка святой, возрадуйся со мной и помолись обо мнѣ!..

Быстро писалъ отецъ игуменъ, занося въ грамоту каждое слово болящей старицы. Наконецъ, замолчала Марѳа, откинулась, въ изнеможеніи, на постель.

— Теперь, отецъ игуменъ, дай мнѣ отдохнуть малость, а потомъ исповѣдуй меня и отпусти мнѣ грѣхи мои!..

Василій и Авдотья Борецкіе, обливаясь слезами, вышли изъ кельи. Когда-же позвали ихъ опять къ одру инокини — доживала ихъ бабка послѣднее мгновеніе. Только успѣла она благословить ихъ—и отдала Господу Богу душу свою многогрѣшную.

Не пышно было погребеніе старицы Маріи и немного о ней слезъ пролилось. Отпѣли ее въ обительской церкви Спаса Нерукотвореннаго, на могилѣ ея на кладбищѣ монастырскомъ положили простую плиту каменную съ простой надписью.

Вскорѣ послѣ смерти бабки своей покинули молодые Борецкіе обитель гостепріимную. Великій князь Иванъ Васильевичъ, прослышавъ про то, что Марѳа Борецкая передъ смертью покаялась, милостивъ былъ къ внуку ея и къ его женѣ молодой. Далъ имъ великій князь помѣстье въ земляхъ нижегородскихъ, и мирно дожили они дни свои, но никогда уже больше не видѣли родного Нова-города.

Архіепископъ Ѳеофилъ, получивъ отъ игумена Млевскаго предсмертное посланіе Марѳино, душою возрадовался и непрестанно молился за Марѳу Борецкую.

— Та жена была великаго разума!—говорилъ онъ про нее другу своему ближнему, тысяцкому Василію Максимовичу. — Если-бы не гордыня ея мятежная, если-бы не соблазнъ духа лукаваго, — великую бы честь и славу принесла Марѳа землѣ родной. Но смутился духъ ея ухищреніемъ адовымъ, дерзнула Марѳа Борецкая возстать противъ вѣры православной — и погибла она со всѣми ближними своими... Да, многомудръ Господь и всевидящъ!..

Великій князь Иванъ Васильевичъ долго еще правилъ Землей Русскою на славу и на величіе всего государства общирнаго. Усмиривъ Новгородъ и охранивъ вѣру православную, подъялъ мечъ великій князь на исконнаго врага своего, на невѣрнаго татарина— ниспровергъ иго татарское. Потомъ присоединилъ великій князь къ державѣ россійской и послѣднее княжество удѣльное — тверское. Едина и сильна стала Земля Русская, могучъ и славенъ властвовалъ надъ нею единый владыка... Государь и великій князь Иванъ Васильевичъ III навсегда остался въ памяти потомковъ. Отъ него пошла крѣпнуть и расти вся земля, все царство русское.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		стр.
I.	Грубство новогородское.	3
II.	Новый владыка.	9
III.	Измѣна новогородская	14
IV.	Битва при Ильмень-озерѣ.	19
V.	Новогородскій владыка	26
VI.	Грамота великокняжеская	32
VII.	Упадышъ	35
VIII.	Владыка-заступникъ	42
IX.	Челобитье новогородское	47
X.	Передъ великимъ княземъ.	52
XI.	Радостный день.	59
XII.	Пермскій удѣлъ.	62
XIII.	Владыка Ософилъ у великаго князя.	66
XIV.	Новая смута.	70
XV.	Великій князь въ Новѣ-городѣ.	75
XVI.	Судьбище.	81
XVII.	Ковы Маронины.	86
XVIII.	Новая невзгода.	92
XIX.	Переговоры	96
XX.	Гроза надвигается.	101
XXI.	Во Псковѣ	109
XXII.	Посолъ московскій	115
XXIII.	Въ Новѣ-городѣ	121
XXIV.	Въ походѣ	127
XXV.	Посольство	132

Т 1881

стр.

XXVI. Передъ Новымъ-городомъ 138
XXVII. Зодчій московскій. 143
XXVIII. Заботы Марѳины 148
XXIX. Первый шагъ 153
XXX. Переговоры 160
XXXI. Конецъ вѣчу. 165
XXXII. Непокорство Марѳино 171
XXXIII. Великій князь и Марѳа 177
XXXIV. Конецъ Нову-городу. 187
XXXV. Кончина Марѳина. 193

Дешевая Библіотека Русскаго Паломника.

МУЧЕНИЧЕСТВО ЗА ХРИСТА. *С. П.* 28 стр., цѣна 10 к.

Учен. Ком. Мин. Нар. Пр. **ДОПУЩЕНО** въ учен. библ. средн. учебн. завед.

НАШИ ЗАГРАНИЧНЫЯ МИССІИ. Очеркъ о русскихъ духовныхъ миссіяхъ. *С. Архангелова.* 208 стран., ц. 25 к.

Учен. Ком. М. Н. Пр. **ДОПУЩЕНО** въ учен. библ. средн. учебн. зав. и въ безпл. нар. чит. и библ.

Уч. Ком. при Св. Сунод. **ДОПУЩЕНО** въ учен. библ. ср. уч. зав.

НАШИ ЧЕРНЫЕ ЕДИНОВѢРЦЫ. Сост. *В. Бучинскій и С. Бахлановъ.* 237 стр. ц. 25 к.

Учен. Ком. М. Н. Пр. **ДОПУЩЕНО** въ учен. библ. средн. учебн. завед. и въ безпл. нар. чит. и библ.

Уч. Ком. при Св. Сун. **ДОПУЩЕНО** въ учен. библ. духов. семин.

О КРЕСТѢ ХРИСТОВОМЪ противъ раскольниковъ, соч. о. *Іоанна Сергіева (Кронштадтскаго).* 125 стр., цѣна 35 к.

Учен. Ком. при Св. Сунодѣ **ОДОБРЕНО** для фунд. и уч. библ., дух. семин. и жен. дух. уч.

ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРІИ РУССКОЙ ЦЕРКВИ И ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ въ XVIII вѣкѣ. *Е. Поселянина.* 176 стран., цѣна 50 к.

ПАДЕНІЕ КОНСТАНТИНОПОЛЯ. Истор. очеркъ. *Ѳ. Е. Шеляговскаго.* 182 стр., ц. 25 к.

Особ. Отд. Учен. Ком. Мин. Нар. Пр. **ДОПУЩЕНО** въ учит. библ. низш. учебн. завед. и въ безплат. народныя читальни.

ПАЛЕСТИНА подъ властью христіанскихъ императоровъ. Историческ. очерки. 145 стр., ц. 30 к.

Уч. Ком. при Св. Сунодѣ **ДОПУЩЕНО** въ фунд. и учен. библ. духов. учеб. зав. муж. и женск.

ПАЛОМНИКЪ ПО СВ. ЗЕМЛѢ. Подарокъ родинѣ. Соч. *К. И. Конева,* крестьянина села Михайловск., Ставропольск. губер. Изданіе 6-е, 46 страницъ, съ 16 рисун., цѣна 25 к.

ПО ЕВАНГЕЛЬСКИМЪ СЛѢДАМЪ. Картины изъ земной жизни Спасителя. Въ 2-хъ частяхъ. *Л. Шнеллера.* 352 стран., ц. 50 к.

ПО СЛѢДАМЪ АПОСТОЛА ПАВЛА. Жизнь и дѣятельность Св. Апостола языковъ. Соч. *Шнеллера.* Съ картою. 232 стран., ц. 25 к.

Мин. Нар. Пр. **ДОПУЩЕНО** въ учен. библ. средн. учебн. заведеній.

ПРИЩЕВЫ ОСТРОВА. Изъ исторіи Византіи. *А. Воскресенскаго.* 228 стран., цѣна 25 к.

РАЗМЫШЛЕНІЯ О ЖИЗНИ ІИСУСА ХРИСТА. Соч. *Ѳомы Кемпійскаго,* пер. съ англ. свящ. *М. Славнитскаго.* 260 стр., цѣна 50 к.

Его Импер. Выс. Главн. Нач. воен.-учебн. зав. **РЕКОМЕНДОВАНО** для фундам. библ.

РУССКІЯ МИССІИ НА ОКРАИНАХЪ. Историко-этногр. очеркъ Прот. *І. Бѣляева.* 308 стр., ц. 50 к.

Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. **ДОПУЩЕНО** въ уч. библ. средн. учебн. завед. и въ безпл. нар. библ. и чит.

Учен. Ком. при Св. Сунодѣ **ДОПУЩЕНО** въ учен. библ. средн. учебн. зав.

РУССКІЕ ПОДВИЖНИКИ XIX ВѢКА. Историко-біографическіе очерки, въ 2-хъ част. *Е. Поселянина.* 540 стран., ц. 75 к.

Уч. Ком. Мин. Нар. **ДОПУЩЕНО** въ уч. библ. средн. и низш. учебн. зав. и въ безпл. народн. чит. и библ.

Учен. Ком. при Св. Сунодѣ **ОДОБРЕНО** для уч. библ. дух. сем. мужск. и женск. дух. уч.

СВѢТЪ АЗІИ. Распространеніе христіанства въ Сибири въ связи съ описаніемъ быта, нрав., обычаевъ и рел. вѣров. инород. этого края. Сост. *Т. Догуревичъ.* 186 стр., ц. 25 к.

Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. **ДОПУЩЕНО** въ уч. старш. инор. библ. ср. учебн. зав., въ уч. библ. низш. учил. и безпл. нар. библ. и чит.

СВЯТЫНИ ЗЕМЛИ РУССКОЙ. Съ описаніемъ жизни и подвиговъ святыхъ и знаменій, бывшихъ отъ чудотворныхъ иконъ. Сост. *Е. Поселянинъ.* 218 стран., цѣна 25 к.

Уч. Ком. М. Нар. Пр. **ДОПУЩЕНО** въ библ. ср. уч. зав.

СВЯТЫНИ НАШЕГО СѢВЕРА. Путешествія по обителямъ Сѣверной Россіи. Очерки и разск. *И. Остроумова.* 185 стр., ц. 25 к.

Уч. Ком. Соб. Его Имп. В. Канц. **РЕКОМЕНДОВАНО** для пріобр. въ фунд. и учен. библ. учебн. зав. Вѣдом. учр. Имп. Маріи

СКАЗАНІЕ О СВЯТОПОЛКѢ, князѣ Поморскомъ, *Н. Н. Филиппова.* 88 стран. ц. 15 к.

СОЛОМЕЯ. Повѣсть изъ быта поволжскихъ сектантовъ. *Л. Воронина.* 132 стр., ц. 75 к.

СОЛОМОНЪ, ЕГО ЖИЗНЬ И ВРЕМЯ. Соч. *Ф. В. Фаррара.* Переводъ съ англійскаго священника *М. Славнитскаго.* 240 стран. ц. 50 к.

Уч. Ком. М. Н. Пр. **ДОПУЩЕНО** въ учен. библ. ср. учебн. зав. мин. и въ безпл. нар. читальни и библіот.

Уч. Ком. при Св. Сунодѣ **ДОПУЩЕНО** въ фунд. учен. библ. дух. семин.

СРЕДИ РАСКОЛЬНИКОВЪ И СЕКТАНТОВЪ ПОВОЛЖЬЯ. Историко-бытовые очерки *С. Архангелова.* 176 стр., ц. 25 к.

Историческія повѣсти.

АДСКІЙ ГОДЪ. (Іезуиты въ Россіи). Церковно-историческ. хроника. *Н. О. Лихарева.* 208 стр. 50 коп.

АЛИШЙ ИЗЪ ТАГАСТЫ. Повѣсть изъ исторіи гоненій на христіанъ IV вѣка. 208 стран. 50 коп.

БУРЪ-АНЬ. Повѣсть изъ древне-зырянск. жизни. *М. Н. Лебедева.* 168 стран. 25 к.

ВЕЛИКІЙ СТРАДАЛЕЦЪ. Историческая повѣсть изъ жизни патріарха Гермогена. *Вл. П. Лебедева.* 160 стран. 50 к.

ВЪ ДАЛИ ВѢКОВЪ. Историческ. повѣсть въ 2-хъ частяхъ. *А. И. Лаврова.* 192 стран. 50 к.

Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. **ДОПУЩЕНО** въ уч., младш. и средн. возр., библ. средн. учебн. зав. Мин. и въ безпл. нар. чит. и библ.

ДОВМОНТОВЪ МЕЧЪ. Историческая повѣсть. *Вл. П. Лебедева.* 156 стр. 25 к.

ЗА БРАТЬЕВЪ-СЛАВЯНЪ. (По поводу 25-л. войны 1877—78 гг.). *И. В. Преображенскаго.* 192 стран. 50 к.

ЗА КРЕСТЪ И ВѢРУ. Историческая повѣсть. *А. И. Красницкаго и В. А. Пинчука.* 190 стран. 25 коп.

ЗА СВЯТУЮ ОБИТЕЛЬ. Историч. повѣсть изъ эпохи смутнаго времени на Руси. *Вл. П. Лебедева.* 240 стран. 50 к.

Мин. Нар. Пр. **ДОПУЩЕНО** въ учен. библ., средн. и младш. возр., средн. учебн. зав., а также и въ безпл. читальни.

ИСТОРІЯ РОССІИ ДЛЯ НАРОДА, въ 12 разсказахъ, съ 21 рис. и портр. *А. И. Сальникова.* 176 стран. 30 к.

КНЯЗЬ МУЧЕНИКЪ. Историческая повѣсть. *Вл. П. Лебедева.* 200 стран. 25 к.

Мин. Нар. Пр. **ДОПУЩЕНО** въ учен. библіотеки всѣхъ учебныхъ заведеній мин. средн. и низшихъ и въ безпл. народн. чит.

МУЧЕНИКИ. Церковно-историческая повѣсть, въ 2-хъ частяхъ. *Шатобріана.* Перев. *А. С. Меркзиной.* 380 стран. 50 к.

НА СТРАЖѢ ПРАВОСЛАВІЯ. Повѣсть изъ жизни украин. духов. XVIII в. *В. А. Радича.* 208 стр. 50 к.

НЕБЕСАМИ ПОБѢЖДЕННЫЕ. Историч. пов. въ 3-хъ частяхъ. *А. И. Лаврова.* 192 стран. 50 к.

Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. **ДОПУЩЕНО** въ уч., младш. и средн. возр., библ. средн. учебн. зав. Мин. и въ безпл. нар. чит. и библ.

ОТЕЦЪ ГЕРАСИМЪ. Пов. изъ жизни сербскаго народа подъ турецк. игомъ. *Д. Илича.* 220 стран. 50 к.

ПАТРІАРХЪ НИКОНЪ. Историческій романъ въ 2-хъ томахъ. *М. А. Филиппова.* 812 стран. Цѣна за 2 тома 1 р. 50 к.

ПОДЪ ГНЕТОМЪ УНІИ. Историч. пов. изъ быта Бѣлоруссіи XVIII в. *Н. Стрѣлинева.* 230 стр. 50 к.

ПРЕДЪ РАЗСВѢТОМЪ. Историческая повѣсть изъ эпохи княженія на Руси Ольги. *А. И. Лаврова.* 192 стран. 25 к.

ПУТЕМЪ НЕИСПОВѢДИМЫМЪ. Историческая пов. изъ жизни патріарха Филарета Никитича. *Вл. П. Лебедева.* 144 стр. 25 к.

ПУТИ ПРОВИДѢНІЯ. Повѣсть изъ временъ Константина Великаго. Переводъ съ англійскаго. 190 стран. 25 к.

СВЯТИТЕЛЬ АЛЕКСІЙ. Историческая повѣсть *П. А. Россіева.* 190 стран. 25 к.

СЕСТРЫ ФАБІОЛЫ. Пов. изъ врем. гоненія на христіанъ. Соч. *К. Семенова.* 186 стран. 25 к.

Особ. Отд. Учен. Ком. Мин. Н. П. **ДОПУЩЕНО** въ безпл. нар. чит. и библ.

СКВОЗЬ МРАКЪ КЪ СВѢТУ, или на разсвѣтѣ христіан. Пов. изъ врем. Нероновск. гоненія на христіанъ. *Ф. Фаррара,* въ излож. *Ф. Волгина,* 168 стр., изд. 2-е. 25 к.

Первое изданіе Уч. Комит. М. Н. П. **ДОПУЩЕНО** въ учен., старш. возраста, библ. средн. учебн. завед., въ учительскія библ. низшихъ училищъ и въ безпл. народн. библ. и читал.

Учебн. Ком. С. Е. И. В. Канцеляріи **РЕКОМЕНДОВАНО** для учен. библ., средн. и старш. возраста, ср. учебн. завед. и старш. возр. Маріинскихъ уч. и низш. уч. завед. Вѣдом. Учрежд. Имп. Маріи.

СОНЪ ВЕЛИКАГО ХАНА. Историческая повѣсть. *М. Н. Лебедева.* 176 стран., 50 к.

СЫНЫ АРІЯ. Пов. изъ ист. борьбы съ аріанствомъ Запада. 224 стран. 50 к.

Уч. Ком. Мин. Н. П. **ДОПУЩЕНО** въ учебн. библ. средн. уч. завед. и въ безпл. нар. чит. и библ.

ТРИ ПОВѢСТИ. I. Рабы и владыки. II Послѣдній всплескъ. III. Въ бурю. *Н. Н. Алексѣева-Кунгурцева.* 431 стр., 1 р.

ТУЧА СЪ ЗАПАДА. Историческ. повѣсть. *Θ. Р-скаго.* 144 стран., 25 к.

Особ. Отд. Учен. Ком. Мин. Нар. Пр. **ДОПУЩЕНО** въ безпл. нар. чит. и библ.

ФЕЛИНИСЪ. Повѣсть изъ исторіи гоненій христіанъ при Домиціанѣ. *Гено.* Переводъ *И. В. Новгородской.* 176 стран. 25 к.

ЦАРСКІЙ ДУХОВНИКЪ. Истор. пов. изъ врем. Іоанна Грознаго. *Вл. П. Лебедева.* 208 стр. 50 к.

ШУТЪ БАЛАКИРЕВЪ. Повѣсть изъ временъ царствованія Петра Великаго. *З. Б. Осетрова.* 124 стран., 40 к.

ѲЕДОСЕЕВСКІЙ ВЛАДЫКА. Повѣсть изъ исторіи раскола XVIII в. *Н. Н. Алексѣева-Кунгурцева.* 176 стр., 50 к.

Дозв. ценз. Спб., 15 апрѣля 1904 г.

Тип. П. П. Сойкина, Стремянная, 12.